

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 7.

ИЮЛЬ 1915.

СТИХИ: С. Рафаловичъ, И. Эренбургъ, С. Михайловъ, Георгій Ивановъ, Н. Ландская, Юрій Бочаровъ, Н. Бруни, Б. Евгеньевъ	3	ГУСТАВЪ ВИЛЬКУНЪ. — Начальникъ дубиннаго войска	46
П. КОЧЕВОЙ. — Теремокъ пичуги	5	Д. МИТРОХИНЪ. — Война въ рисункахъ совр. фр. художниковъ	47
А. ИСАКОВА. — Среди враговъ	17	Г. АЛЕКСЪЕВЪ. — Военныя бесѣды	48
СЕМЕНЪ АСТРОВЪ. — Акварели	27	ЧЕРНЯЕВЪ. — Внутреннее обозрѣніе	51
Н. ЛЯШКО. — Лѣснущка	31	П. ЧЕРКАССКІЙ. — На зарубежныя темы	55
АНДРЕЕВА-МАВЪСКАЯ. — Исторія О-Тен	36	Н. КИСЕЛЕВЪ. — Живая струя	57
ТАТЬЯНА КЛАДО. — Стихотворенія	37	С. БРУКЪ. — Гигантскіе электромагниты	69
	39	БИБЛОГРАФІЯ	60
		ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Іюльскій номеръ иллюстрированъ военными рисунками современныхъ французскихъ художниковъ.

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Анна Ахматова, Г. Адамовичъ, Грааль Арельскій, Л. Андрусонъ, Людмила Ануфриева, С. Ауслендеръ, С. Бахлановъ, Александръ Блокъ, А. Боане, А. Богдановъ, К. Большаковъ, А. А. Боровой, Юрій Бочаровъ, Николай Бруни, проф. В. А. Вагнеръ, Натанъ Венгровъ, Борисъ Верхоустиинскій, Г. Вяткинъ, М. Ге, пр.-доц. И. И. Гливленко, Е. Голицынская, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, Н. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, А. Добровольскій, Б. Евгеньевъ, Борисъ Зайцевъ, Георгій Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, С. К. Исаковъ, М. М. Карповичъ, Г. Кваша, проф. Н. Л. Кладо, Т. Кладо, А. А. Кондратьевъ, Вл. Кохановскій, Всеволодъ Курдюмовъ, К. Кравцовъ, В. Красновъ, М. Кузминъ, А. Липецкій, Н. Ляшко, Артуръ Лурье, О. Мандельштамъ, О. Миртовъ, С. Михайловъ, М. Моравская, И. Накатовъ, К. Одинцовъ, Ин. Оксеновъ, О. Л. д'Оръ, Н. Оцупъ, А. Петричъ, проф. В. Д. Плетневъ, Н. Н. Пунинъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, Михаилъ Сандомирскій, А. Свирскій, Юрій Слезкинъ, П. Соловьева (Allegro), М. Струве, А. Тиняковъ, М. В. Федуловъ, проф. Н. Н. Фирсовъ, А. А. Фридманъ, П. Черкасскій, А. Ширяевецъ, Е. Эдвардъ, И. Эренбургъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ: Натанъ Альтманъ, Левъ Бруни, В. Д. Замирайло, Л. Квятковскій, В. Кунсъ, П. И. Львовъ, В. А. Милашевскій, Д. И. Митрохинъ, П. Митуричъ, худ.-фот. А. Н. Павловичъ, Н. Пянгинъ, проф. Н. С. Самокишъ, Н. Тырса, Н. П. Ясиновскій и др.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

	Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.		
1/4 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.
1/2 "	35 "	55 "	65 "
1/4 "	20 "	30 "	35 "

Строка непарели: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія вѣсомъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лоть по 2 р. 50 к. за каждый лоть.

Контора „Новаго Журнала для Всѣхъ“ обращается къ своимъ полугодовымъ подписчикамъ съ напоминаніемъ, что во избѣжаніе перерыва (съ Іюля) въ высылкѣ журнала, слѣдуетъ теперь же произвести второй взносъ (1 р. 20 к.).

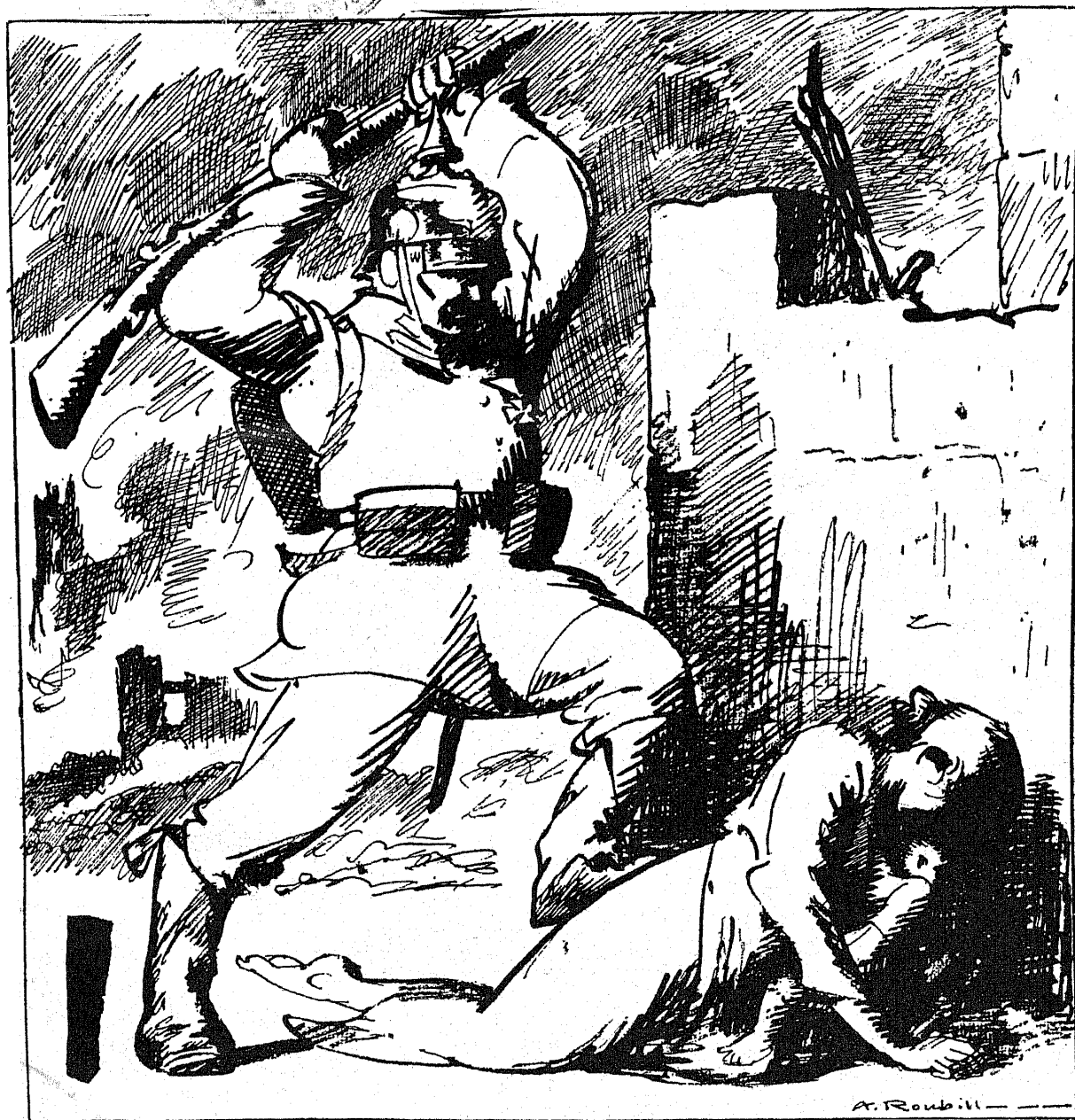
Редакція „Новаго Журнала для Всѣхъ“ предупреждаетъ **НОВЫХЪ ГОДОВЫХЪ** подписчиковъ, что пятая (Майская) и шестая (Іюньская) книжки журнала за 1915 г. **РАЗОШЛИСЬ** и не могутъ быть повторены новымъ изданіемъ по причинамъ технического характера.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для всѣхъ

1915г.

іюль

№ 7

Рубильнъ.

„Хорошо, что есть женщины“

Леандръ. Встрѣча бандита Вонно съ кайзеромъ:
„Что ты поблѣднѣлъ, товарищъ... айда, дружище..“

С Т И Х И.

Тебя, всеблагостный, Тебя, Господь любви,
Молю я, въ первый разъ молитвою смущенный,
Не стойкостью столѣтьями возвращенной,
Не силой древнею, не юною отвагой—
На благо родинѣ и намъ самимъ на благо—
Великой ненавистью насъ благослови.

Я принялъ Твой завѣтъ смиренья и прощенья
И съ челоуѣчествомъ по слову Твоему
Связалъ себя привязанностью брата.
Но не кирка, не молотъ, не лопата
Въ рукахъ сородичей. И дальній гулъ сраженья
Колеблетъ тихій храмъ и жуткую тюрьму.

Тебя, всеблагостный, Тебя, Господь любви,
Молю о томъ, чтобъ жалость и пощада
Въ сердцахъ изсякли, какъ подъ солнцемъ влага.
Тебя молю: на гибель иль на благо
Великой ненавистью насъ благослови.

С. Рафаловичъ.

НА ВОЙНУ.

Издыхая и ноя
Пролеталъ за поѣздомъ поѣздъ,
И вдоль рельсъ, на сбѣгающихъ склонахъ
Подвывали закланныя жены.
А въ вагонѣ каждый зуавъ
Пѣлъ высокіе гимны.
(И нимфы
Стенали среди дубравъ).
„Ахъ люблю я Маріетту, Маріетту
Эту,
Все за ней хожу.
Гдѣ мы? гдѣ мы? гдѣ мы?
Я на штыкъ мой десять нѣмцевъ
Посажу!..“
Дамы на штыкъ надѣли
Чужеземные цвѣты—хризантемы.
А рельсы все пѣли и пѣли—
Гдѣ же мы? гдѣ мы?
И кто то, тая печаль свою,
Имъ отвѣтилъ—въ Раю!

И. Эренбургъ.

І Ю Л Ъ.

Іюльскій день огнистъ и жарокъ,
Іюльскій жаръ, что желтый медь.
Подъ сѣнью выгорѣвшихъ радугъ
Сухое лѣто ризы ткеть.

Вступилъ на счастье съ міромъ въ долю
Четъ-нечетъ дастъ намъ даль небесъ,
Благослови, Господня, воля
Ржаныхъ полей сохранный крестъ.

Конца дорогамъ нѣтъ привольнымъ,
Подъ шумъ взрыхляющихъ плуговъ
Въ травѣ колышатъ колокольни
Мохнатыхъ звонарей жуковъ.

И въ золотыхъ отъ зноя селлахъ,
Сверля алмазное стекло,
Встаетъ надъ улицей веселой
Горящее веретено.

С. Михайловъ.

ЛЮБОВЬ.

посв. Габріэль Тернизьенъ.

1.

Улыбка одна и та же,
Сухой неподвиженъ ротъ.
Такіе какъ ты на стражѣ
Стоять въ раю у воротъ.

И только если рѣсницы
Распахнутся, глянуть глаза—
Кажется—рѣютъ птицы
И гдѣ то шумить гроза.

2.

Знаю—ложь все, что раньше было,
Нѣтъ, не вѣрю пустому сну.
Все минувшее разлюбило,
Сердце знаетъ радость одну.

Это выцвѣтшее небо наше,
Эти чахлые острова.
Подъ лучами Господней Чаши
Склонена моя голова.

И чего мнѣ бояться, право,
Не амуръ и не жалкій лукъ.
Вся любовь, вся тоска, вся слава
Въ очертаніяхъ этихъ рукъ.

Ты свободна—люби иль мучай,
Улыбайся иль отрави,
Все рѣдѣютъ, рѣдѣютъ тучи
Въ незакатномъ небѣ любви.

Георгій Ивановъ.

АКАЦІЯ ВЪ ЦВѢТУ.

Я видѣла васъ только разъ.
Ночь была синяя, синяя...
Я помню, въ петлицѣ у васъ
Дрожала глицинія.

И взоръ вашихъ глазъ въ ворожбѣ
Былъ затѣмненъ поволокою.
И я показалась себѣ
Такой одинокою.

Я видѣла васъ только разъ..
Пахнутъ акации сладостно,
И ночью мнѣ думать о васъ
Такъ больно и радостно.

Къ лицу бѣлый трепеть прижавъ,
Быстро взбѣгаю по тропкѣ я.
Мнѣ чудятся въ шорохѣ травъ
Шаги ваши робкіе.

Н. Ландская.

НА ВЕСЕННЕМЪ ЗАКАТѢ...

Памяти маленькаго Игоря.

Мальчикъ нашъ ждетъ насъ... Но гдѣ же искать?
Подъ какимъ бугорочкомъ?..
Мы никогда не придемъ
Между крестами бродить, пробѣгая глазами по
строчкамъ,
Полузамытымъ дождемъ.

Знаю, онъ вѣрить, однако, что я на весеннемъ
закатѣ

Долженъ придти хоть тайкомъ
Въ дальній кладбищенскій уголь къ зеленой
скамейкѣ на скатѣ,
Сѣсть надъ чужимъ бугоркомъ,

Вязкую влажную землю чертить кончикомъ
палки,

Въ далихъ слѣдить за огнемъ,
Слушать какъ въ голыхъ березахъ начнутъ
безпокойныя галки

Вновь панихиды по немъ...

Вѣрить, что въ сумеркахъ я побреду непросохшей
дорожкой,

Часто скользя на пути,
Комкая въ пальцахъ платокъ и отъ холода
ежась немножко...

Мальчикъ! я долженъ придти.

Юрій Бочаровъ.

* * *

Голосъ вѣтра въ травѣ склоненной,
Мы касались другъ друга плечомъ...
Я носилъ, какъ мальчикъ влюбленный,
Твой потрепанный Гете томъ.

Все равно ты о немъ забывала,
Не прочтя ни одной строки,
А сердце судьбу читало
По чертамъ твоей узкой руки.

Я узналъ, что стану мудрѣе,
Скоро буду немного сѣдымъ,
Но нѣжность убить не сумѣю
Даже къ привычкамъ твоимъ.

Николай Бруни.

* * *

Мучительны приливы и отливы
Все тѣхъ же мыслей, радости и горя.
Все тѣ же повторяются мотивы
Не все ль равно, въ мажорѣ иль въ минорѣ?

Они и завтра будутъ повторяться,
Не суждено услышать свѣжей ноты:
Притупишься, мотивы прижужжатся
И канешь въ безразличную дремоту.

Борисъ Евеневъ.

Левицкая.

„Еще нѣсколько охапокъ, и онъ будетъ поджаренъ“. (Гравюра на деревѣ).

Теремокъ Пичуги.

Разсказъ П. Кочевого.

I.

Баранда—это рѣченка таежная, шустрая и вертлявая; словно юркій звѣреньшъ, она и въ горахъ, и въ долинахъ въ темной и жуткой тайгѣ. Всюду поспѣваетъ, всюду пѣнится, бросающая брызги широко, взбираясь на камни высоко, откуда падаетъ каскадами серебра; скулитъ и стонетъ, струясь межъ отроговъ, и затихаетъ тогда, когда воды катитъ вдоль ржаной поляны. А здѣсь.. здѣсь Одарка, пріемная дочь дѣда Пичуги; поетъ красавица пѣсни звонко, ими плачетъ и ими же смѣется, но безъ словъ онѣ: словами не выразить Одаркиной дѣвичьей тоски.

— Тату,—кричитъ, взбѣжавъ на крышу теремка.—Тату, идите вечерять!

И смотритъ остро вдаль, а вдали горы да холмы. Морѣ холмовъ.

Сплошь заросшіе хвоей—эти близко, до нихъ рукой подать, вонъ они, первый похожъ на верблюжій горбъ, и на горбу у него разсѣ-

ченная на двое молніей лиственница; ниже нея березки, а совсѣмъ на склонѣ, тамъ молодая ель. Дальше голые холмы; напоминаютъ они обвѣтренную лысую голову дѣда Пичуги; всѣхъ пять, а больший изъ нихъ,—отъ краю третій, если смотрѣть на него съ крыши теремка; онъ изогнутъ подобно колѣну, и верхушка его, вѣрно, похожа на костякъ дѣдовской головы, только ужъ очень большой, увеличенной разъ во сто; такого размѣра голова впору, развѣ, великану изъ сказки; впрочемъ, чтожъ,—вѣдь и Пичуга не дитячко малое. Волнистые и узорчатые холмы еле замѣтны; затянута она пеленой марева нѣжно; вотъ-вотъ пелену разорветъ вѣтеръ; за ихъ синѣющей далью ничего кромѣ неба, и кажется оно Одаркѣ не распластаннымъ лазоревымъ пологомъ, а поставленной за холмами вертикально стѣной. А еще видитъ она поляны большія и малыя; какъ многоцвѣтные ковры, онѣ разостланы въ

долинахъ небрежно, точно чья-то сильная рука сперва ихъ комкала долго, потомъ, когда надоѣло это занятіе, швырнула къ небу, а ужъ оттуда и разнесло ихъ вѣтромъ по низамъ тайги. И гдѣ они, ковры многоцвѣтные, падали, тамъ образовывались поляны, то большія, то малыя.

Яснѣе же всѣхъ и ближе Одаркѣ—поляна ржаная, она не такъ далеко: прибѣгаетъ туда красавица, не успѣвъ вспотѣть хорошенько. На всю покатую ширь поляны раскинулась золотой парчей рожь; стебель ея твердъ, и тученъ колосъ, а все же не томить рожь медвянымъ удушьемъ, какъ томятъ южныя безкрайныя поля.

— А бачь, и справди нема паху,—въ радумьи произносить Одарка, прижимая къ лицу два золотистыхъ ржаныхъ колоса.

— Отъ, горе...—и снова вспоминаетъ все слышанное отъ дѣда Пичуги о югѣ, о его привольныхъ и ароматныхъ поляхъ.

Идетъ она изо ржи къ теремку грустная, подавленная; по дорогѣ останавливается и безпричинно вздыхаетъ.

— Нема. Нема...

Грустно.

— Тату,—кричитъ вдругъ, поровнявшись съ холмомъ. На холмѣ, на самой его вышкѣ и стоитъ теремокъ Пичуги; у подножья его омутъ, еще шагъ въ сторону—Баранда; здѣсь она узкая и неугомонная.

— Та-а-а!

Но нѣтъ,—шумъ тайги заглушаетъ крикъ Одарки; не долетѣтъ ему до дѣда, хотя и звученъ онъ, силенъ.

— Та-ту-нич-ку!

Вечерѣтъ.

Солнце румянится и медленно идетъ на убыль; на склонѣ, у горъ, оно наливается кровью и, обогренное, скрывается, оставивъ горѣть закатными красками зори; эти переходятъ изъ кровавого пожарища въ непроглядную темь быстро; появляются онѣ за дальними холмами, за ними же наступаетъ и ночь, расходясь по тайгѣ ощупью, съ тихимъ шумомъ. Шумятъ лѣса. Имъ вторитъ вѣтеръ, таежный царь; этому рѣченка, пѣнящаяся на скатахъ, воющая по волчьимъ въ узкихъ провалахъ, ползущая змѣей межъ камней по оврагамъ.

— Та-а-а!

Слышитъ шаги дѣда.

— Идти швыдчи, бо ночь...

Черезъ минуту изъ кустовъ выходитъ Пичуга, ступая по медвѣжьимъ, безъ разбору, ломая руками и ногами все, что мѣшаетъ его прямому неуклонному пути.

— Отъ и я, дѣтка.

Одарка помогаетъ дѣду внести въ теремокъ хворостъ, битую лѣсную птицу, потомъ, со смѣхомъ, ласкаясь, лицомъ къ колосьямъ, втаскиваетъ огромный золотой снопокъ ржи.

Пичуга тоже смѣется.

— Шо ты до его, якъ дитына до маты принудилась. Хиба дуже сумно?

Съ отвѣтомъ Одарка медлитъ; когда отвѣчаетъ на вопросъ дѣда, то дѣлается мрачной и гнѣвной.

— Було-бъ и меня втопыть, якъ втопыли маты,—со злобой напоминаетъ она Пичугѣ о его расправѣ съ мужиками. Въ группѣ мужиковъ были отецъ и мать Одарки; ихъ дѣдъ... впрочемъ, обо всемъ въ свое время.

— Якъ бы я, дѣтка, той,—пробуетъ оправдаться Пичуга,—якъ бы я теперь, а то тоди. Тоди, дѣтка, я однаково шо звѣрюка, шо той...

Но смолкаетъ дѣдъ, взглянувъ на Одарку,—ему ясно: словами не унять Одаркиной тоски, не осушить сиротскихъ слезъ, не вернуть ей отца и матери, хотя бы цѣною собственной смерти; вспомнивъ же о смерти, онъ сокрушенно произноситъ:

— Умру я, дѣтка, якъ собака. Злитятъ вороны: каръ, каръ... Отъ якый Пичуга.

Въ тонъ дѣду, но о своемъ, Одарка говорить сквозь слезы:

— Вы казали, шо на міри богато людей, а я ихъ не бачила. Шо у васъ была маты, шо жинка... Моя маты втоплена, а батько мой вбитый. Така моя доля, тату,—заканчиваетъ она со вздохомъ.

Вздыхаетъ и Пичуга.

— Дуже тоби сумно, дѣтка.

— Ажъ такъ!

И Одарка давить рукою свою лебяжью шею съ такою силою, что ея глаза наливаются кровью.

II.

Третья весна пошла, какъ дѣдъ Пичуга перевавилъ за девятый десятокъ. А лѣтъ шесть-десять тому назадъ, въ одну изъ суровыхъ таежныхъ зимъ, онъ шагаль по большаку съ партией арестантовъ, которыхъ вели съ юга Россіи; на югѣ дѣдъ оставилъ мать старуху, да Одарку, молодую жену. Тогда, въ годы рабства, горяча была кровь въ людяхъ, любовь огненна, и месть за нее смертельна—Пичуга убилъ своего пана-помѣщика, которому приглянулась жена его Одарка, первая красавица на округу. Покончивъ же съ панемъ, ему, разумѣется, ничего не оставалось сдѣлать, какъ убѣжать; иначе, вѣдь, и самому смерть. И дѣдъ бѣжалъ. Слонялся снѣ по міру, года три. За это время побывалъ подъ Москвой, пробирался даже къ

сѣверу, къ чухнамъ, и только понавъ въ Литву — сплошалъ. Здѣсь онъ нанялся къ одному знатному польскому магнату въ погонщики скота. А такое дѣло, какъ убійство, да еще холопомъ пана, какъ знаютъ люди, удержатъ за зубами трудно; холопу всегда пріятно похвастать, что вотъ, молъ, я какой... Словомъ, слухи о томъ, что Пичуга — погонщикъ — убійца, дошли и до пана-магната. Ну, а паны нароцъ ужъ извѣстный, имъ только попадись холопъ, только дайся. Проще — Пичугъ табакъ. Его поймали. Кто-то и какъ-то судиль, а спустя мѣсяцъ, закованнаго въ кандалы, съ обритой на половину головой, его ужъ вели на каторгу, на островъ Сахалинъ.

Но не даромъ Пичуга былъ сыномъ юга, не спроста любилъ любовью огненной и мстилъ местью смертельной — съ каторги онъ сбѣжалъ: ау! — лови кому весело. И былъ, конечно, пойманъ, былъ битъ и закованъ въ новыя цѣпи.

Прошелъ годъ, близился къ концу второй. Шелъ какъ-то Пичуга по тюремному двору, смотрѣлъ на ясное звѣздное небо, да думку думалъ; неволю, какъ тѣсное платье онъ чувствовалъ, ежечасно, ежеминутно. А ему ли ростомъ въ сажень, ему ли богатырю степному, было подстать ходить въ тѣсной одежкѣ, когда такъ прекрасно небо, когда его синеокія звѣзды влекли къ себѣ, обѣщая любовь Одарки, молодой жены, теплую ласку старухи-матери... И вотъ взбушевала Пичугина душа, загорѣлась пожаромъ, откликнувшись на имя Одарки; закипѣло и сердце его, обвитое цѣпями; кипѣло оно и гнѣвомъ, и любовью. И не выдержалъ Пичуга — заплакалъ... Но слезъ у него было меньше силы: въ эту же ночь онъ сорвалъ съ себя цѣпи и снова подался на утекъ... Однако поймали и на этотъ разъ, били больнѣй прежняго, для крѣпости приковали къ тачкѣ. Съ этого дня Пичугъ все казалось сномъ: время, и подневольный каторжный трудъ, — вся жизнь, прошедшая и будущая. Ничто его не тревожило теперь и ужъ не было надеждъ на волю; невдругъ и исподволь забывалась Одарка, моло-

Гюаръ.

„Пирожнаго, шампанскаго!“ „Невѣжа, оботрите сперва сапоги о половику, вы загрязните мнѣ прихожую“.

дая жена, и старуха-мать. И жизнь его мало по малу превратилась въ нудную тяготу, которую оборвать могла лишь смерть.

— Шо-жъ... Смерть, такъ смерть, — рѣшилъ Пичуга на девятомъ году каторги, задумавъ новый побѣгъ; удался же ему побѣгъ по счету четвертый, который онъ предпринялъ, отбывъ еще пятокъ лѣтъ наказанья.

Воля безъ людей — сердце безъ крови.

Очутившись среди тайги, Пичуга затосковалъ, о каторгѣ вспоминая съ сожалѣніемъ; домой же, къ роднымъ степямъ и темному звѣздному небу, его не тянуло: онъ забылъ родину, покрылась быльемъ рана сердечная — любовь Одарки, время вывѣтрило изъ памяти добрые подслѣповатые глаза матери. И... прошла тоска; развѣянная таежными вѣтрами. Любо ему и одному. А къ пятидесяти годамъ онъ уже свой

человѣкъ въ тайгѣ: зналъ каждаго звѣря, какъ звѣрь же питался травами и пойманной дичью, пиля изъ ручья, лѣтомъ ходилъ нагишемъ, а на зиму убѣгалъ въ горы, гдѣ отыскивалъ пещеру, въ ней полуспалъ, полужилъ, ожидая тепла.

Такъ шли годы, такъ Пичуга, забывъ людей и, оступѣвъ мыслью, принималъ образъ звѣря. И, пожалуй, кончилъ бы онъ дикаремъ, сочетавъ въ себѣ человѣческое со звѣрскимъ, если бы не случай. А было это лѣтъ пятнадцать тому назадъ, зимой, не то лѣтомъ; вѣрнѣй, что лѣтомъ, но можетъ быть весной или осенью. Впрочемъ, дѣдъ помнилъ одно: въ тотъ день онъ взглянулъ на таежное небо и землю, какъ человѣкъ, а не звѣрь, сравнивая ихъ съ южными,—съ темнымъ небомъ далекой родины, съ землей необозримыхъ полей. А вспомнивъ поля, вспомнилъ мать-старуху, но когда вспомнилъ и Одарку, первую красавицу на округу, то, взревѣвъ, былъ гнѣвенъ и жестокъ. И пошелъ онъ тогда тайгой въ ту сторону, откуда чаще вѣяло тепломъ; пошелъ къ югу, рассчитывая встрѣтить тамъ людей, съ которыми рѣшилъ онъ расправиться круто. Расчеты не обманули его. Къ концу недѣли онъ подошелъ къ Барандѣ—рѣченкѣ шустрой, къ тому холму, на которомъ теперь стоялъ его теремокъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ девять человѣкъ старыхъ и малыхъ, по виду мужиковъ, пришедшихъ изъ родного далека на берега таежныхъ рѣкъ за золотомъ. А золото, какъ извѣстно, сродни крови. Словомъ, ждалъ Пичуга темной ноченьки, точилъ потихоньку ножъ, да изрѣдка посматривалъ на мужиковъ: готовьтесь, молъ, сиволапы, къ праотцамъ. Рѣшилъ и сдѣлалъ. Старикове онъ сонными сбросилъ съ холма въ омутъ, съ молодыми же дрался ожесточенно, особенно съ однимъ, у котораго онъ жену отнял; хотя и эта не долго жила: къ утру, взявъ отъ нея все, что могла она дать, какъ женщина, Пичуга и ее сбросилъ въ омутъ. И забылся бы этотъ день, какъ забывались имъ годы и десятки лѣтъ, снова жилъ бы онъ жизнью звѣря, если бы не дѣвченокка крохотная, которую онъ не убилъ, не замѣтивъ ее во время. А когда замѣтилъ, да рассмотрѣлъ ея человѣческое лицо, то вторично взревѣлъ звѣремъ: напомнила ему дѣвченка его холопское прошлое.

Годы шли.

Тайга тайгой, небо небомъ—все какъ быть должно.

Дѣвченку Пичуга полюбилъ горячо и нѣжно, свыкъся съ нею и назвалъ ее именемъ любимой своей жены, Одаркой. И невдругъ переходя къ человѣческому, онъ уступалъ все звѣрское лепету дѣвченки, ея чистому взору, про-

никшему въ его душу яркимъ лучемъ, который по пути освѣтилъ и сердце его, и мысли. Да и всю его таежную жизнь, съ которой онъ стерпѣлся и любилъ поневолѣ, какъ любимъ мы горе, привыкнувъ къ нему,—передѣлали слабыя дѣтскія руки. Жилъ онъ уже по людски, смастеривъ себѣ изъ поваленныхъ бурей кедровъ теремокъ, въ теремкѣ камелекъ, надъ камелькомъ нары, на которыхъ спалъ съ дѣвченкой въ зимнюю пору. Вскорѣ научился высѣкать огонь и стряпать варево, а когда вспомнилъ десятка два словъ, то, чтобы не забыть ихъ снова, въ тотъ же вечеръ началъ имъ обучать дѣвченку. Дѣломъ этимъ онъ занялся съ терпѣньемъ, и такъ ласково, словно руки его никогда не обогрелись кровью, и душою онъ былъ любящей матерью, а не звѣремъ, который изъ трехъ душилъ одного, когда его теремокъ навѣщали бѣгуны сахалинскіе; одѣвался Пичуга съ плеча бѣгуновъ, кормился коркой хлѣба, взятой у нихъ же изъ-за пазухи.

Такъ было...

III.

Изъ темнаго бора, изъ-за ржаной поляны, въ теремокъ доносится не то храпъ, не то вой звѣриный.

Дѣдъ на ноги.

— Мабудь кабанъ,—шепчетъ онъ, обращаясь къ Одаркѣ.—Я пойду, дѣтка.

Встаетъ и Одарка.

Выходятъ изъ теремка въ такомъ порядкѣ: первымъ Пичуга, въ рукахъ у него огромная дубина; у Одарки за плечами топоръ.

— Якъ шо кабанъ,—говоритъ вполголоса дѣдъ,—то не трогай, отъ разу не убьешь. Я самъ.

Проходятъ ржаную поляну.

— Стой...

Одарка прячется за деревомъ.

Шагами кошки Пичуга идетъ въ ту сторону, откуда вторично доносится звѣриный вой. Весь онъ, съ приподнятой надъ головой дубиной, взлохмаченный, полуодѣтый и обросшій сплошь волосами, кажется Одаркѣ въ эту минуту матерымъ старымъ медвѣдемъ, котораго зачѣмъ то поставили на заднія лапы. И только ловкость дѣда мѣшаетъ этому сравненію, да то еще, что хитеръ онъ въ борьбѣ со звѣремъ, человѣчески хитеръ.

Одарка минуту ждетъ, ждетъ другую.

Тишина.

Ночь звѣздная; небо ясное, сине-серебромъ оно отливаетъ. Если бы не тайга здѣсь была, а поля привольная, навѣрное, шуму бы не было. Стонетъ темный боръ не отъ вѣтра—вѣтра нѣтъ—кланяется онъ зелеными верши-

Гюйгенсъ.

Ипръ уголокъ улицы „aux Beugres“.

нами землѣ потому, что въ немъ все вѣчно: вѣтеръ и шумъ, полумракъ и страхи.

— Дѣтка, швыдче,—ловить Одарка шопотъ Пичуги, и идетъ къ нему, сладостно вздрагивая, сжимая въ рукахъ топоръ до боли, зная завѣдомо, что если кому и придется убить звѣря, то только ей, а не дѣду: за послѣднее время дѣдъ съ глазами мается.

— Шо, тату?

— Заразъ гнать буду,—негромко отвѣчаетъ Пичуга.—То не кабанъ, а вовкъ. Бей, якъ шо...

Дѣдъ нагиается, припадаетъ къ землѣ и ползетъ на брюхѣ вглубь тайги, откуда смотритъ на Одарку два горячихъ яркихъ уголька, волчьи глаза.

— Гей! Гей!

На гикъ Пичуги гикомъ же отвѣчаетъ и Одарка. Дѣлаютъ они это для того, чтобы оглушить звѣря, а оглушивъ его и не давъ ему опомниться, быстро, не медля секунды, броситься на него и добить окончательно.

— Гей, гей, гей!

Волкъ впередъ—впереди Одарка, обратно—Пичуга съ дубиной стоитъ.

Воетъ, сѣрый, оглушая тайгу.

— Ы-ы-и...

И снова въ сторону Одарки.

— Отъ якъ...

Смѣясь, Одарка беретъ на плечи тушу и идетъ къ теремку; за нею Пичуга плетется. По дорогѣ они не пересказываютъ другъ другу подробностей волчьей смерти, какъ сдѣлали бы это охотники, а идутъ молча и сосредоточенно, будто только что покоńczyли съ привычной и будничной работой, въ которой не участвовали ни человѣческая хитрость Пичуги, ни сладостная дрожь Одарки.

— О сюды, дѣтка.

Одарка валитъ съ плечъ тушу, потомъ передаетъ дѣду топоръ, которымъ онъ обычно снимаетъ шкуру звѣря, а сама бѣжитъ обратно въ темный боръ.

— Ой, о-о... Ио... слышитъ Пичуга ея покрики, а когда она обрываетъ ихъ вдругъ и до него доносится ея тоскующая безсловесная пѣсня, то дѣловито рѣшаетъ:

— До пары дѣвчина просится. Ничего не сробишь. Времяя...

IV.

Шумить, шумить тайга.

Съ ревомъ и ропотомъ скрипятъ и гнутся кедры, но вѣтру этого мало: хочеть онъ наклонить ихъ до земли; царственные кроны сосенъ рядомъ съ обгорѣлой травой: этихъ покорилъ вѣтеръ, надломивъ ихъ у корня; пихта и лиственница стонутъ, покойны только моло-

дые побѣги, до которыхъ вѣтру мѣшаютъ добраться сучья и листья стариковъ. На каждой ихъ вѣткѣ сидятъ, нахохлившись, пичуги; ихъ многое множество въ тайгѣ, и всѣ онѣ будто враги другъ дружки: никогда не поютъ вмѣстѣ, не летаютъ стаями на ржаную поляну обивать колосья. Надъ ними властвуютъ вороны; этихъ тоже уйма; когда они летаютъ черной тучей надъ боромъ, то день темнѣетъ, а гдѣ сядутъ и начнутъ каркать, тамъ, ужъ навѣрное, есть падаль.

Полдень.

Солнце ярко, но не грѣетъ и не томить тепломъ; въ тайгѣ оно кажется далекимъ, за семью небесами. Подъ нимъ облака, мутныя, не въющіяся барашкомъ, а прямые и угловатые, точно рядъ истертыхъ и обшмыганныхъ половыхъ досокъ. Земля безцвѣтна и усыпана камнями, какъ бываетъ усыпана грудь у пораженного язвами. Травы таежныя обильныя, въ ростъ человѣка—все это правда,—но не пряныя онѣ, цвѣты ихъ безъ запаха, а ягоды безъ вкуса. И только вода хороша въ тайгѣ, чище росы она; въ омутахъ спокойная и таинственная, въ рѣченкахъ юркая, точь въ точь молодой звѣренышъ. Еще туманы таежныя красивы, когда они степенно плывутъ по ложбинамъ, по утрамъ отдѣляя землю отъ неба. Но лучше воды и красивѣе тумановъ привольныя поляны. Идутъ онѣ отъ холма къ холму, чрезъ рѣчки и озера, къ стѣнамъ бора. А въ темномъ бору ни души. Никому не знакомы его холодные безпросвѣтные сумерки, его эхо пережатое, его страхи и голоса, идущіе, какъ казалосъ, изъ подъ земли, изъ пропасти. Есть, впрочемъ, и пропасти въ тайгѣ—хотя бы омуты: дна ихъ не достать, и берега ихъ круты, вода въ нихъ загадочна, точно живая, не хватаетъ ей лишь языка, чтобы повѣдать Одаркѣ объ ея матери и отцѣ, обо всѣхъ, кто былъ сброшенъ дѣдомъ Пичугой въ омутъ изъ мести.

— Ой, маты-матычко, ой, батичка мой... Ой, головонька моя бѣдная. Доля жъ моя злая,—плачетъ нараспѣвъ Одарка, кланяясь омуту поясно.

Вѣтеръ подхватываетъ ея рыданія и, вплетя ихъ красной лентой въ свою пѣсню, уноситъ туда, гдѣ голосить эхо, повторяя протяжно тоску дѣвичью.

— Аа-ая. А-я-я...

Эху откликаются черныя вороны.

— Карръ...

Воронье карканье Одарку пугаетъ; она дрожитъ, вспоминая объ участи Пичуги, которому некому будетъ закрыть глаза, когда умретъ онъ, когда закаркаютъ надъ нимъ черныя вороны. Бѣдный дѣдъ. Одарка его жалѣетъ искрен-

но, отъ чистаго сердца. Въ жалости забываетъ о своемъ горѣ, и отдавшись дѣдову, шепчетъ его повѣсти о томъ, какъ его били, какъ онъ былъ прикованъ къ тачкѣ на каторгѣ. Дальше, перебирая его прошлое, она вспоминаетъ рассказы о старухѣ матери, а когда въ ея ушахъ звучать печалью слова Пичуги о его любви къ первой красавицѣ на округу Одаркѣ, она ликующе кричитъ:

— Я тоже жена! Красивая! Отъ яка...

И бѣжитъ, взволнованная, къ темному бору, по пути взвизгивая, извиваясь змѣей.

— Тату, идить смотрѣть на свою Одарку! Отъ яка она! Отъ!

Зачарованная словомъ „жена“, Одарка минуту стоитъ безъ движенія, словно пораженная молніей; потомъ, глубоко вздохнувъ, медленнымъ, ничего невидящимъ взоромъ обводитъ весь окрестъ... Чары разсѣялись. И снова она видитъ солнце и, думая, тянется къ нему, легкая и прекрасная. Но разсѣялись и думы. Тогда Одарка странно какъ-то смотритъ на свои руки; взглянувъ, замѣчаетъ, что красивы онѣ, сильны и ловки; а когда хочетъ видѣть и лицо — во всю молодую прыть бѣжитъ обратно къ омуту, на бѣгу плюясь въ чьи-то глубоко ненавидные ей глаза:

— Шобъ ты здохъ! Шобъ ты ажъ... Сатана!

У омута Одарка любитъ собой, нагнувшись къ водѣ низко-низко. Вода ей кажется загадочной, какъ бы живой, которой недостаетъ лишь языка, чтобы повѣдать ей о тѣхъ, кто былъ сброшенъ дѣдомъ Пичугой въ омутъ изъ мести.

— Маты-матычко, батичко мой вбитый... Доль жъ моя злая,—голоситъ нараспѣвъ, жалуясь на свое сиротское неизбывное горе.

Ржаная поляна.

Одарка дергаетъ золотую рожь и вяжетъ снопы. Работа у нея спорится на диво—солнце на полянѣ, а она ужъ громоздитъ вторую копну. А въ то время, когда загораются зори, она покидаетъ поляну и идетъ въ темный боръ; у омута сегодня ей нечего дѣлать, грудь ея теперь тѣснить не тоска, а томное, до боли вол-

Рубилль. Марсельеза: „Впередъ! Впередъ! Пусть кровь нечестивыхъ омоетъ наши поля.“

нующее ожиданіе: куда и зачѣмъ ушелъ дѣдъ Пичуга, Одарка знаетъ—сердце подсказало. И смѣется она весело, и пѣсни поетъ звонко,— все потому, что милаго ждетъ. Не зная, кто онъ, каковъ съ лица и великъ или малъ ростомъ, она все же вѣритъ, что придетъ „онъ“, больше похожій на дѣда Пичугу, чѣмъ на нее. И это радуетъ. Но не въ силахъ представить его реальнымъ, она злится; злость не помогаетъ—тогда она бѣжитъ къ омуту. Въ водѣ отражается ея лицо; его она всячески старается измѣнить, чтобы хотя отдаленно быть похожей на „него“. Затѣя не удается.

Зори гаснутъ.

Въ бору темно, хоть глазъ выколи: вправо пойдешь—головой о дерево стукнешься, влево—запутаешься въ кустахъ. Не видно ни зги.

Ночью въ тайгѣ всегда такъ бываетъ, и Одарка къ этому привыкла. Идетъ она навстрѣчу дѣду, по ея расчетамъ ему ужъ время вернуться и привести милаго. Шагъ ея упругъ, увѣренъ, словно идетъ она не по темному бору, а по открытымъ и ровнымъ полямъ, и сейчасъ не ночь, а ясное утро. На ходу поетъ красавица, останавливается и пристально смотритъ на небо; румянецъ жжетъ лицо, а сердце... Нѣтъ. Одарка пускается въ бѣгъ, пытаюсь уйти отъ волнующихъ думъ, но... На кресту двухъ дорогъ она садится, и снова раздумье; тутъ же она рѣшаетъ заночевать; попавшіеся подъ руку сучья треть до тѣхъ поръ, пока они не загораются. А у костра опять... Словомъ, поетъ Одарка, и пѣснь ея громкая, ею она споритъ съ вѣтромъ, царемъ таежнымъ, заглушая его шумъ и стоны.

На пѣсню слетаются вороны. Услышавъ ихъ карканье, Одарка рветъ пѣсню на-двое: одна ея половина носится эхомъ по темному бору, другая замерла недопѣтой въ груди. Хотя грудь не могила... Черезъ минуту вороны слышатъ новую пѣсню Одарки. Эту она поетъ безъ радости, такъ печально, будто ужъ и жизнь ея молодая прошла, и дѣдъ сейчасъ въ теремкѣ, а не по дорогѣ отъ большого села, откуда онъ ведетъ ей милаго.

А вороны все ниже; стая ихъ подобна ночи, злобѣща она и темна; карканье ихъ протяжно.

Снова рвется на-двое пѣсня:

— Э-а...

Слушая, какъ эхо катитъ ея тоску по низамъ, по полянамъ, Одарка вспоминаетъ утопленныхъ въ омутѣ отца и мать.

— Ой, маты-матычко, ой, батичко мой. Доля жъ моя злая...

И вдругъ неистовый нечеловѣческой крикъ:

— А-яай!

Сколько было воронья на деревьяхъ, все камнемъ кидается на Одарку; облѣпляетъ ее, поганое, какъ огромныя черныя мухи, впивается клювами въ тѣло, каркаетъ хищно и жадно.

— Тату! Та-а-туй!

Чѣмъ сильнѣе кричитъ Одарка, тѣмъ ожесточеннѣе клюетъ ее воронье, тѣмъ больше слетается его къ кресту двухъ дорогъ, освѣщенныхъ веселымъ огонькомъ костра.

— Карр...

Отъ воронья Одарка отбивается отчаянно, бьетъ по десятку однимъ взмахомъ руки, топчетъ ногами, душитъ, падая отъ изнеможения на землю: встаетъ снова, чтобы крикнуть сильнѣй прежняго:

— Татуню-ю-ю!

Гаснетъ костеръ.

Вѣтеръ подхватываетъ его послѣдній дымокъ,

кружитъ, вьетъ изъ него веревочку и по ней взбирается къ небу. Падаешь звѣзда; вторая разливается серебромъ по небу; за этой третья; четвертая...

V.

Въ сентябрѣ, а то и въ концѣ августа, въ тайгѣ наступаютъ холода. Къ этому времени степные туманы замѣняютъ снѣга, выющіеся сѣдыми клубами по ложбинамъ, у холмовъ надъ спусками, у озеръ да рѣченоекъ. Омуть затягивается льдомъ. Баранда хотя крѣпится, но скоро и ея озорству конецъ. Травы коченѣютъ, и стебли ихъ клонятся къ землѣ со скрипомъ, подобно дереву; иногда они ломаются. Въ темномъ бору стонъ, длительный и примиренный. Ближе къ теремку ржаная поляна; отъ нея вѣетъ смертью. Копны, сложенные Одаркой лѣтомъ, не убраны и поныни. Тутъ же, на полянѣ валяется ея одежда. А дальше—нетронутая полоска вывѣтренной и выбитой птицей ржи.

Пусто и холодно.

— Шо, дѣтка, може вечерять будемъ,—спрашиваетъ Пичуга, пробуя въ чугунокъ варево.— Вже готово.

Прошло три мѣсяца, какъ ослѣпла Одарка. Тѣло ея, истерзанное вороньемъ, поджило, раны зарубцевались; слѣды отъ нихъ, особенно на рукахъ и на шеѣ, обезобразили чистую Одаркину красоту. Лицо ея неузнаваемо—измѣнили его темные провалы на мѣстѣ глазъ. И когда говорила Одарка, эти провалы то расширялись, то сокращались, какъ бы впитывая въ себя. Смотрѣтъ на нее Пичуга избѣгалъ, но забывшись и взглянувъ, загорался злобой; озлобленный уходилъ на крышу теремка, тамъ жутко свистѣлъ, а когда на его свистъ приходили бѣгуны сахалинскіе, душилъ ихъ; кстати, парня, котораго онъ привелъ для Одарки изъ большого села, онъ тоже задушилъ, тотчасъ же, какъ только увидѣлъ ея слѣпоту. Мстилъ дѣдъ за дѣвичьи ясные глаза тою же смертной местию, отъ которой когда то палъ панъ-помѣщикъ; не щадилъ онъ ничего; не въ силѣ былъ пройти даже мимо куста, чтобы не изломать его, не оставить и здѣсь печати своего проклятья всему, что такъ или иначе способствовало ослѣпленію Одарки; снѣгъ, выпавшій за ночь, и тотъ своею бѣлизною возмущалъ Пичугину душу. И такъ вездѣ и повсюду, гдѣ только видѣлъ онъ молодость и чистоту, какими были Одаркины глаза—все терпѣло его мести и разрушеніе. Въ это же время, какъ то подъ вечеръ, вернувшись въ теремокъ обезумѣвшимъ отъ гнѣва на весь таежный міръ, онъ бросился на Одарку, чтобы убить и ее, но... Въмѣсто жизни Одарка

Рубилль. Марсельеза: „Они врываются въ дома къ намъ, чтобы задуть нашихъ дѣтей, нашихъ подругъ“.

лишилась стыда дѣвичьяго, тоски по миломъ, да пѣсенъ безъ словъ.

— Тепло скоро, тату?

Пичуга смѣется.

— Ще зимы не було, а ты за тепломъ клопочишься,—отвѣчаетъ онъ.—До тепла ще снѣгъ буде, потимъ холодно, ой какъ холодно; потимъ опять снѣгъ, ажъ потимъ тепло.

Одарка слушаетъ Пичугу, какъ дитя, которое многого не понимаетъ, если даже и видитъ все; но бѣда ея въ томъ и есть, что понимать то она понимаетъ все, да вотъ видѣть ничего не можетъ.

— А погано, тату, безъ очей,—съ грустью замѣчаетъ она.—Шо день, шо ночь—все одинаково. День иде долго, долго. А може то я

сплю мало. Тату, заразь на двори дуже темно?

— Якъ тамъ, де той...

— Не говорити! Ой не говорити, тату,—кричитъ Одарка, обхвативъ голову такъ же, какъ обхватывала она ее, когда клевали ее вороны.—Бо може забуду я, шо нема очей. Господи, шо-бъ забуть! Тату?

— Ну, дѣтка?

— А шо Богъ меня баче?

— Богъ, — серьезничаетъ Пичуга, путается въ немногихъ извѣстныхъ ему словахъ о Богѣ,—Онъ не хоче... У Его другое дѣло,—шо бѣ за тобою хлопотаться. Онъ такой, шо Ему треба... той...

... Отъ якій Богъ, дѣтка!

Одарка не понимаетъ Пичугу, ибо Богъ у нея свой; не земной, о которомъ дѣдъ говорить съ ненавистью и жельчью, а небесный, всеблагий и милосердный. Этого смерти людскія не ищеть.

Его она выдумала послѣ того, какъ дѣдъ разбилъ ея мечты о миломъ. Этого Богъ нечеловѣкоподобенъ и дѣла земныя Ему не извѣстны. Представляла его Одарка безтѣлеснымъ и легкимъ, какъ пухъ, тихимъ и свѣтлымъ, какъ вечерняя звѣзда (солнце слишкомъ огромно для Одаркинаго Бога), красотою несравненнымъ и добротою сердца

необъятымъ; всѣ дѣла его—ласка и милость.

— А шо, тату, у неби тоже холодно,—спрашиваетъ Одарка, думая все о небесномъ Богѣ, жалѣя Его въ своей немудрой простотѣ на тотъ случай, если и Ему, ласковому и милостивому можетъ быть холодно.

— У неби?—сквозь дрему переспрашиваетъ Пичуга.

— Да.

— Мабуть тепло. Бо тамъ лучше для птицы. Вона все до неба летить. А шо?

Одарка облегченно вздыхаетъ, успокоенная за судьбу Бога на случай холода и, не отвѣтивъ дѣду, снова спрашиваетъ, опять же забываясь о божескомъ благополучи:

— А колы дождь, або солнце—Ему тоже не мокро и не жарко? Солнце мабуть близкоотъ Его?

Но Пичугу уже злѣть частые вопросы Одарки о Богѣ. Въ то время, когда она удѣляетъ больше вниманья Богу, а не ему, старому ревнивцу, онъ молчитъ на ея вопросы, хмурый и злой, а коль и эта мѣра не ослабляетъ ея интереса къ Нему, онъ уходитъ изъ дому, становится на крышу теремка и

Свистить Пичуга, и еще страшнѣй кажется таежная ночь, холодъ усиливается, реветъ тревожно вѣтеръ. Небо темнѣетъ, гаснутъ одна за другой звѣзды; поднимается снѣжная студеная буря. Боръ одѣвается въ бѣлыя ризы, поляны въ сугробахъ, надъ омутомъ кружатся холодные вихри. И только холмы не одѣты бѣлымъ покровомъ; оголенные осенней стужей, однообразные, они походятъ на застывшія навѣйки, черныя волны мертваго моря, берега котораго за тридевять земель.

Поодаль теремка костеръ разложенъ; случается иногда, что бѣгуны на дымокъ идутъ. Рядомъ съ костромъ пень, въ пнѣ дыра, въ дырѣ предлинный шестъ, а на шестѣ кумачу клокъ. И куда вѣтеръ этотъ кумачъ отклонить, туда поворачивается и свистить Пичуга; смотритъ въ таежную даль внимательно, прислушиваясь ко всему остро, и свиститъ, свиститъ. А когда услышитъ что, или увидитъ блуждающую точку, беретъ дубину и идетъ встрѣчать бѣгуна; промаховъ у дѣда не бываетъ, бьетъ онъ вѣрно: разъ и... лети душа къ Богу.

Да, о Богѣ. Какъ увѣровалъ въ Него Пичуга горячо, такъ и отошелъ не задумываясь, безъ сожалѣнья. Поступилъ онъ такъ, принявъ своею полувѣриною душою воронье и слѣпоту Одаркину за Божій промыселъ. Да и все, что мѣшало ему спокойно жить, какъ неудачи въ охотѣ, зимой стужу и жаръ лѣтомъ, онъ относилъ на счетъ немилости Его. И въ непоправимомъ горѣ, какимъ было для него горе Одаркино, онъ разсуждалъ о Богѣ жестоко и просто: „обидѣлъ Ты меня, такъ и не пеняй теперь“

Мстилъ Ему смертью бѣгуновъ, которыхъ душилъ безъ счету и надобности; впрочемъ, въ данное время надобность то была: Одарка нагая ходила, все ужъ износила, что было сорвано дѣдомъ съ плечъ бѣгуновъ, а холодъ все крѣпче да злѣй.

Оскорбляя небо, Пичуга удивлялся Боже-скому долготерпѣнью, допускающему глумленіе надъ Собой; представлялъ онъ Его такимъ же древнимъ старикомъ, какимъ былъ и самъ, развѣ вотъ почище на видѣ, да посвѣтлѣй съ облика; остальное же все, какъ у людей. Дальше не шла Пичугина фантазія. А разъ какъ то, когда Одарка, оправившись отъ ранъ, спро-

сила его: всѣмъ ли воронье рветъ глаза,—онъ отвѣтилъ ей прямо: на кого Богъ укажетъ. И съ той поры возненавидѣла и Одарка Бога, принявъ Его, какъ силу земную, разрушающую, которой и противопоставила силу небесную—бога своего, выдуманнаго. И жили они, какъ мужъ съ женой, тоже памятуя о мести Ему: оба знали, что творили великій рѣхъ, мѣшая свою кровь, однако рады были этому очень.

— Робимъ, якъ намъ лучше. Якъ треба самимъ,—мыслить Пичуга вслухъ, посвистывая, корчась отъ стужи.—Заразъ отъ упоймаю бѣгунка, та якъ бацну... Ажъ! Помѣшай отъ,—и онъ приросъ къ великану кедру.

По узкой тропѣ, нарочно протоптанной Пичугой мимо семи-обхватнаго кедра, быстро, вприпрыжку идутъ два бѣгуна; спѣшать, горюны, на дымокъ костра, рады, что наконецъ имъ можно будетъ обогрѣться. Но... пропустивъ перваго впередъ, второго, съ виду цыгана, Пичуга бьетъ по затылку мѣтко: падаетъ горюнь, не успѣвъ вскрикнуть; перваго та же судьба.

— Отъ и наказуй теперъ. Бачишь?—обращается дѣдъ къ небу, указывая дубиной на трупы; снявъ съ нихъ одеженку и обогрѣвъ объ ихъ еще теплыя тѣла озябшія руки, онъ тащитъ ихъ на край откоса.

Сбрасываетъ въ пропасть по очереди, съ сердцемъ пиная ногой. А когда одинъ изъ нихъ, тощій, скорченный холодомъ въ бараній рогъ, цѣпляется и виситъ на суку внизъ разоможенной головой, Пичуга произноситъ съ укоромъ:

— А ще Богъ. Тоже...—и, лѣнивый, идетъ къ теремку.

На полпути его встрѣчаетъ встревоженная Одарка.

— Шо, дѣтка?

— О тутъ. Слушайте! Шо-съ бьется...

Къ животу Одарки Пичуга припадаетъ, какъ вѣрующій къ холодному полу храма, благоговѣйно, съ трепетомъ.

— Чуете?

— Ажъ той! Жинка моя! Ажъ...

И бережно, словно чашу дорогого вина или чашу страданій—Пичуга несетъ Одарку въ теремокъ. На ходу прижимаетъ ее къ своей груди, какъ отецъ—ласково, какъ мужъ—горячо и страстно; цѣлуетъ ея темные провалы и, радостный, плачетъ, говоря съ нею о будущемъ сына:

— Мы жъ его, щобъ здоровый... Оно жъ наше. Щобъ такій, якъ я: баць и той...

VI.

Весной Одарка разрѣшается сыномъ.

Вспоенная градовыми дождями, согрѣтая

солнцемъ, земля томить сердце, туманить голлову подобно хмѣлю. Ясное небо смиряетъ душу. Въ бору шумъ, но не таежной жути, а многозвучной весенней радости. Все зелено и въ цвѣтахъ, все молодо и ярко, все поетъ, и звуки пѣсенъ сильны и чисты. Большія и малыя поляны словно невѣсты. Весна ихъ убрала цвѣтами, пестро и празднично; пышность ихъ царственна, и только румянца имъ не хватаетъ, чтобы походить на невѣсть-красавицъ. Холмы... эти какъ бархатъ, брошенный въ разныхъ мѣстахъ неразвернутымъ комомъ, горою; если бы расправить его складки—горбы и отроги,—и разостлатъ прилежно, то вся тайга одѣлась бы имъ, стала бы ровной и мягкой. Въ омутахъ солнце; переполненные водой, они кажутся пластомъ тяжелого золота, которое ужъ не взбаломутитъ ребячливому вѣтру. Развѣ что буря... Но бури весной въ тайгѣ никогда не бываетъ.

Отцовское счастье Пичугу лишаетъ покоя.

Безъ толку и безъ надобности онъ суетится, надоѣдая Одаркѣ съ услугами, которыхъ выполнить не можетъ. Десятки разъ повторяетъ одинъ и тотъ же вопросъ, и все спрашиваетъ не нужно ли чего, а когда Одарка, занятая сыномъ (замѣчала она Пичугу, постольку, поскольку онъ мѣшалъ ей) гонитъ его, онъ уходитъ въ тайгу, тамъ бѣгаетъ и зря ломаетъ кусты, посвистывая, покрикивая:

— А!.. А-о-о...

Молодѣетъ Пичуга отъ отцовской заботы, девять десятковъ лѣтъ ужъ не гнуть его спины; смотреть онъ на Божій миръ весело, душа его чиста и открыта.

— Одарка, ты ось шо... Шобъ оно було сыто. Корми лучшъ,—говоритъ онъ Одаркѣ, у которой на рукахъ сынъ.

Съ рожденіемъ сына, Пичуга вдругъ пересталъ называть Одарку „дѣткой“, почувствовавъ къ ней, вѣрно, иную любовь, чѣмъ любовь отца или дѣда; ухаживалъ онъ за нею внимательно, нѣжилъ ее и баловалъ, словно и вправду былъ молодоженомъ. И, казалось, что онъ началъ новую, вторую жизнь. Забылась вотъ только Одарка, первая красавица на округу, но когда онъ и ее вспоминалъ, то уже не ревѣлъ звѣремъ, а шелъ къ Одаркѣ настоящей, бралъ на руки ея сына и ходилъ съ нимъ счастливый, мурлыкая пѣсенку, баюкая его, пока онъ не засыпалъ. А передавъ его, соннаго, Одаркѣ, продолжалъ ходить, задумываясь надъ дальнѣйшей судьбой сына. И чѣмъ больше онъ ходилъ, тѣмъ тревожнѣе станови-

лось на его душѣ,—не могъ онъ своею неповоротливою мыслью перешагнуть за предѣлы завтрашняго дня.

Жилъ Пичуга просто.

Вставъ рано, онъ заботился о пищѣ, а доставъ ее и поѣвъ до-сыта, ждалъ слѣдующаго дня, считая текущій законченнымъ. И такъ всегда. А тутъ приходилось задумываться о будущемъ, о томъ, чего онъ не зналъ и въ обычное время узнавать не пытался. Это и пугало его.

— Ще буде горе,—шептала Пичуга въ такія минуты, и мрачный уходилъ въ тайгу.

Въ тайгѣ ломалъ молоднякъ, стараясь за этимъ дѣломъ забыться, а если будущее не переставало пугать, было неясно, становился на ночь на крышу теремка, свистѣлъ тамъ долго и жутко, сзывая бѣгуновъ, съ которыми расправлялся огромной дубиной.

Это дѣло его увлекало, и о будущемъ сына онъ на время забывалъ.

VII.

Лѣто.

Всюду солнце, кругомъ ширь,—кажется, что великій праздникъ на землѣ. Изъ края въ край, низами, ложбинами несется таежный шумъ. Походить онъ лѣтомъ на музыку, на тоску большой человѣческой души. Грустью же вѣетъ и отъ темнаго бора. Но особенно печальна тайга вечеромъ, когда въ ея омутахъ звѣздное небо отражается, какъ хороводъ дѣвическихъ голубыхъ глазъ въ зеркалѣ.

Пообѣдавъ съ Одаркой, чѣмъ Богъ послалъ, Пичуга идетъ въ тайгу за хворостомъ, а кстати поохотиться. Вблизи теремка хворосту нѣтъ—весь сожгли въ суровыя зимы, идти надо дальше, верстъ за пять, за семь. И дѣдъ идетъ. По дорогѣ онъ ничего не думаетъ, ни о чемъ не печалится, смотреть лѣниво по сторонамъ да пѣсенку тянетъ тихонько. И вотъ ужъ и цѣль близка, какъ вдругъ человѣкъ навстрѣчу, дѣтина этакъ лѣтъ подъ сорокъ, росту саженнаго, лохматый и черный, ни дать ни взять лѣшій лѣсной. Хорошо. Дѣдъ за дерево, дубинку въ руки; стоитъ да посмѣивается: моль, подходи, дѣтинушка. И что жъ: богатырь впередъ. Да вмѣсто того, чтобъ ждать мѣткаго удара Пичуги, самъ бьетъ его пудовымъ кулакомъ...

VIII.

Одаркѣ не спится.

— Тату, вертайтесь до дому!—кричитъ она, выйдя на ржаную поляну.—Татуню-ю...

Но вскорѣ устаетъ кричать Одарка; устаетъ, садится во ржи, кладетъ рядомъ и сына. Чув-

ствуя его близость, жадно вслушивается, какъ онъ дышитъ, какъ изрѣдка кричитъ спросонья. И хотя не видитъ его, однако знаетъ, какіе у него глаза, какіе волосы, большой или маленькій ростомъ; обо всемъ распросила Пичугу.

— Спи, сыночекъ. Спи,—и она цѣлуетъ его пухлую ручку, поцѣлуемъ старается впитать его обратно въ себя, чтобы снова носить подъ сердцемъ съ болью и радостью—тамъ надежнѣй; тамъ то Одарка знаетъ, что онъ будетъ здоровъ, будетъ сытъ, и глазъ его никто не вырветъ.

— Спи, родненькій.

Но сынъ просыпается.

— Уже день, — машинально произноситъ Одарка.

Время она мѣряетъ сномъ ребенка: больше спитъ онъ ночью; голодомъ его отмѣчаетъ утро и день, а крикомъ—вечеръ; въ эту пору малышъ кричитъ передъ сномъ.

А дѣда Пичуги все нѣтъ и нѣтъ.

Подождавъ его до обѣда, съ сыномъ на рукахъ, Одарка идетъ въ темный боръ. Дорогу она скорѣй чувствуетъ, чѣмъ знаетъ; кажется ей, что вправо надо идти—идетъ вправо; если впереди яма или пенъ—вздрагнетъ ея сердце, забьется, а она постоитъ минутку и ждетъ пока оно успокоится, послѣ чего ужъ идетъ туда, куда оно толкнетъ. Разъ какъ то Одарка даже въ тайгу ходила за хворостомъ—въ то время дѣдъ прихворнулъ малость—и не заблудилась, только робѣла очень. Положимъ, робѣетъ она и сейчасъ, да по другой причинѣ: пугаетъ ее долгое отсутствіе Пичуги.

— Тату, гдѣ вы? Тату!

Эхо катитъ окрикъ Одарки округлыми волнами, повторяя его протяжно и ровно:

— У-у-у...

Эху откликаются черные вороны.

— Карр...

Одарка блѣднѣетъ.

Прижавъ къ груди сына, она рѣшаетъ вернуться въ теремокъ, тогда, когда темный боръ вторично отзывается на воронье карканье.

— Господи, та не дай... Ты жъ спаси насъ,—шапчетъ она, нащупывая рукой глаза сына.

— Голубь мой. Ласковый...

Но сердце не унять словами, когда оно чувствуетъ бѣду. Откуда она придетъ—Одарка не знаетъ, какъ не знаетъ скоро ли придетъ, больно ли ударить. Ясно одно: бѣдѣ быть. А разъ быть ей, то не иначе, какъ въ видѣ вороновъ, которые вотъ опять горланятъ, опять скликаются и рѣютъ надъ боромъ зловѣщей черной тучей.

— Тату, идите же до дому,—кричитъ Одарка въ отчаяніи.

— Карръ. Карр...

Изо всей силы бѣжитъ къ теремку, но... это ей только кажется, что она къ теремку бѣжитъ: на самомъ же дѣлѣ она бѣжала вверхъ по берегу Баранды, куда никогда не ходила и не знала, что въ верстахъ двухъ-трехъ отъ теремка есть обрывъ, подъ обрывомъ омутъ.

— Та-ту-у!

— Карръ...

— Мабуть умирать буду,—думаетъ со страхомъ Одарка, прислушиваясь къ карканью вороновъ.

И медленно опускается на колѣни; припавъ къ землѣ доврчиво, какъ припадаетъ дитя къ груди матери, рыдая, молитъ Бога, впервые сознательно, набожно цѣлуя теплую рыхлую землю.

— Я жъ, Господи, жить хочу. Я жъ для сына. Може повинна, такъ прости. Я жъ боюсь. Ты жъ такий... Гдѣ нашъ тату? Тату! Татуню!

Вороны ближе,—кажется Одаркѣ, что за ея спиной.

— Карръ, карръ, карр...

— Та...

Голосъ обрывается, въ груди пусто; стынетъ въ вискахъ кровь и перестаетъ биться сердце. Одарка между тѣмъ крѣпится, чувствуя, что это ея послѣдняя минута, что надо спастись, что ..

— Карръ,—совсѣмъ ужъ близко.

Не успѣваетъ воронъ крыломъ взмахнуть, какъ Одарка поднимается, смотритъ кругомъ, умаянная, безъ силъ; въ ужасѣ еще шире раскрываетъ темные провалы, ахаетъ и кричитъ на всю тайгу зычно, пронзительно до жути, потомъ стремглавъ бросается впередъ, а впереди омутъ: бухъ!—и нѣтъ больше Одарки.

П. Кочевой.

Мазурель.

„Куда идти?“

Плѣнные австрійцы подъ русскимъ конвоемъ.—„La grande guerre“.

Среди враговъ.

А. Исаковой.

(Продолженіе)*.

III. Въ тискахъ.

Итакъ, мы были принципиально свободны. Казалось, стоитъ только трягнуть когда-то подрѣзанными, но отросшими крыльями и вспорхнуть.

На дѣлѣ оказалось не то: въ Берлинѣ было до сорока тысячъ русскихъ. Чтобы вывезти ихъ, нужно было поѣздовъ шестьдесятъ, восемьдесятъ, а мобилизація была въ полномъ ходу.

Когда мы спрашивали у начальства (въ Полици, въ Командантурѣ, Военномъ Отдѣлѣ Главнаго Полицейскаго Управленія), получался все тотъ же, звучавшій издѣвательствомъ, отвѣтъ: „Да, да, вы свободны, вы уѣдете на родину, но только не теперь, не въ данное время—vorläufig nicht.“

И опять на нѣсколько недѣль потекла жизнь попрежнему, только болѣе тревожная, въ повышенномъ, бесплодно форсированномъ темпѣ.

*) См. № 1, 2, 4 и 6 „Нов. Журн. для всѣхъ“, 1915 г.

Слухи носились надъ моимъ „клубомъ“, какъ стрижи надъ колокольней. Образовывались организации, все время создавалось впечатлѣніе, что гдѣ-то что-то творится для выѣзда ловкими людьми, а мы вотъ не знаемъ, не услѣдимъ, пожалуй, и не сумѣемъ уѣхать вовремя.

По беспомощности, лично наше положеніе въ отелѣ было исключительнымъ: всѣ здѣсь жили парами или семьями, а потому у всѣхъ были покровители мужчины; у всѣхъ были личныя, дѣловыя или коммерческія связи въ Берлинѣ, позволявшія имъ обо всемъ узнавать вовремя и добиться протекціи; наконецъ, у всѣхъ въ семьяхъ хоть нѣкоторые изъ членовъ безукоризненно говорили по нѣмецки, мы же и этимъ даже оружіемъ не владѣли. Въ виду всего этого, мы инстинктивно чувствовали себя въ зависимости отъ окружающихъ, и вся забота наша сводилась къ тому, чтобы, сохрани Богъ, не пропустить чего-нибудь, что предпри-

нимають другіе, чтобы продѣлать всюду все, что продѣлывали наши сожители, а для этого, конечно, поддержать со всѣми ими наилучшія отношенія.

Надо признаться, что это была задача не легкая: въ отелѣ нашемъ, при всей малочисленности нашей компаніи, было столько же партій, сколько національностей, и всѣ эти партіи не довѣряли, косились и недружелюбно относились другъ къ другу. Евреи ненавидѣли поляковъ, остзейцевъ и русскихъ. Поляки взаимно ненавидѣли остзейцевъ и евреевъ, остзейцы ненавидѣли и чуждались всѣхъ, и держали себя въ высшей степени высокоомѣрно.

Наблюдать за проявленіемъ этихъ антипатій было очень интересно, а подчасъ и забавно, но сохранять при этомъ по отношенію ко всѣмъ дружественный нейтралитетъ было трудно, а между тѣмъ необходимо.

Какъ знать: откуда явится помощь!..

Мое гаданье по картамъ, а также кой-какія свѣдѣнія мои по хиромантіи, которыя мнѣ какъ-то удачно случилось примѣнить, создали мнѣ въ отелѣ обширную популярность и этимъ облегчили нашу задачу: не было, кажется, чело-вѣка, не исключая и горничныхъ всѣхъ этажей въ нашемъ отелѣ, который не пришелъ бы ко мнѣ съ просьбой погадать или посмотретьъ руку.

Это привело меня въ соприкосновеніе съ простонароднымъ женскимъ населеніемъ Берлина, и я отмѣчу здѣсь кстати странное явленіе: женская прислуга въ Германіи въ высшей степени скептически относилась къ результатамъ затѣянной войны и, въ противоположность интеллигенціи и мужчинамъ, не вѣрила въ благополучный исходъ ея.

— Nein, wird nicht siegen, kann nicht siegen (не побѣдитъ, не можетъ побѣдить), рѣшительно твердили онѣ въ одинъ голосъ про Германію.

Въ силу обострившихся текущихъ интересовъ и въ силу вызваннаго этимъ обилія впечатлѣній, мы теперь бросили карты и по вечерамъ обмѣнивались наблюденіями.

Обширный матерьялъ для такихъ наблюденій давали намъ, между прочимъ, наши остзейцы.

Одинъ изъ нихъ, Р-ій баронъ, давалъ въ этомъ отношеніи особенно обильную пищу. Высокій, полный, бѣлокурый до того, что волосы, рѣсницы и брови его давали даже какой-то зеленоватый оттѣнокъ, съ розовыми, холеными руками и непроницаемымъ взглядомъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ, онъ съ каждымъ днемъ казался намъ все болѣе и болѣе подозрительнымъ.

Самъ онъ, впрочемъ, велъ себя въ высшей

степени сдержанно. Жена его, не говорившая повидимому, по русски, только и появлялась въ общей столовой за утреннимъ кофе, не устаивая при этомъ никого даже взгляда. Но дочка ихъ, вся розовая, веснучатая, некрасивая, но не дурно сложенная и элегантно одѣтая барышня, видимо чувствовала себя въ Берлинѣ, какъ рыба въ водѣ, оказалась настолько экспансивна, что съ головой выдавала отца.

Она сообщила намъ съ гордостью и радостью, что отецъ выхлопоталъ для нея разрѣшеніе посѣщать нѣмцевъ-раненыхъ; что онъ надѣется даже устроить ее сестрой милосердія въ лазаретѣ. Изъ ея болтовни мы узнали, что у нея въ Р. остался братъ судьба котораго въ данную минуту семьѣ неизвѣстна;

Тогда еще не было у насъ никакихъ свѣдѣній о Россіи, ужасы измѣны, шпіонства, предательства были еще впереди, но тѣмъ не менѣе такое отношеніе поражало. Чувство болѣзненной неприязни и подозрѣнія внушала намъ вся личность барона, съ его прямыми, какъ плети, иззелено-бѣлокурыми волосами и непроницаемымъ взглядомъ.

А потому, когда онъ, остзейскій баронъ, и панъ М.—тоже бѣлокурый, тоже холеный, элегантный и по своему надменный, но живой, остроумный, любезный,—почему либо сталкивались между собою и, съ тайной враждой, сдержанно, вѣжливо и какъ-то язвительно-щеголевато обмѣнивались фразами, напоминающая двухъ индійскихъ пѣтуховъ, распустившихъ перья и обхаживающихъ другъ друга передъ боемъ,—всѣ симпатіи наши были на сторонѣ пана.

Какъ-то разъ въ Берлинѣ распространился слухъ о томъ, будто въ Петроградѣ открыта большая шпіонская организація, во главѣ которой состоитъ графиня съ громкой нѣмецкой фамиліей. Говорили, что графиня эта уже казнена, вмѣстѣ съ тридцатью своими приспѣшниками.

Когда слухъ этотъ дошелъ до барона, онъ сохранилъ наружное хладнокровіе, но поблѣднѣлъ при этомъ до бѣлизны даже въ губахъ.

Наконецъ, когда Марья Николаевна, однажды, оставшись съ нимъ въ читальнѣ вдвоемъ, на-

звала эту войну какой-то неслышанной, онъ, видимо считая свою собесѣдницу достаточно неопасной слушательницей, не выдержалъ и воскликнулъ съ несвойственной ему страстностью и возмущеніемъ:

— Да: одинъ противъ всѣхъ, и всѣ на одного!

Изъ Берлина пошли поѣзда для русскихъ!..

Съ первымъ поѣздомъ семьсотъ человекъ русскихъ подданныхъ выѣхало.

— Счастливыцъ!

Правда, счастливыцъ эти, въ большинствѣ, выѣхали въ условія ужасныхъ. Одна изъ сожигательницъ нашихъ, барышня варшавянка, съѣздила проводить знакомыхъ съ этимъ первымъ „русскимъ поѣздомъ“ и рассказывала о немъ нѣчто невообразимое: давка, гвалтъ и стонъ стояли въ воздухѣ; народу въ вагоны набилось столько, что изъ-за каждого мѣста происходилъ бой; маленькихъ дѣтей подвѣшивали къ потолку, вещей дѣвать было совершенно некуда.

Мы слушали съ ужасомъ, а про себя думали: „И все-таки счастливыцъ... Счастливыцъ!..“

Когда намъ только что разрѣшенъ былъ выѣздъ, обеспеченная и аристократическая часть нашей публики толковала о выѣздѣ, какъ толкуютъ о немъ свободные люди, обдумывающіе поѣздку для удовольствія: говорили о первомъ классѣ, о спальныхъ вагонахъ, экспрессахъ...

Мало по малу требованія понижались, выборъ ограничивался, наконецъ оставалось одно: только бы вывезли!

Были люди, выдававшіе себя за совершенно обнищавшихъ, потому что при этомъ условіи легче было добиться выѣзда.

Панъ М., послѣ долгихъ, тщетныхъ скитаній въ поискахъ за билетами, высказалъ разъ что-то о невозможности добыть билеты перваго класса.

— Господи, я бы хоть и съ четвертымъ поѣхала!—вздохнула его изящная панна.

— Да я поѣхалъ бы и съ шестнадцатымъ, только бы вывезли!—горячо подхватилъ тогда панъ.

Валлотонъ.

Въ траншеяхъ.

Въ первую недѣлю русскимъ дали три поѣзда. Сначала была надежда, что это только проба, что на слѣдующей недѣлѣ дадутъ много. На слѣдующей недѣлѣ дали два поѣзда, а еще на слѣдующей—одинъ...

— Что же будетъ дальше? Сорокъ тысячъ русскихъ подданныхъ грознымъ призракомъ стояли въ воображеніи. Когда же выѣдемъ мы?..

Хожденіе по мытарствамъ (отъ Командантуры въ Главное Полицейское Управление, оттуда въ Испанское Посольство, отъ Испанскаго Посольства въ Hilfsverein) не приводило ни къ чему, кромѣ огорченія, подъ привычный лейтмотивъ, исполняемый шуцманами. Люди всѣхъ партій вокругъ насъ перешептывались, имѣли таинственный видъ, что-то, какъ видно, затѣвали.

— А мы?..

Хуже всего было то, что таяли деньги. Какъ ни экономили мы на ѣдѣ, на стиркѣ (сами стирали себѣ все, подѣ удобными горячими кранами, носили неглаженныя, только тщательно расправленныя руками кофточка), все же жизненные потребности и отелъ неумолимо поглощали наши сбереженія, а цѣны билетовъ, возросшія вчетверо, заставили чуть не половину отложить „неприкосновеннымъ капиталомъ“.

Еще съ самыхъ первыхъ дней нашего приѣзда въ Берлинъ мы съ Марьей Николаевной, впрочемъ, предприняли нѣчто: краткое время въ Испанскомъ Посольствѣ принимали телеграммы въ Россію, но исключительно только съ просьбой о деньгахъ и съ обозначеніемъ своего адреса. Марья Николаевна послала телеграмму своему родственнику, представителю крупной фирмы въ Петроградѣ. Мы были уже настолько близки, что мнѣ не было надобности выписывать деньги отдѣльно, но такимъ образомъ представлялась возможность послать своимъ вѣсточку, даже сообщить мѣсто своего пребыванія, и я, конечно, этимъ воспользовалась.

Однако, прошло много недѣль, прошло больше мѣсяца, а отвѣта все не было. Да и почти никто изъ пославшихъ отвѣта не получалъ.

Наконецъ, частнымъ образомъ, обходнымъ путемъ, Марьѣ Николаевнѣ пришло извѣстіе, что деньги ей посланы ужъ давно, а между тѣмъ въ Испанскомъ Посольствѣ ихъ не окazyвалось.

Мы уже почти потеряли надежду.

Это было тѣмъ болѣе ужасно, что русскіе поѣзда снова пошли, и пошли въ большемъ количествѣ.

И вдругъ на горизонтѣ нашемъ появилось новое лицо, обольстившее насъ вѣрой въ помощь, поддержку и покровительство.

Какъ-то разъ сидѣли мы въ читальнѣ, грустно бесѣдуя своимъ маленькимъ кружкомъ, когда кельнеръ доложилъ Марьѣ Николаевнѣ, что кто-то къ ней пришелъ и проситъ выйти въ прихожую.

Заинтересованная, я пошла за нею.

Въ прихожей стоялъ тщательно одѣтый, въ перчаткахъ и бѣломъ галстухѣ, ширококостый мужчина, что называется, сбитень, бритый, съ твердо сжатыми губами и прямымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, не заглядывающихъ ни въ какія глубины, а „просто глядящихъ“, какъ это замѣчается у европейскаго человѣка вообще, а у тевтона въ особенности, въ противоположность взгляду русскаго человѣка.

Отрекомендовался онъ господиномъ Герике и оказался берлинскимъ представителемъ датской торговой фирмы, имѣвшей дѣло съ той

Валлотонъ. Профессоръ: „Стой!.. стой!.. Этого нѣтъ въ Гагской конвенціи“.

петроградской фирмой, къ которой обратилась телеграммой Марья Николаевна.

Оказалось, что родственникъ ея вошелъ въ переписку со своимъ датскимъ сотоварищемъ по торговлѣ и попросилъ его, какъ подданнаго нейтральной державы, найти возможность навести справку о Марьѣ Николаевнѣ и ея племянницѣ въ Берлинѣ, что тотъ и исполнилъ, обратившись въ свою очередь къ господину Герике.

Этотъ послѣдній держалъ себя спокойно, твердо, корректно и внушилъ намъ довѣріе.

Какая благодать! Само Провидѣніе посылаетъ намъ покровителя, да еще какого—настоящаго коммерсанта, а значитъ и практическаго и вліятельнаго берлинца.

Прежде всего мы не замедлили, конечно, ознакомить нашего богоданнаго доброжелателя со своими дѣлами.

Въ этомъ отношеніи онъ показалъ себя на первыхъ порахъ прямо таки невиннымъ младенцемъ. Онъ прежде всего спросилъ насъ, почему же мы до сихъ поръ не уѣхали? Или мы, можетъ быть, предполагаемъ пережить военное время въ Берлинѣ? Въ такомъ случаѣ,

мы поступили бы весьма благоразумно, потому что гдѣ же можетъ быть спокойно въ такое время, если не въ Берлинѣ? (Такія рѣчи слышали мы въ Германіи неоднократно, чувствовалось даже искреннее недовѣріе къ тому, что мы дѣйствительно предпочитаемъ уѣхать въ Россію).

Выслушавъ однако же наше заявленіе о томъ, что мы всей душой рвемся на родину, новый знакомецъ нашъ съ изумленіемъ узналъ, что выѣхать намъ невозможно.

Когда мы выяснили ему обстоятельства, онъ пришелъ въ негодование:

— Это ни на что не похоже! Вы должны имѣть возможность выѣхать съ самымъ обыкновеннымъ пассажирскимъ или курьерскимъ поѣздомъ. Вѣдь вы же не преступницы, почему же вамъ нужны особые поѣзда?

Вопросъ о деньгахъ, застрявшихъ въ Испанскомъ Посольствѣ, тоже до глубины души возмущалъ его:

— Какъ можно! Какая небрежность! Если бы то было Германское Посольство, это было бы невозможно. Но вы, gnädige Frau, не тревожьтесь: все будетъ устроено. Завтра мы вмѣстѣ отправимся въ Испанское Посольство, и деньги будутъ у васъ завтра же!

И дѣйствительно, на другой же день Марья Николаевна отправилась съ нимъ въ Испанское Посольство и вернулась оттуда въ восторгѣ отъ своего кавалера:

— Онъ говорилъ съ ними, какъ власть имѣющій! Онъ сдѣлалъ имъ выговоръ, и всѣ извинялись и обѣщали все сдѣлать. Онъ, должно быть, вліятельный, держитъ себя такъ независимо, говорить съ ними твердо. И онъ обѣщаль добыть намъ билеты для выѣзда въ самомъ обыкновенномъ поѣздѣ. Онъ все, все можетъ устроить!

И горделивыя мечты и обольстительныя представленія о благополучномъ возвращеніи уже всецѣло владѣли нами.

Тутъ же рѣшено было, что и я обращаюсь къ господину Герике со своимъ дѣломъ.

Изъ Берлина я уже неоднократно дѣлала попытки получить мои вещи отъ фрау Пайункъ: я писала письма сначала ей самой, потомъ ея мужу, но ничего путнаго не получалось изъ

Карлеель.

Въ деревнѣ; чтеніе газеты.

этого. Я обращалась и къ адвокату, рекомендованному хозяиномъ нашего отеля. Узнавъ, что я русская, онъ выслушалъ меня неохотно, посоветовалъ мнѣ обратиться въ сыскное отдѣленіе, прося его войти по этому поводу въ сношенія съ сыскнымъ отдѣленіемъ курорта, и предложилъ снова обратиться къ нему, если изъ этого ничего не выйдетъ.

Я была и въ сыскомъ отдѣленіи, видѣла истертыя, фальшивыя лица сыщиковъ, болѣе подозрительныя, чѣмъ лицо любого преступника, всюду встрѣчала я вначалѣ высокомерное и нерадивое отношеніе къ моему положенію, но послѣ моего разсказа видѣла и перемѣну настроенія ко мнѣ, и нѣкоторый, слабый, правда, откликъ. Я писала и въ Полицейское Управленіе курорта, гдѣ остались мои вещицы. Но все это не повело ни къ чему: Полицейское Управленіе увѣдомило меня, что госпожа Пайункъ уѣхала въ Гамбургъ и не оставила адреса; херъ Пайункъ сначала отвѣчалъ мнѣ вѣжливыми, но ничего не говорящими фразами, а потомъ прямо объявилъ мнѣ письменно, что я надоѣла и ему, и его женѣ, и что со мной однѣ только хлопоты да непріятности.

Теперь у меня нашелся адвокатъ, который не дастъ меня въ обиду!

Когда я рассказала ему всѣ обстоятельства дѣла, возмущенію его не было предѣловъ. Онъ тотчасъ же объявилъ, что беретъ мое дѣло въ свои руки, что я не нуждаюсь отнынѣ ни въ какихъ адвокатахъ, что вещи мои будутъ мнѣ возвращены немедленно, иначе онъ отказывается считать себя нѣмцемъ; онъ назначилъ мнѣ часъ, когда притти къ нему въ контору; и какъ только я пришла, самъ написалъ грозное посланіе фрау Пайункъ, дышащее непоколебимою властью; онъ забралъ у меня всѣ имѣвшіеся по этому предмету документы (письма хера Пайункъ, опись вещей, адреса и т. д.).

Словомъ, я почувствовала, что вещи уже почти въ моихъ рукахъ.

Тутъ протекло въ нашей жизни нѣсколько дней, полныхъ почти исключительно господиномъ Герике.

Онъ звонилъ къ намъ по телефону, назначалъ намъ свиданіе, водилъ насъ по присутственнымъ мѣстамъ и канцеляріямъ, поилъ насъ въ кафе шоколадомъ, угощалъ мороженымъ, и все это такъ, что не было никакой возможности отказаться.

Отношеніе его къ намъ было при этомъ самое забавное. Казалось, онъ чувствовалъ себя съ нами, какъ добросовѣстный птичникъ, которому поручено прогнать стадо утокъ по известной дорогѣ.

По возможности, водилъ онъ насъ подъ-руку, но такъ какъ насъ было три, то водить подъ-руку насъ всѣхъ было бы невозможно. Это, очевидно, огорчало его. При переходѣ черезъ улицу, онъ пускалъ насъ впередъ и округло распростиралъ руки за нами, такъ что не хватало только знакомаго Марьѣ Николаевнѣ по „Зарѣчью“ возгласа: „Кышь, кышь, кышь, ути, кышь!“ Вообще движенія его вокругъ насъ были округлы и ласковы, точно онъ совершалъ какія-то магическія манипуляціи, которыя должны были привести къ тому, что всѣ мы три сольемся въ одинъ большой шаръ и покатымся куда надо, согласно его велѣнію.

Проводивъ насъ вечеромъ до отеля и у подъѣзда прощаясь съ нами, онъ опять-таки округлялъ руки, какъ-то особенно натопорщивалъ плечи и словно загонялъ насъ въ дверь, всегда радуясь при этомъ, когда ему удавалось привести насъ въ стройный порядокъ.

И тѣмъ не менѣе, увы! изъ всего этого ничего не вышло.

Мало-по-малу мы стали замѣчать, что результатовъ не получается, а энергія его ослабѣваетъ. Возмущеніе его совершенно улеглось; смотритъ онъ уже не такъ прямо, какъ прежде.

Какія-то тайныя теченія, очевидно, охлаждали его усердіе. Понятіе о томъ, что мы—„враги“ проникало въ него невидимымъ намъ внушеніемъ со всѣхъ сторонъ.

Въ особенности поражало насъ его безсиліе въ вопросѣ о полученіи билетовъ и права проѣзда. Деньги, Марья Николаевна теперь получила; мы не останавливались ни передъ какими жертвами, только бы получить возможность уѣхать. Обратились даже къ врачу, выдавшему намъ за очень хорошей гонораръ свидѣтельство о тяжелой болѣзни и ни мало не скрывавшему всѣмъ своимъ поведеніемъ, что эта услуга за взятку. Всѣ вокругъ насъ уѣзжали, стали по маленьку выбираться и изъ нашего отеля; одни выѣзжали, другіе запасались билетами на будущее время, третьи получали очередь, или хоть по крайней мѣрѣ на что-нибудь да рассчитывали. А онъ тѣмъ временемъ не нашелъ ни одного способа добыть намъ проѣздные билеты.

Мы окончательно потеряли вѣру въ своего высокаго покровителя.

Опять приходилось лихорадочно хвататься за все. Надо было во что бы то ни стало выбраться. Вѣдь не оставаться же было въ отелѣ однимъ, когда всѣ наши ужъ выѣдутъ!

Надо, впрочемъ, отдать справедливость нашимъ сожителямъ: въ эту пору всѣми и все было пущено въ ходъ, чтобъ оказать намъ содѣйствіе. Всѣ партіи въ этомъ случаѣ оказались единодушны. Панъ М., что называется, легъ костями и былъ въ искреннемъ отчаяніи отъ того, что всѣ усилія его не увѣнчались успѣхомъ.

Даже одинъ изъ бароновъ, добродушный больной старичекъ, оказалъ намъ протекцію въ организовавшемся въ то время поѣздѣ прибалтійскихъ нѣмцевъ, сумѣвшихъ войти въ соглашеніе съ берлинскими властями.

Въ концѣ концовъ дѣло рѣшилось, благодаря усиленнымъ просьбамъ и моральному воздѣйствію, оказанному милой, ко всѣмъ участливой и безконечно доброй Елены Павловны на одного богатаго варшавянина, доставшаго себѣ и семьѣ своей билеты въ лучшемъ, приватномъ поѣздѣ и уступившемъ намъ раньше имъ полученные билеты третьяго класса въ поѣздѣ русскомъ.

Восторгу нашему, признательности нашей и благодарности границъ не было.

Билеты тутъ! Вотъ они, у насъ въ рукахъ! Мы ѣдемъ, ѣдемъ вотъ этого 3/15 сентября! Боже мой, только бы не случилось какого-нибудь осложненія до 15-го! Не прекратились бы поѣзда, не вышло бы чего-нибудь со Шведціей!

Хотѣлось намъ увезти съ собою какихъ-нибудь военныхъ курьезовъ, но въ дорогѣ обѣщали строгій контроль, такъ что увезти многое было бы опасно. Одну открытку мы однако уже провезли. Она показалась намъ наиболѣе характерной.

Посреди голой скалы сидитъ германскій орелъ. Внизу подъ скалой съ одной стороны суша, покрытая крѣпостями и пушками, съ другой—море, усѣянное военными судами. Воздухъ надъ орломъ наполненъ цеппелинами и таубе, а подпись на лентѣ, вьющейся черезъ всю картинку, гласитъ: „Мой Богъ—крѣпость и оружіе“. Хорошо поняли нѣмцы изреченіе псалмопѣвца, видѣвшаго свою защиту и оружіе въ Богѣ...

Мы лихорадочно готовились къ отъѣзду.

Надо было купить чего-нибудь теплаго: переѣздь черезъ Балтійское море въ концѣ сентября не обѣщаль ничего добраго.

Надо было добыть и маленькій шведскій самоучитель, чтобы освѣжить мое слабое знаніе языка, которое въ Швеціи будетъ необходимо.

Обстоятельства этой послѣдней покупки остались мнѣ памяты.

Это было какъ разъ время сравнительно хорошаго отношенія нѣмцевъ къ застрявшимъ у нихъ плѣнникамъ: въ тотъ періодъ во всѣхъ нейтральныхъ странахъ уже прокричали о позорномъ въ этомъ отношеніи поведеніи нѣмцевъ сравнительно съ воюющими съ ними державами. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ появились даже свидѣтельства самихъ уѣхавшихъ изъ Россіи германскихъ подданныхъ о томъ гуманномъ обращеніи, которое примѣнено было къ нимъ въ Россіи.

Нѣмцы, какъ видно, призадумались и удавились въ противоположную крайность.

Когда я выбирала миньютюрный словарикъ, продавецъ удивился, зачѣмъ мнѣ нуженъ нѣмецко-шведскій:

— Вѣдь вы же шведка?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я не шведка, я русская,—отвѣтила я.

— А-а, русская?!...

И что же: любезность ко мнѣ была удвоена. Продавецъ поспѣшно завернулъ мнѣ книжки, почтительно бросился открывать мнѣ двери и, пропуская меня, низко мнѣ поклонился.

Правда, въ это время военный успѣхъ явно клонился въ сторону русскаго оружія. Флаги уже не пестрѣли на улицахъ, колокола не звонили, и Берлинъ принялъ будничныи видъ. Такая любезность могла объясняться и этимъ.

Мы замѣтили за послѣдніе дни нашего пребыванія и еще одно характерное явленіе: случайно оказавъ намъ какую-нибудь услугу, каж-

дый нѣмецъ (именно нѣмецъ, нѣмки въ такихъ случаяхъ не были столь экспансивны) спрашивалъ насъ съ любезной улыбкой, будемъ ли мы рассказывать въ Россіи о томъ, какъ съ нами ласково обращались.

Помню, я попросила однажды прохожаго господина указать мнѣ дорогу къ какому то учрежденію, котораго мнѣ никакъ не удавалось найти по адресу.

Онъ вызвался самъ проводить меня, распрашивалъ дорогой, какъ мнѣ живется въ Берлинѣ, рассказалъ о томъ, какъ блестяще прошла мобилизація въ Германіи, сообщилъ даже о томъ, будто германское правительство, объявляя войну, боялось революціи, а между тѣмъ встрѣтило воодушевленіе небывалое „Begeisterung“—слово, произносимое нѣмцами съ какимъ-то необычайнымъ блескомъ глазъ и подъемомъ, и досадно застрявшее у насъ въ ухахъ еще въ курортѣ.

Указавъ мнѣ подѣздь того учрежденія, которое я искала, и принимая выраженія моей благодарности, господинъ склонилъ голову на бокъ и спросилъ со слащавой улыбкой:

— Надѣюсь, вы будете рассказывать въ Россіи о томъ, какъ съ вами вѣжливы были въ Германіи?

— Я, конечно, расскажу о томъ, что вы были добры ко мнѣ.

— Но вѣдь вы расскажете и о томъ, что съ вами вообще хорошо обращались въ Германіи?

— Конечно, я буду рассказывать правду,—отвѣчала я съ самой любезной улыбкой.

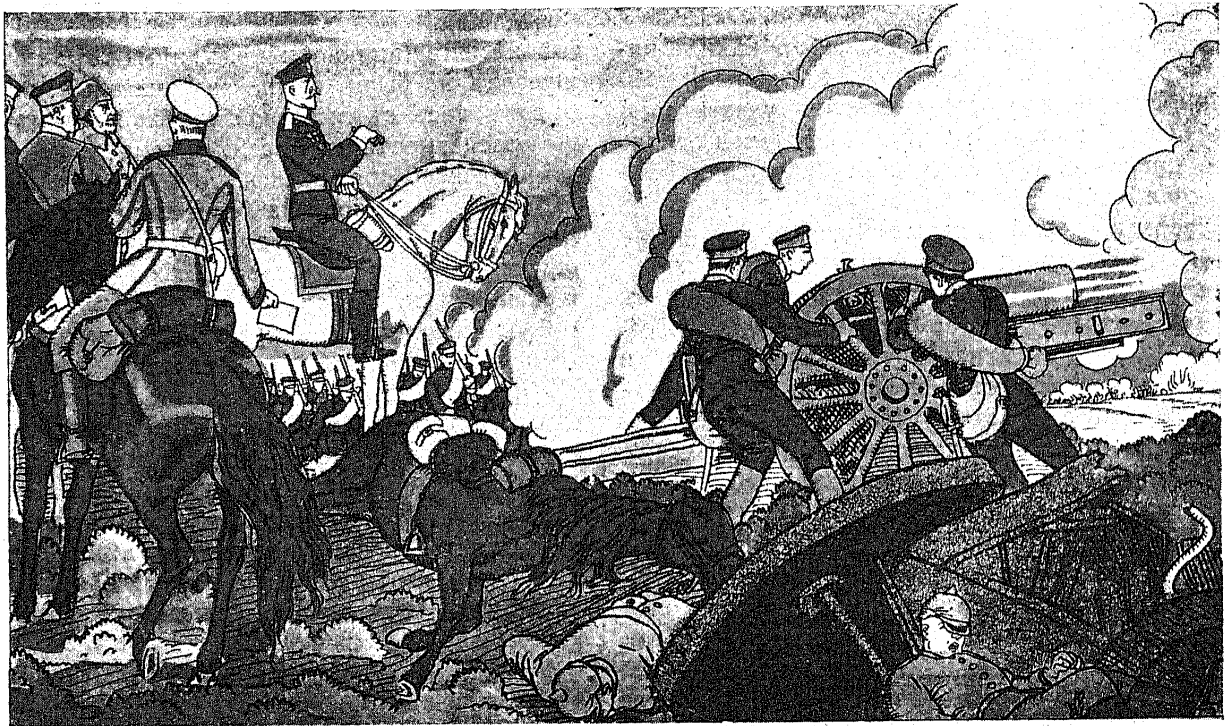
Такіе наивные приемы воздѣйствія чрезвычайно характерны для нѣмцевъ. Безусловно что-то дѣтское было въ этихъ приемахъ, какъ и въ невыносимыхъ ихъ „Witz'ахъ“, похожихъ скорѣе на издѣвательство. Не было въ нихъ только дѣтской гибкости, чуткости, чувства мѣры.

Будучи и сознавая себя винтикомъ въ огромномъ государственномъ механизмѣ, нѣмецъ дѣйствуетъ въ какомъ-нибудь разѣ данномъ направленіи, какъ автоматъ, тупо, не разсуждая.

Иногда это приводитъ къ результатамъ чрезвычайно комическимъ, на первый взглядъ прямо невѣроятнымъ.

Въ первое время нашего пребыванія въ Берлинѣ, мы закупали съ утра на двадцать пять пфениговъ ржаного хлѣба. Этого оказывалось много, на слѣдующій день приходилось прибавлять на пятнадцать и доѣдать остатки сухого. Замѣтивъ это, мы рѣшили впредь брать съ утра на двадцать.

Зашли разъ въ булочную съ этой цѣлью.

Великій князь Николай Николаевич слѣдилъ за отступленіемъ австрійцевъ.—„La grande guerre“.

Продавщица удивилась:

— На пятнадцать? Или на двадцать пять, можетъ быть? спросила она со снисходительной и любезной улыбкой.

— Нѣтъ, нельзя ли на двадцать?

— Невозможно,—съ той же улыбкой, но рѣшительно возразила она.

Мы подумали, что въ этой булочной хлѣбъ случайно уже нарѣзанъ такими порціями, и рѣшили пойти въ другую. Но въ другой булочной повторилась въ точности та же сцена. Въ третьей—тоже.

Тогда мы спросили продавщицу:

— А на десять пфениговъ можно купить?

— На десять можно,—отвѣчала та, торжествуя.

— Такъ вотъ, дайте намъ двоимъ, каждой на десять, только не разрѣзайте.

Она замерла на нѣсколько мгновеній въ удивленіи. Потомъ сосредоточилась немного и сдѣлала такъ, какъ мы просили. Когда дѣло было сдѣлано, она съ очевиднымъ изумленіемъ стала смотрѣть на отрѣзанный кусокъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: вотъ, оказалось возможнымъ отрѣзать и на двадцать.

Но это почему-то не было принято, автоматъ заведенъ былъ иначе, складка сложилась, и продавщицы всѣхъ булочныхъ искренно вѣрили въ невозможность такого дѣла.

День отъѣзда нашего приближался, а дѣло мое все не подвигалось впередъ.

Герике обѣщалъ свозить меня къ городско-

му юрисъ-консульту за совѣтомъ, но день ото дня подъ разными предлогами откладывалъ.

За самые послѣдніе дни онъ очень былъ озабоченъ: пріѣхалъ его патронъ, датчанинъ, но германскій подданный, изъ окрестностей Гамбурга, тотъ самый, черезъ котораго Герике и получилъ порученіе разыскать Марью Николаевну въ Берлинъ и помочь ей.

Изъ благодарности за оказанныя услуги, Марья Николаевна, наканунѣ нашего отъѣзда, пригласила обоихъ этихъ господъ къ намъ въ отель на чашку чая.

Мы въ то время оставались въ отелѣ совершенно однѣ, всѣ русскіе уже уѣхали. Кромѣ насъ, тамъ еще останавливались на день, на два проѣзжавшіе въ армію офицеры, одни, или съ женами, но они почти не оставались въ отелѣ и быстро исчезали. (Отмѣчу кстати, что, не смотря на мимолетность нашихъ наблюденій, обращеніе этихъ офицеровъ съ ихъ женами поражало и возмущало насъ своей грубостью).

Мы приготовили по возможности изящно сервированный столъ въ общей столовой, накупили угощенія, какое принято подавать къ чаю у насъ въ Россіи, и приняли нашихъ гостей со всевозможной любезностью.

Помню, при этомъ, между господиномъ Іёсеномъ, патрономъ Герике, и самимъ Герике произошелъ интересный разговоръ, неразъ вспоминавшійся мнѣ уже въ Россіи.

Господинъ Герике былъ оптимистомъ въ во-

Русскій санитаръ защищаетъ раненныхъ нѣмцевъ отъ волковъ.—„La grande guerre“.

просѣ войны. (Онъ и приводилъ свою вѣру въ окончательную побѣду Германіи въ доказательство своего „оптимизма“, и дальше этого его понятіе объ оптимизмѣ вообще не простиралось).

До встрѣчи съ господиномъ Іѣ-сеномъ мы и не слышали въ этомъ отношеніи иного мнѣнія объ исходѣ войны, (если исключить всѣхъ горничныхъ, съ которыми намъ приходилось сталкиваться), но господинъ Іѣ-сень оказался пессимистомъ. Онъ считалъ побѣду Германіи въ результатѣ невозможной и не скрывалъ этого.

Это былъ большой, румяный, здоровый, голубоглазый человѣкъ, съ приятнымъ и умнымъ лицомъ скандинава.

Проѣзжая потомъ черезъ Швецію, мы много видали такихъ лицъ. Скандинавы, пожалуй, напоминаютъ нѣмцевъ, но только такъ, какъ напоминаютъ ломовика породистый, красивый рысакъ. Та же, пожалуй, раса, только утонченная, одухотворенная.

Послѣ долгаго спора, въ продолженіи котораго Герике кусалъ губы, краснѣлъ и смущался, Іѣ-сень сказалъ, выразительно заглядывая ему прямо въ глаза и видимо желая дать понять больше, чѣмъ ему хотѣлось бы высказать передъ нами:

— А вы знаете, Герике, что въ повышеніи и пониженіи на биржѣ замѣчается колебаніе именно относительно Румыніи? Биржа, между тѣмъ, самый чувствительный барометръ. И вы

вѣдь знаете также, Герике, что будетъ значить для Германіи, если Румынія выступить противъ нея? Знаете?

— Да, но неужели Румынія будетъ такъ глупа?

— Глупа? Почему же глупа? Россія сдѣлала ей предложеніе, въ силу котораго она будетъ очень, очень умна, если выступить.

— Но Россія не сдержитъ своего обѣщанія!

— Для этого существуютъ письменные договоры. Почему вы думаете, что Россія не выполнитъ?

Даже жилы надулись на лбу у бѣднаго Герике.

— Да, если бы это случилось, это будетъ ужасно! вздохнулъ онъ, хватаясь за сидѣнье своего стула и крѣпко вцѣпляясь въ него.— Это было бы слишкомъ, слишкомъ ужасно!

Уходя и прощаясь, Герике далъ мнѣ свое „честное нѣмецкое слово“ завтра съ утра захватить за мной, чтобы отправиться къ юрисконсульту.

Поѣздъ нашъ отходилъ въ семь часовъ вечера, всѣ приготовленія къ отъѣзду были уже сдѣланы, я вполнѣ надѣялась, что времени хватить.

Но все слѣдующее утро прошло въ безплодномъ ожиданіи. Всѣ попытки мои разыскать Герике по телефону тоже оказались тщетными.

Мы не знали, что думать.

— Повѣрьте, что струсилъ, своимъ медлительнымъ голосомъ говорила скептически Тиночка. — Кто-нибудь надоумилъ его, онъ струсилъ и даже не посмѣлъ прямо въ глаза отказаться. Протянетъ до вечера, благо вы уѣзжаете, и оставить васъ съ носомъ.

Хуже всего было то, что въ рукахъ у Герике оставались единственные, немногочисленные „документы“ по моему дѣлу, которые все-таки могли служить нѣкоторой уликой противъ Пайунковъ.

Тщетно прождавъ еще нѣсколько часовъ, я опять обратилась къ хозяину нашего отеля.

Этотъ милый, рыхлый и мягкій душой человекъ съ печальными свѣтлыми глазами (швейцарецъ по происхожденію), снова участливо меня выслушалъ и охотно согласился лично проводить меня къ адвокату, у котораго я была тогда по его же рекомендаціи.

Въ ожиданіи Герике съ его „честнымъ нѣмецкимъ словомъ“ я довела до послѣдняго срока: въ пять часовъ контора адвоката закрывается, а былъ уже пятый часъ.

Рѣшено было, что Марья Николаевна и Тиночка выѣдутъ на вокзалъ безъ меня, а я присоединюсь къ нимъ прямо отъ адвоката.

Признаюсь, этотъ визитъ, это послѣднее соприкосновеніе мое съ нѣмцами на личной почвѣ навсегда осталось мнѣ памятно.

Адвокатъ былъ благообразнымъ, вѣжливымъ, не столько вялымъ, сколько усталымъ человекомъ, съ необычайно умнымъ, выразительнымъ лицомъ и тонкими чертами.

Это было самое интересное, интеллигентное лицо, какое случилось мнѣ встрѣтить за время моего плѣна въ Германіи. Казалось, за внѣшней стороной, ограниченной спокойствіемъ и корректностью, у этого человека похоронена была въ глубинѣ богатая внутренняя жизнь, которою онъ ни съ кѣмъ не дѣлился. Объ этомъ говорилъ угнетенный, тяжелый взглядъ грустныхъ глазъ, мелкія морщинки, которыми испещренъ былъ высокій лобъ, даже сама кожа лица, тонкая, какая-то необыкновенно чистая и морщинистая, не смотря на очевидно не старый еще возрастъ.

Выслушавъ меня съ опущенными глазами, выслушавъ и кой-какія замѣчанія моего хозяина, клонившіяся къ разъясненію дѣла, распросивъ даже о цѣнности вещей и о томъ, чѣмъ именно я дорожу въ нихъ, онъ сначала заявилъ, что ничего для меня сдѣлать не можетъ: всѣмъ адвокатамъ Берлина недавно разосланъ былъ циркуляръ съ воспрещеніемъ брать на себя веденіе дѣлъ русскихъ подданныхъ.

Что-то словно перевернулось въ душѣ моей отъ этого заявленія.

Нервы у меня были натянуты до крайности, уѣхать изъ Берлина, никому не поручивъ моего дѣла, оставить всякую надежду на получение дорогихъ моему сердцу вещей, казалось мнѣ невозможнымъ, а главное — мнѣ такъ понравился адвокатъ, онъ внушалъ мнѣ довѣріе, которое не могло быть напраснымъ. И вотъ, совершенно неожиданно для меня самой, выступилъ именно тотъ личный „счетъ съ человекомъ“, который такъ свойственъ русскому.

Не успѣвъ ни взвѣсить своихъ словъ, ни обдумать движеній, я вдругъ горячо расплакалась и разразилась длинной нѣмецкой рѣчью о возмутительности моего положенія.

— Могла ли я думать, восклицала я, не успѣвая смахивать слезы, которыя все текли и текли, — могла ли я думать, что одинокая, беззащитная женщина не въ состояніи будетъ найти свое право въ Германіи?!

Усталый взглядъ продолжительно остановился на мнѣ. Глаза потемнѣли, мелкія морщинки густою сѣтью собрались надъ бровями.

Вдругъ онъ всталъ, отыскалъ какую-то бумагу въ конторкѣ, заглянулъ въ нее и, искоса меня оглядывая, спросилъ, когда именно отдала я фрау Пайункъ свои вещи.

— Двадцать втораго іюля русскаго стиля, — тотчасъ же назвала я памятный для меня день.

Онъ еще немного задумался и наконецъ рѣшительно поднялъ голову.

— Хорошо. Если это было уже такъ давно, я возьму на себя ваше дѣло. Позвольте мнѣ записать вашу адресъ въ Россіи и адреса вашихъ свидѣтельницъ, а также адресъ того господина Герике, у котораго остались ваши бумаги.

Дальнѣйшіе переговоры были не продолжительны; онъ взялъ съ меня всего пятнадцать марокъ задатка, назвалъ мое дѣло чисто принципальнымъ, далъ мнѣ росписку, и мы разстались.

Прощаясь съ хозяиномъ на улицѣ, и получая отъ него букетъ чудныхъ розъ (такіе букеты получали отъ него на дорогу всѣ отъѣзжавшія русскія дамы), я горячо поблагодарила его за помощь. Помню, мнѣ при этомъ случилось сказать фразу: „Я вѣдь не виновата“.

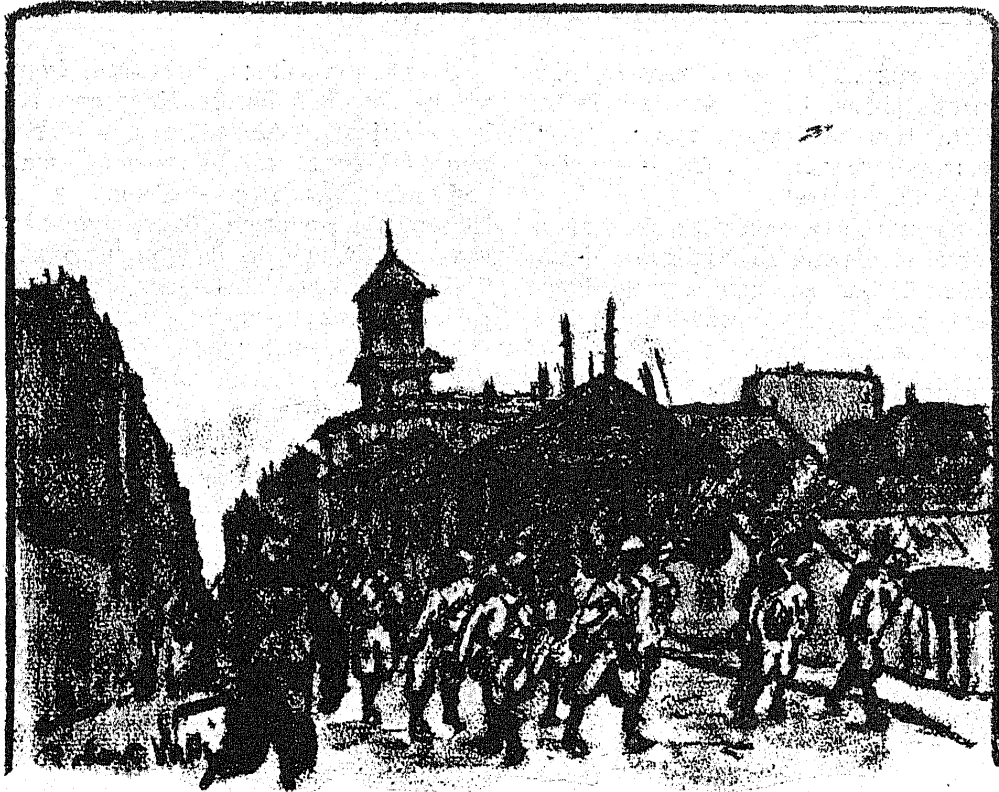
Онъ задумался на это и отвѣтилъ серьезно:

— Нѣтъ, вы виноваты въ томъ, что отдали вещи.

Онъ былъ правъ, — конечно, я виновата. Но все-таки въ Россіи „вина“ понимается какъ-то иначе.

А. Исакова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Робертъ Валень.

Войска Марокко въ Парижѣ.

Акварели.

Посв. Маріи Моравской.

Идиллія.

Вечеръ. Обезсиленный день завершается яркой червонной зарей. Ширь небосклона залита смуглопунцовымъ, цвѣта спѣлыхъ черешень, пламенемъ, тонко исчерченнымъ перламутровыми и серебрянными нитями. Извивается змѣисто кудряво-цвѣтистый огонь зорь.

Легкимъ тревожнымъ холодкомъ ожиданія проникнута предвесенняя жизнь. Смирненно теплится въ вечерахъ лампада молитвенной грусти. Вѣтъ новью... И тянется сумеречными тканями, полувздохами, намеками и тишью повѣсть каждодневнаго. Добрая—простая и вся сказочная—явь.

Близится, придвигается уютный сумракъ, въ пѣвучихъ трепетахъ ранней весны, въ жалобныхъ пятнахъ тающихъ снѣговъ. Набѣгаетъ послѣдній отгулъ дня на сумерки, какъ вѣтерокъ—на окна. Но тщетно... Ночь дышитъ-дышитъ.

Даль улицы потонула въ дымчато-лиловой мглѣ, и тамъ, борозда полутьму, капризными, гибкими лентами замелькали желтые и розо-

вые огоньки раннихъ лампъ. Точно знаки обѣщанія или зовы для плутающаго въ дебряхъ ночи... Надъ городомъ волнистой широкой куделью вѣется туманъ, оцѣпляя плавными струями очерки предметовъ, скрадывая звуки и краски. Подуетъ лѣнивый вѣтерокъ, расплывается туманъ причудливо, красиво, клубится, далеко-далеко, теряясь... Живой туманъ.

Идетъ по улицѣ Миша. Устало, медленно раздумываетъ: пойти или не пойти на свиданье, на послѣднее, „разлучное“ свиданье? Обѣщаль притти—проститься съ той, которую долго, вѣрно, заботливо любилъ. Если пойти, то пора... Но зачѣмъ? любить-ли онъ еще? къ чему „осложнять положеніе?“ Разойтись безъ промедленій... — Счастливой дороги! Будь здорова. — Больше ничего? — Нѣтъ, это все. — Но гдѣ-то въ глубинѣ души, въ какомъ-то непримѣтномъ уголку, бьется что-то; свѣтится, зоветъ назадъ, къ близкому прошлому, къ любимой... Напоминаетъ хорошее, дорогое. И грустно. Что-то увлекательно-милое и радующее, какъ прикосно-

венъ теплыхъ рукъ... И жаль чего-то. Что это?—не знаетъ Миша. Идетъ все-же. Не по привычкѣ-ли?.. Нашелъ вѣтку, сухую, полумертвую, листочки обрываетъ: пойти—не пойти, пойти—не пойти... Пойти!..

И вдругъ ласковыми и близкими становятся сумерки, будто не чуемыя до сихъ поръ. И той, далекой близкой, къ которой идетъ Миша, поетъ въ его душѣ, какъ прорвавшійся изъ нѣдръ ключъ, внезапная радость:—родная моя, вечеръ! Маленькая царица моя, съ воздушно-тихими и свѣтлыми, какъ юность, грезами, слышишь тонкій шорохъ крыльевъ, элегически и сладко вѣющихъ надъ землей? Это сестры сумерки... Слышишь мечтательный шопотъ тревожно ждущихъ расцвѣта деревьевъ, такъ много весень пережившихъ и все-же волнующихъ весенними предчувствіями?.. Свѣтлая моя подруга, какъ весна чистая и благоуханная; слушай... Голубымъ предвесеннимъ вечеромъ, кто-то чудесный, изумительно-добрый, большой, по звукамъ колокольного звона, какъ по бѣлой лѣстницѣ, спускается съ далекой облачной высоты на землю... Какъ будто!—Хорошо вечеромъ, милая! Слышишь вѣянье крыльевъ? Слышишь радостный шелестъ сумерекъ? Слышишь мою душу?..

Уже стемнѣло. Повечерѣло. Тихо. Надѣла земля, словно зябущая женщина, темную шаль. Затосковали фонари, одинокіе, какъ-бы призрачные. А какъ четки, выпуклы разрозненные уличные звуки, стуки колесъ, рожки, гудки. И тихо-тихо. Все — вблизи и вдалькѣ. Преображено вечерней строгостью, задумчивостью. На всемъ свѣтлая тишина непогасимой ласкательной грусти. Все объято миромъ и тишью. Именно—„добрый вечеръ“.

И думаетъ Миша, будто шепчетъ: — кто-то ждетъ меня! Господи, кто-то любящій ждетъ меня, кто-то ласковый думаетъ обо мнѣ въ этотъ часъ. Какъ радостно жить, чувствуя всей душой, что ты не одинокъ, что кто-то, любя, грезить о тебѣ, улыбается мыслямъ о тебѣ! Чье-то чуткое сердце трепещетъ и молится, ожидая тебя, и готово тебѣ отдаться. О какое огромное свѣтозарное счастье!.. Благодарю, благодарю тебя... Въ холодномъ чужомъ мірѣ я не сиротливъ; я могу подойти къ родному сердцу, вѣрному и открытому, припасть лицомъ, и сказать:—другъ мой, какъ чудесна жизнь, подарившая мнѣ голосъ твой, уютные глаза твои и стройную молодость твою... Какъ счастливъ я, другъ мой!..—

И спѣшитъ Миша, спѣшитъ, будто потерять что то большое боится. Какъ страшно потерять друга! Чуетъ полной душой, какъ властно просачивается въ будничную жизнь что-то небывалое, неизвѣданное, яркое и благодатное. И пылаетъ, растетъ будто, сильнѣетъ Миша: чудится, крылья за спиной вѣютъ... И вотъ...

Встрѣтились. Она, — возлюбленная его, — въ желтомъ, „разлучномъ“, такая тихая на печальной вечерней улицѣ. Маленькая, хрупкая, какъ тонкая полевая лилія, стоитъ, склонивъ голову на-бокъ...

— Я такъ долго жду.

— Да? вотъ какъ!..

Поднимаетъ голову. Искорка грустной безпомощности блеснула въ уголкахъ ея темныхъ глазъ, какъ зарница. Какъ будто онъ оскорбилъ ея мечты, осмѣялъ ея надежду...

— Ты уходишь... Прощай. Дай Богъ, чтобы другая, которую ты полюбишь, такъ любила тебя... слушающая твои оскорбленія... была такъ счастлива... какъ я...

— Больше ничего?

— У меня больше ничего нѣтъ. Я такъ обѣднѣла... прости.

Потупилась. Наклонила голову. Мишѣ больно и пріятно глядѣть на нее съ боку. И такъ жаль, смертельно жаль чего-то... Хочется упасть передъ нею на колѣни, охватить ея ноги и шептать:—милая, милая!..—Стоитъ притихшая, осіянная скорбью, какъ ангелъ, задумавшійся на паперти храма... Отчего такъ ушаченно забилось сердце Миши? Отчего такъ сладко и страшно закружилась голова? Не цвѣтутъ-ли гдѣ близко-близко молодыя тоненькія фіалки? или жаркія страстные розы?.. такой хмелевый аромат захватилъ всю душу, опьянилъ, закружилъ. Развѣ снова онъ... снова прежній, влюбленный? можетъ быть. Вѣдь ему же всего двадцать лѣтъ.—И все въ Мишѣ громко и пламенно звенитъ:—Какъ ты родна мнѣ, какъ ты близка мнѣ, какъ ты прекрасна, какъ ты хороша, моя подруга!—

Какъ волнующие вѣтеркомъ ночнымъ ландыши, встрѣчаются ихъ загорѣвшіяся сердца, улыбаясь и радуясь другъ другу. Не странно ли...

Такъ ликуетъ юность. — Взять Миша руку ея, любимой, — холодная, робкая. Прижалъ къ губамъ, бережно-глубоко цѣлуетъ. Обнялъ милую, осторожно закинулъ голову, цѣлуетъ тихо и страстно глаза, волосы, лобъ.

— Люблю нѣжную, люблю милую, люблю свѣтлую... Не уйду... Тебя люблю. Тебя люблю!

Прощальное.

Слушай... Такъ это происходитъ...

Послѣдній вечеръ. Элегично, мирно синѣетъ вечернее небо въ розовыхъ слѣдахъ отгорѣвшаго заката. Падаютъ прозрачный, легкій, какъ тонкая паутина, туманъ. Блуждаютъ въ сумеркахъ смутныя вѣянья далекаго солнца, словно чьи-то позднія сожалѣнья о минувшемъ,—вздохи вѣтерка прозрачные.

Ты идешь проститься съ нимъ, съ тѣмъ, который...—Въ послѣдній разъ... И ничего у тебя нѣтъ, кромѣ мысли, кромѣ грусти о близкой разлукѣ. Будто несешь бѣлый цвѣтокъ, большую умирающую туберозу...

Ты, дѣвушка съ весенне-теплой и нѣжной душой, вся свѣтлая и любящая, идешь на „прощальное“ свиданье, точно въ церковь..

По улицамъ плывутъ смуглосиреневыя сумерки, мягкіе колокольные перезвоны, угасающій дневной гулъ. Закрывается даль, окутанная дымчатою голубизной. Уличные стуки, звонки, гудки—безпокойные голоса жизни—глуше, тише. Затуманены цвѣта и очертанія. Усталый городъ обнимаютъ кудрявыя сумерки, зацѣловываютъ ласкательной тишиной.

Въ высокихъ окнахъ домовъ показываются несмѣлые зыбкіе огоньки, и тянутся оттуда, словно лунные лучи, тонкія ленты блѣдно-палеваго свѣта, скользятъ по стѣнамъ и кротко ложатся на асфальтовую гладь тротуаровъ. Это красиво, грустно красиво, какъ тихій ноктюрнь, отъ этого ложится на душу свѣтлая длинная тѣнь...

Всхлипываютъ въ душѣ жалобы о чемъ-то, безвременно утерянномъ, и точно молитвенные вздохи—шаги твои, и глаза твои—какъ двѣ огромныя слезы...

А надъ тобою глубокое величавое небо, точно куполь грандіознаго, какъ сама жизнь, храма. И надъ тобою ранняя звѣзда, вѣщая звѣзда Матери-Венеры.. Но едва ли знаешь ты объ этомъ. Всѣ дѣвушки, прекрасныя, какъ ты, любятъ небо и звѣзды, но въ „такой вечеръ“ о нихъ не думаютъ. На берегу у мертваго дня, у хмурыхъ скалъ вечерней меланхолии, въ тотъ часъ, когда нужно „навѣки“ проститься съ возлюбленнымъ, развѣ можно замѣтить блѣдную одинокую звѣзду въ недоступно далекомъ небѣ?

Какъ вы одинаково хороши и грустны, вечернія дѣвушки, всѣ съ такими неразсказанно-счастливыми печалями, съ такими смиренно-непорочными взорами, съ улыбочивыми воспоминаніями о погибшемъ въ „такой“ вечеръ!.. Тихи и покорны ваши, чего-то дивнаго молящія глаза, сиротливы и странно-призывны ва-

ши руки, бѣлѣющія въ сумракѣ, какъ голуби.—Вы тоскуете, молчаливо тоскуете въ старыхъ садахъ, у открытыхъ оконъ, у моря, на темнѣющей улицѣ, по которой идете на „послѣднее“ свиданье...

О звѣздахъ-ли тоска ваша?—Ахъ, нѣтъ, далеки звѣзды. Какъ далеки!

А близко вотъ что... На людной площади, подъ мощнымъ раскидистымъ каштаномъ, у скамьи, на которой вы не разъ сидѣли вдвоемъ,—прощаетесь вы. Чѣмъ-то смущены ваши сердца, ваши взгляды: не сохранилась-ли еще на днѣ выпитаго кубка любви, въ какомъ-то незамѣтномъ уголку, одна маленькая золоти-стая капля, точно слезинка, зажженная памятью?..

Ты прощаешься съ нимъ. И въ тягостной скорби, тайкомъ отъ себя самой, мысленно шепчешь сердцу:

„Не надо плакать, не надо; вѣдь все кончено, все уже кончено, сердце...“

Вы молчите. Вы будете помнить друга друга долго, можетъ быть, всегда. Можетъ быть... Будете вспоминать, мечтать о невозвратномъ.. Но теперь вы молчите, какъ будто нечего сказать. Все сказано—и не словами... Стоите вы двое, юные, свѣтлые, на сѣрой площади, красивыя и странныя, какъ два снѣжнобѣлыхъ цвѣтка на высокой горѣ.

Зыблются въ твоей душѣ, какъ вздохи скрипки, грезы: „Хорошо теперь глядѣть въ твои глаза, долго глядѣть, опьянѣть ихъ юношеской гордостью, упиться разлучной ласкою, черпать всей душою нѣжность умирающей любви. Хорошо и умереть намъ обоимъ вмѣстѣ съ нашимъ грустнымъ счастьемъ, съ нашими надеждами и скорбями...“

Тихо. Особенно, не какъ всегда, тихо. Такъ необычна, „оригинальна“ тишина.

— Прощай, прощай, такъ должно быть...

Будто замеръ весь остальной міръ, забылъ о своихъ заботахъ, и любитъ вами. Такъ тихо. И ты снова, тая отъ него и себя свою жестокою болью, говоришь, будто неслышно плачешь: „Будемъ спокойны, сердце мое, не надо плакать... Вѣдь, послѣдній же разъ, и никогда больше не тронетъ онъ волосъ моихъ, не поцѣлуетъ моихъ рукъ... И никогда онъ уже не прильнетъ къ моей груди въ огнѣ страсти... О, сердце, нельзя плакать, пойми, бѣдно! Не надо омрачать его. Пусть уйдетъ онъ радостнымъ, стройнымъ и безпечнымъ, какимъ пришелъ...“

Ты поднимаешь голову и смотришь прямо

въ его глаза. Онъ улыбается. Вѣдь, онъ молодежь...

— Ну, теперь я пойду.

Зарыдалъ безпомощно твой взоръ, какъ будто тебя страшно ударили... Зарыдалъ: „Ты уходишь? далеко? навсегда? Милый, желанный... Не покидай меня, я боюсь... Не уходи, единственный мой, мнѣ страшно. Слушай, я буду твоей рабой, буду ковромъ у ногъ твоихъ, только не оставляй меня. Я отдамъ тебѣ все, все... Буду у ногъ твоихъ—какъ цвѣтокъ, какъ пыль. О не уходи только! Я умру безъ тебя, любимый, желанный...“

И, принужденно улыбаясь, чуть слышно говоришь:

— Да, пора, пора...

Онъ подноситъ твою руку къ устамъ и коротко цѣлуетъ, но такъ впивается въ нее на мгновенье, точно, спѣша, передаетъ черезъ нее тебѣ всѣ чувства, всѣ слова, что могъ-бы тебѣ сказать, всю невыявленную нѣжность отмершей любви...

Ты такъ замѣтно волнуешься, мнешь хрупкіе цвѣты судорожными, нѣжными, какъ и они, пальцами.

— Нѣтъ, еще секунду, постой, я хотѣла что-то... нѣтъ, ничего. Это „такъ“, пустяки... прощай, иди съ Богомъ, будь... здоровъ...

Онъ улыбается,—такая! беззаботная улыбка на его губахъ. Точно леденящая струя, жуткое чувство покинутости, сиротливости обнимаетъ тебя, сжимаетъ стальными тисками голсу, обвивается вокругъ сердца тонкой острой пет-

лей.—Какъ больно!—Ты еще не ушла, чего-то будто ждешь, поникшая, осиротѣлая. Онъ не оглядывается, идетъ прямо, уходитъ. Вдругъ ты... поспѣшила... за нимъ. И еще тише, еще грустнѣе, такъ неуловимо тихо:

— Слушай, еще секунду, вспомнить что-то, ахъ, знаешь, что то очень важное. Необходимо... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... глупости... Прощай.

И быстро ушла.

Ужъ темно. Въ глубокомъ небѣ—сіяющій бисеръ звѣздъ. Улицы надѣли огромныя ожерелья трепетныхъ огней. Ночь простерла надъ городомъ благословляющія руки. Теперь онъ стоитъ и глядитъ тебѣ вслѣдъ. Идешь. Оглянулась, поцѣловала глазами. Споткнулась о камушекъ, кажется, шепнула что-то... Уходишь, уносишь что-то изъ его жизни, какъ цвѣты въ рукахъ...

— Милая, милая!

Онъ улыбается, машетъ рукой. Молодъ онъ, эхъ, молодежь...—Но никогда,—Боже мой,—никогда взоръ его уже не будетъ такимъ, какъ сегодня, какъ въ этотъ часъ.—О, печаль о невозвратимомъ!..

А ты все дальше уходишь. Вотъ окутаетъ тебя широкими крыльями тьма, заглянетъ въ душу. Будетъ холодно и одиноко, будетъ тяжело и безпріютно. И долго, жалобно, вся въ слезахъ, будешь тщетно шептать сердцу:

— Не надо плакать, о, не надо!..

Сем. Астровъ.

Парижъ.

Жакъ Нашъ.

Медвѣдь и орелъ.

Германъ Польш.

Отъездъ.

Лѣснушка.

Сказка Н. Ляшно.

I.

Плыла туча, потемнѣла, приостановилась и ну кропить землю влагой. Выглянуло изъ-за нея краемъ солнце, усмѣхнулось ясно, кинуло на лѣсъ золотое крыло и начало грѣть имъ дождинки, манить ихъ въ небо.

Почуяли это цвѣты, травы и не захотѣли отдавать солнцу веселыхъ капелекъ, зашевелились, задышали. И стало отъ дыханія ихъ на лужайкѣ хорошо, такъ душисто, что подѣ елкой, рядомъ съ грибами, выросла изъ земли крошечная, рѣзвая Лѣснушка.

Выросла и встала. Заломила назадъ ручки, потянулась, со сна будто, вздохнула волосенки, протерла глаза и крикнула:

— И-и, какой дождикъ прошелъ!

Глянула по сторонамъ и пустилась бѣгать по мокрымъ травамъ и цвѣтамъ. Заросилась вся, нарвала охапку травы, сѣла у опушки и принялась вязать себѣ изъ травинокъ сорочку.

Туча разсыпала дождинки и уплыла. Закурчавились на припекѣ волосенки. Разобрала ихъ Лѣснушка пальцами, въ травяную сорочку нарядилась и пошла въ лѣсъ. Трогала дорогою кустики, нашла земляничникъ и заохала:

— Охъ, ягодки, охъ, вкусныя...

Пополдничала и стала къ птичкамъ прилипать. Одну окликнуть, другую спросить, ладно-ли ее-высушило солнце, третьей усмѣхнется и покажетъ свою сорочечку.

А какъ начало червонить да опускаться за лѣсъ солнце, побѣжала она на лужайку, свернулась подѣ елкой въ клубочекъ и уснула.

Сычи кричали ночью, совы, а ей мерещилось будто это вѣтеръ смѣшитъ ее и разговоръ ведетъ съ вѣточками.

Луна выплыла изъ-за лѣса въ небо, поблѣднѣла, уставилась серебряными рогами подѣ елку и въ паутинѣ заиграла.

— Я вотъ тебѣ, я тебѣ,— погрозила ей Лѣснушка.

Всю ночь луна норовила заглянуть ей въ глаза.

На зорькѣ бѣлолобая зайчиха брела мимо, свернула подѣ елку, за сосѣдкой сбѣгала и показала ей Лѣснушку:

— Гляди какая.

— Охъ, матушки. Изъ снѣга она будто.

— А сорочка-то, сорочка ладно до чего вывязана. Слышь...

— А-а?—открыла Лѣснушка глаза.

— Вставай-ко, не на печкѣ, чай...

— А кому я тутъ помѣха?—сѣла Лѣснуш-

ка.—Грибамъ не тѣсно, елкѣ не обидно, трава выпрямится. А вотъ что снилось мнѣ, что снилось... Сплю я, а луна плыветъ, плыветъ подъ елку прямо, да по рѣсницамъ меня рогами—толтъ, толкъ. Однимъ въ этотъ глазъ, другимъ въ этотъ. А я смѣюсь и пальцемъ ей, пальцемъ. Такъ и не открыла глазъ. А хотѣлось. Впрыгнула-бъ луна въ глаза, я вся такъ и свѣтилась-бы. Вотъ весело-то!

Усмѣхнулись зайчихи, придвинулись къ Лѣснушкѣ, рядомъ сѣли и разговоръ завели: откуда-де она, кто. Послушали ее, послушали, видятъ—веселая она, занятая, и стали житье свое расхваливать и звать ее къ себѣ. Пошла она съ ними, да дорогой все проказила, смѣялась, вперегонки затѣяла.

— Нишкни ты, хохотушка: звѣрь услышитъ,—зашикали на нее зайчихи.

— Какой звѣрь?

Заахали зайчихи и начали страхи плести о волкахъ, медвѣдяхъ, лисицѣ. Выслушала ихъ Лѣснушка и не повѣрила, что въ лѣсу злые звѣри есть.

— Это они такъ, шутятъ, а вы пугаетесь,—сказала.

Выбѣжали на смѣхъ и гамъ зайцы изъ норъ, разузнали, въ чемъ дѣло, на зайчихъ покосились и заворчали:

— На что она намъ такая-то? Куда мы ее посадимъ у себя?

Поглядѣла Лѣснушка, какъ они усами шевелятъ, и ну смѣяться. Зайчихи засоромились, а зайцы размякли: больно звонкій голосокъ былъ у Лѣснушки.

Сбѣжались къ заячьимъ норкамъ бѣлки, мелкіе звѣрки, птицы слетѣлись. Слушали, ахали, дивились тому, что у нихъ такая хорошая Лѣснушка объявилась. Осмѣлѣли, стали совѣты подавать, гдѣ лучше поселиться ей въ лѣсу, изъ чего угрѣву построить. А она только рукой махнула.

— Мнѣ и подъ елкой ладно,—сказала и пошла лѣсъ оглядывать.

Шла овражками, рвала ягоды, ловила на сорочечкѣ лучики солнца. Плутала по тропочкамъ и съ собою аукалась. Крикнетъ потихоньку, погодить немного, крикнетъ погромче и слушаетъ, какъ эхо эхо догоняетъ.

Дошла до рѣчки, хвостинку сухую выбрала, бревнышко трухлое скатила въ воду и поплыла на немъ къ кувшинкамъ. Добралась до середины рѣчки—птицы съ берега какъ закричать:

— Не плыви далѣ! Бѣда будетъ! Не плыви!

Оглянулась Лѣснушка, видитъ—стоитъ на берегу медвѣдь, оперся на пенекъ и глядитъ

въ воду. Повернула къ нему Лѣснушка бревнышко, а онъ какъ рявкнетъ:

— Не мути воду!

— А то что будетъ?

— Карежьемъ запушу.

— Вонъ какой ты сердитый.

— Увидишь.

Смѣшнѣй зайцевъ показался Лѣснушкѣ медвѣдь. Прыгнула она съ бревнышка на берегъ, хлопнула себя руками по колѣнкамъ и залилась смѣхомъ.

Медвѣдь отнял отъ пня лапы и нахмурился: „Вотъ визгуша то“. А Лѣснушка къ нему:

— Ой, какой-же ты, ха-ха-ха... ой, какой...

— Какой?

— Колочій, глазенки махонькіе, съ ягодки. Ой, смѣшной, смѣшной...

— Такой уродился, а ты не стрекочи: рыбу перепугаешь.

— А на что тебѣ рыба?

— Ловить... медвѣдицъ неможется.

— Ягодъ и понеси ей...

— Ношу, а она все блажить: рыбы да рыбы.

— А какъ я не дамъ рыбу ловить?

— А какъ я хвостинкой тебя взгрѣю?

— А у меня хвостины нѣту? Вотъ она, тронь!

— Ахъ ты, егоза,—фыркнулъ медвѣдь—и шастъ къ Лѣснушкѣ.

Кинула она хвостинку, да отъ него, а онъ за нею. Бѣжитъ, сопить, вотъ схватить за сорочечку. Лѣснушка въ сторону—и юркъ за пень. Медвѣдь и давай гоняться кругомъ. Запыхался, лапами обхватилъ пень:

— Поймаю, егоза...

— Поймай! — отозвалась Лѣснушка, — и шмыгъ къ другому пню, а тамъ къ третьему.

Изъ силъ выбился медвѣдь, сталъ и лапой махнулъ:

— Э-э, ну тебя, воструха!

Да такъ безъ рыбы и пошелъ домой. Дорогой все головою моталъ и фыркалъ:

— Эка штука завелась. Ну-у и лѣто.

II.

Лѣснушкѣ всѣ были рады. Лѣсъ будто ждалъ ее,—расцвѣчивался и богатѣлъ. Не отошла еще земляника, голубица и черника поспѣли, малина зардѣлась, почернѣла въ бурекахъ смородина. А тамъ и краснобокая морошка зажелтѣла на болотахъ.

Дни гнались другъ за другомъ, спорили красною съ ночами. Сбѣгаетъ Лѣснушка на ягодники, поговорить съ птичками, анъ день и пролетѣлъ. Ляжетъ на зорькѣ, увидитъ сонъ-другой, а утренняя зорька тутъ какъ тутъ. Пора и сны рассказывать.

Грозы налетали, ломали сушнякъ и качали стволы. Огни молній спрыгивали съ тучъ, всю землю опалить порывались, а послѣ нихъ въ лѣсу было еще краше, занятнѣе.

Попискиваніе стало вырывать изъ гнѣздъ. Поалѣла чуть брусника, и летать начали учиться птенцы, падать, пугаться. А проминуло еще семь зорекъ, и совсѣмъ осмѣлились они, по деревьямъ запорхали. Звончѣй стало въ лѣсу.

Глядь-поглядь, а дни и зори какъ-будто уже и не тѣ. И ярко, и ягодъ много, а чуюлось въ лѣсу что-то новое. Воздухъ оплотнѣлъ, солнце будто подмѣнилъ кто, по ночамъ свѣжестъ звономъ наливали чащи.

Березки легонько опустили вѣтки и до солнца до что-то вдумывались. Листочки ихъ стали твердыми. Потомъ грянули утренники. Началь кто-то осыпать въ темнотѣ пески, сучья и травы сизой пылью. Ни съ того, ни съ сего слетѣлъ съ брусники румянецъ. Зардѣлась она, а мѣстами и побагровѣла.

Мошекъ мелкихъ, комаровъ какъ бы скосило. Воздухъ пересталъ роиться тонкими звонами. Ржавчинки жилочками потянулись по былинкамъ, листьямъ. Все куталось въ печальную слюдку, сѣрѣло и шепталось по-новому, жестко.

Приплыла разъ о полночи туча, набухла, вытянулась и нависла надъ лѣсомъ. Солнце утромъ проглянуло, было, сквозь нее, да тутъ же и скрылось. Насторожился лѣсъ.

Медвѣдь съ медвѣдицей куда то ушли, а медвѣженка и не захватили. Бродилъ онъ по лѣсу, звалъ матку, наводилъ жуть на безкрылую мелкоту и отъ скуки скулилъ.

Пошла къ нему Лѣснушка, за звѣрьками запретила гоняться, на ягодники, къ рѣчкѣ сводила. Покладистымъ сталъ медвѣженокъ,—слушалъ, смѣшно косилъ на сторону глазами. До сумерокъ ходила съ нимъ Лѣснушка и повела во-свояси. Медвѣдь былъ уже дома,—сидѣлъ у берлоги и зализывалъ бока.

— Гдѣ былъ?—спросила Лѣснушка.

— За медомъ ходилъ.

— А хозяйка вернулась?

— Нѣту. Люди поймали.

Запечалился медвѣженокъ и нюни распустилъ.

— Не реви,—стала утѣшать его Лѣснушка.—Это отецъ все: повелъ вотъ ее пчелъ обижать, бѣда и стряслась.

За живое задѣло это медвѣдя. Обозлился онъ, бревнышкомъ запустилъ въ Лѣснушку, да промахнулся и зарычалъ:

— Ты не сбивай дите! Умная какая. Тебѣ все хи-хи-хи, а намъ не до этого. Зима на носу.

Отбѣжала отъ него Лѣснушка, и въ оторопи поплелась ненастьемъ на лужайку. Легла, взбрызнутая дождикомъ, и не слышала, какъ на лѣсъ подуло холодомъ. Солнце не удосужилось встать, а ее уже разбудили птицы:

— Вставай, холода пришли. Улетать намъ пора.

Прибѣжали, слетѣлись всѣ, кому зимовать надо было въ лѣсу и загрустили. Уйдегъ, думали, отъ нихъ Лѣснушка, убѣжить за перелетными птицами.

А она разспросила старыхъ птицъ о теплыхъ краяхъ, пожалѣла, что не выросли у нея крылья, и осталась. До полудня скликались птицы, снялись и полетѣли. Дальше да выше, въ паутинку стая обернулась и пропала.

Тише стало въ лѣсу. Налетѣлъ вѣтеръ и хватилъ все сырой зябью. Спѣлые листочки посыпались съ деревьевъ. Словно обрывалъ ихъ кто съ вѣтокъ и кидалъ горстями внизъ, на вѣтеръ. Жалостно затрепыхались осинки.

Такъ и пошло и пошло. Вѣтки обнажались, а земля все ярче, пышнѣе одѣвалась въ ковры. Ленточку за ленточкой, пятнышко за пятнышкомъ роняли на нихъ деревья.

Въ погожую пору думы одолѣвали лѣсъ. Березы, клены, рябины не шевелились, слушали, какъ на нихъ алая краска переходитъ въ желтыя, желтыя въ блѣдныя, блѣдныя въ сѣрыя. А при вѣтеркѣ шуршали.

Шуршало теперь все. Ступить тихо нельзя, звѣрьку осторожно не пробѣжать. Чуть шевельнется кто, такъ и звучитъ: ш-ш-ш. Отъ звука шло эхо, сверху листъ слеталъ, а тамъ еще, еще. Обнажался лѣсъ.

Птицы и звѣрьки запасались на зиму кормомъ, угрѣвы облаживали. Лѣснушка помогала имъ, а сама вѣрила, что напрасно хлопочутъ они. Вотъ опадутъ листочки, думалось ей, и опять зазеленѣетъ все, опять пригрѣетъ солнышко. А вѣтры дули все крѣпче. Чаше шли дожди. Рѣже солнце показывалось. Дрожь принимала Лѣснушку по ночамъ. Обтрепалась и перестала грѣть ее травяная сорочечка.

Собрала она подъ кленами лапчатыхъ багровыхъ листочковъ и травинками сшила себѣ изъ нихъ сарафанчикъ. Стала звонкой на бѣгу, шуршащей, какъ густая вѣточка клена подъ вѣтромъ.

Небо прояснилось, было, но еще звончѣй стало въ лѣсу отъ свѣжести. Не пылью,—густой изморозью покрывалось все звѣздными ночами. По утрамъ отъ рѣчки шелъ паръ, до солнца въ чащахъ стояла тишина.

Медвѣдь сбылся, волкъ облохматѣлъ и часто вылъ въ своемъ углу. Лиса то тамъ, то тутъ юлила пушистымъ хвостомъ и шурилась.

Звѣрьки задумали построить Лѣснушкѣ угрѣву. Прутиковъ натаскали, да силъ было мало у нихъ,—такъ изъ затѣи ничего и не вышло. Загомозились они отъ досады и стали посылать Лѣснушку къ крупнымъ звѣрямъ.

— Скажи имъ, они построятъ.

— Потеплѣетъ скоро.

— Ой, не скоро.

— Буду бѣгать и грѣться.

— Ой, не согрѣешься.

— Ну, убѣгу въ теплые края!

— Не убѣжишь...

Узнавъ медвѣдь, что зябнетъ Лѣснушка, пришелъ къ ней мириться и звать ее къ себѣ зимовать:

— Пойдемъ. Тебѣ тепло будетъ, а моему малому занятно. По душѣ пришлишь ему твои розказни. Пока стоитъ тепло, балагурить будешь, а тамъ и уснешь съ нами до цвѣтовъ.

Пошла съ нимъ Лѣснушка, пошалаила у берлоги съ медвѣженкомъ, да вспомнила, какъ медвѣдь хотѣлъ ударить ее, и напалъ на нее страхъ.

— Темно у тебя,—сказала она.—Погожу еще.

— Эка ты какая! Къ ней съ добромъ, а она привередничаетъ. И померзни, мнѣ что. По осени въ листочки нарядилась, какъ Шушука какая. Придетъ морозъ, не такъ скорчишься. Ну, я берлогу въ холода студить не стану.

И побрела Лѣснушка отъ медвѣдя. Нарвала сухой травы, сдѣлала себѣ постель подъ елкой и огребла ее ворохами листьвы. Такъ и перебывалась,—тепла все ждала.

III.

Первый снѣгъ выпалъ ночью.

Проснулась Лѣснушка, провернула пальцемъ листьва и увидѣла невиданное. Все съезжилось вокругъ, притрушенное бѣлымъ. Кусты и пни стали ниже. На вѣтках повисли бѣлые клочья.

Не повѣрила Лѣснушка глазамъ. Протерла ихъ, побольше провернула въ листьвѣ дырочку и отдернула руку. Снѣгъ ущипнулъ за пальцы, лицо обожгло морозомъ.

Вскочила Лѣснушка, подогнула колѣнки и будто онѣмѣла. Увидѣли это птицы и затревожились. Голоса ихъ услышали звѣрьки, сбѣжались и стали грѣть Лѣснушку шубками. Гладила она ихъ руками, озиралась по сторонамъ, думала: „Вотъ какая зима“. Тоскливымъ, чужимъ было все. Заныло въ грудкѣ.

Вспомнила Лѣснушка о теплыхъ краяхъ. Глаза закрыла, чтобъ увидѣть ихъ, и зардѣлась. Цвѣты, должно, цвѣтутъ въ теплыхъ краяхъ, солнце грѣетъ, какъ грѣло тутъ, весело, зелено.

Пошевелила ногами, розняла рѣсницы и бѣгомъ пустилась въ сторону, куда улетѣли осенью птицы. Щекотно было ей, вскрикивала она. Птицы летѣли за нею, гнались звѣрьки, кричали:

— Куда ты?! Мы грѣть тебя будемъ! Норки отдадимъ!

Не оборачивалась Лѣснушка. Стали птицы биться о нее крыльями, садиться ей на плечи, а звѣрьки—забѣгать впередъ да падать ей подъ ноги. Смѣялась она, прыгала черезъ нихъ, кричала:

— Я приду! приду!

Умаялись гнаться за нею звѣрьки, птицы, отставали, а она неслась въ темень чащъ, уплывала багровымъ пятнышкомъ все дальше и дальше.

Не чуяла подъ собою ногъ. Весь день, всю звонкую ночь не знала покоя. Бѣжала глухими болотами, огибала озера, искала впереди теплой край.

Занялась зорька, да мутная, сѣрая. Стыткѣй вѣтеръ налетѣлъ. Подуль-подуль, и замелькало вверху бѣлое. Летитъ, кружится на пушинку похожее, а упадетъ, цѣпится за сарафанчикъ, скатится съ волосъ на шею—холодное.

Побѣлѣли плечики Лѣснушки, а пушинки все кружились, все летѣли. Числа не было имъ, не было просвѣта въ хмуромъ небѣ.

Порѣдѣлъ лѣсъ, луга бѣлые развернулись. Просторно было гулять на нихъ вѣтру. Размашисто дулъ онъ въ лицо, съ боковъ обмахивалъ, бросалъ на стороны волосы, грудь пронизывалъ.

Умаялась Лѣснушка обѣгать колючіе сухостои, прыгать по кочкамъ, посинѣла. Изорвали на ней кусты сарафанчикъ. Спутались-перепутались волосенки. Вѣнчкомъ лежалъ на нихъ снѣгъ.

Перебѣжала Лѣснушка лугъ, собрала на опушкѣ листочковъ, сѣла сарафанчикъ починить, а травинки и не удержитъ. Не слушались пальчики, какъ чужіе. Глазенки слезились.

Кинула Лѣснушка листочки и побѣжала. Наткнулась на брусничникъ—трудно ягодку сорвать. Съ плачемъ кинулась Лѣснушка къ елкѣ, подъ вѣтки ей юркнула, а вѣтеръ за нею.

Шмыгнула отъ него Лѣснушка, а онъ все сзади, все сзади. Жогъ тѣло, сарафанникомъ шуршалъ, сорвать хотѣлъ его, сушину ломалъ, кидался холодной пылью.

Конецъ дню пришелъ. Ночь поползла изъ-за пней, оплетать стала стволы, макушки мутить. А кругомъ ни живого звука,—однѣ вѣтки стонали.

Добѣжала Лѣснушка до сухого бора, изъ силъ выбилась. Видитъ — прорѣзала темень

свѣтлая точка, и чаще затопала ножонками. „Солнышко“, подумала.

Заспѣшила, а точка свѣта заспѣшила къ ней, выросла и краснотою налилась. Скользнула Лѣснушка на просьбу, глядь—избушка, а изъ нея свѣтъ льется столбомъ, красный, веселый.

Вспрыгнула Лѣснушка на заваленку да застывшими пальчиками въ окошко:

— Тукъ-тукъ...

— Кто тамъ?

— Лѣснушка, пусти-и.

— Лѣснушка?—обрадовался лѣсникъ и распахнулъ дверь:—Захаживай.

Вбѣжала Лѣснушка въ избу, ружьки къ печкѣ протянула, замахала ими, запрыгала:

— Солнышко, солнышко.

Къ лѣснику обернулась:

— На что держишь солнышко? Открой окно, на волю ему надо!

Усмѣхнулся лѣсникъ и толкнулъ окошко:

— Мнѣ дровъ не жалко.

Увидѣла Лѣснушка, что не солнышко въ печкѣ, и начала озираться. Съ полей свѣсили головенки дѣти. На шесткѣ пузатая корчага стояла. Новое все, любопытное.

Изъ хлѣва лѣсничиха вернулась, ахнула, было, да заглянула Лѣснушкѣ въ лицо и умилилась:

— Чистый херувимъ. Чья ты такая?

— Изъ лѣса я, Лѣснушкой зовутъ.

— А въ лѣсѣ какъ попала?

— Не знаю... выросла тамъ.

— А-ахъ ты, сиротка.

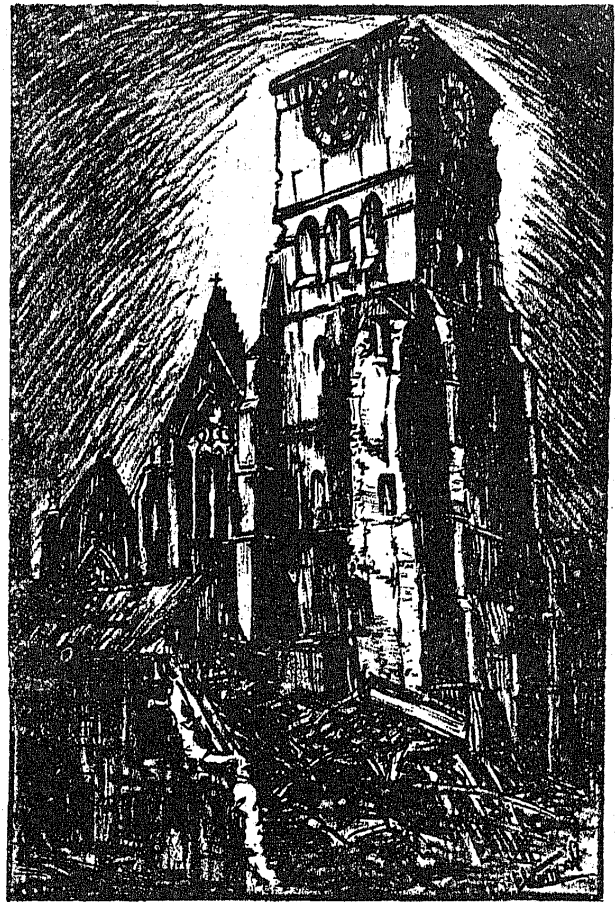
Сняла она съ Лѣснушки кленовый сарафанчикъ, травяную сорочку, на руки взяла ее и сѣла съ нею противъ печки. Молокомъ напоила, расчесала ей волосы. Лѣснушкино сердце и отошло, заиграло.

— Вотъ хорошо то,—оживилась она.—А въ лѣсу вѣтры все пушинками замели, всѣхъ въ норки загнали.

Дѣти зашевелились на полатяхъ и стали проситься къ ней. Глянула на нихъ Лѣснушка и просіяла. Лѣсникъ поставилъ ее на залавокъ, въ рубаху обрядилъ, подпояской подпоясалъ, въ лобъ поцѣловалъ и понесъ къ полатамъ:

— А дай-ка, дѣтвора, мѣсто.

И очутилась Лѣснушка на мохнатомъ тулупѣ, среди ясноглазыхъ, какъ и сама она, дѣтишекъ.

Д'амполь. Saint-Jenn'de Dixmude, послѣ бомбардировки.

Оглядѣла ихъ,—лѣсъ, зайчатъ, птицъ вспомнила и усмѣхнулась.

— Ты чему это?—спросила ее дѣвочка.

— Тепло у васъ, а бѣлочкамъ и птичкамъ холодно. Бѣжала я, а онѣ за мной, а онѣ за мной. Снѣгъ студеный, ногамъ щекотно, вѣтки хватаютъ за сарафанчикъ, зайчики догоняютъ, птички на плечи садятся, по рукамъ бьютъ крыльями, подъ ноги падаютъ, зовутъ къ себѣ жить, а угрѣвушки то у нихъ вотъ каку-унькя.

Какъ сложила Лѣснушка ковшикомъ ручки, румянецъ заигралъ на щекахъ дѣтей, глазенки заблестали. Придвинулись они къ Лѣснушкѣ, дыханіе затаили. Заслушался и лѣсникъ съ женою. Только угли въ печкѣ звенѣли.

Веселая пошла съ этого вечера жизнь у дѣтишекъ лѣсника. Всю зиму жила съ ними Лѣснушка, а весною убѣжала въ лѣсъ.

Н. Ляшко.

Исторія О-Теи.

Японская легенда.

Много времени тому назадъ, въ провинціи Эчизенъ, въ городѣ Нингата, жилъ человекъ, по имени Нагао Чозеи. Нагао былъ сыномъ врача и самъ готовился стать врачомъ. Въ раннемъ возрастѣ онъ былъ обрученъ съ одной дѣвочкой, по имени О-Теи, дочерью одного изъ друзей его отца, и оба семейства рѣшили, что свадьба должна состояться, какъ только Нагао окончитъ свое ученіе. Но здоровье О-Теи оказалось очень слабымъ; когда ей пошелъ пятнадцатый годъ, она заболѣла чахоткой. Узнавъ, что она должна будетъ скоро умереть, она послала за Нагао, чтобы попрощаться съ нимъ. Когда онъ склонился на колѣни передъ ея постелью, она сказала ему:

— Нагао-Сама, женихъ мой, мы обѣщаны другъ другу съ самаго дѣтства, и мы должны были жениться въ концѣ этого года. Но теперь я должна умереть, и я хочу, чтобы ты далъ мнѣ обѣщаніе, что ты не будешь горевать... Къ тому же я хочу сказать тебѣ, что мы снова встрѣтимся...

— Конечно, мы снова встрѣтимся,—горячо отвѣтилъ Нагао.—И въ той Чистой Землѣ не будетъ больше боли, причиняемой разлукой,

— Нѣтъ, нѣтъ!—мягко отвѣтила она,—я говорю не о Чистой Землѣ. Я вѣрю, что мы еще встрѣтимся въ этомъ мірѣ, хотя меня и похоронятъ завтра.

Нагао съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее, и увидѣлъ, что она улыбается его изумленному взгляду. Она продолжала своимъ тихимъ, мечтательнымъ голосомъ:

— Да, мы встрѣтимся въ этомъ мірѣ—въ твоей настоящей жизни, Нагао-Сама... конечно, въ томъ случаѣ, если ты этого захочешь. Только для того, чтобы это случилось, я должна снова родиться дѣвочкой и вырасти. Такъ что тебѣ надо будетъ подождать пятнадцать, шестнадцать лѣтъ. Конечно это много времени... но, мой обѣщанный мужъ, тебѣ вѣдь девятнадцать лѣтъ...

Она замолкла, и ея глаза закрылись. Она была мертва.

* *
*

Нагао искренно любилъ О-Теи, и его печаль была велика. Онъ много думалъ о странныхъ словахъ О-Теи, сказанныхъ ею передъ смертью, и желая сдѣлать пріятное ея духу, онъ написалъ торжественное обѣщаніе жениться на ней, если она вернется къ нему въ другомъ тѣлѣ. Это написанное обѣщаніе онъ запечаталъ

своею печатью и помѣстилъ на алтарѣ, рядомъ съ нагробной доской О-Теи.

Годы шли. Въ теченіи этихъ лѣтъ много несчастій обрушилось на него. Онъ потерялъ своихъ родителей, и, оставшись на свѣтѣ въ полномъ одиночествѣ, онъ покинулъ свой печальный домъ и отправился въ долгое путешествіе, чтобы забыть о своемъ горѣ.

Однажды, во время своихъ странствованій, онъ прибылъ въ Икао—горную деревушку, еще до сихъ поръ извѣстную свсими горячими источниками и красотой своихъ окрестностей. Въ деревенской гостинницѣ, въ которой онъ остановился, за столомъ ему прислуживала молодая дѣвушка. При первомъ взглядѣ на ея лицо, его сердце вдругъ забилося, какъ никогда раньше оно не билось, до такой степени она напомнила ему О-Теи. Когда она входила и выходила, принося огонь и пищу и убирая комнату гостя—каждое ея движеніе вызывало въ немъ память о граціозной дѣвушкѣ, которой онъ былъ обѣщанъ въ юности. Онъ заговорилъ съ ней; и она отвѣтила мягкимъ, чистымъ голосомъ, который схватилъ его за сердце, напомнивъ печаль прежнихъ дней.

Тогда онъ въ большомъ изумленіи спросилъ ее:

— Старшая Сестра, ты такъ мнѣ напоминаешь одну дѣвушку, которую я зналъ много лѣтъ тому назадъ, что я просто испугался, когда ты впервые вошла въ комнату; прости меня поэтому, если я спрошу тебя, гдѣ ты родилась и какъ твое имя?

Она тотчасъ же незабвеннымъ голосомъ умершей дала такой отвѣтъ:

— Меня зовутъ О-Теи; а ты Нагао-Чозеи изъ Эчиги, мой обѣщанный супругъ. Семнадцать лѣтъ тому назадъ я умерла въ Нингата; тогда ты далъ письменное обѣщаніе жениться на мнѣ, если я когда либо возвращусь обратно въ этотъ міръ въ тѣлѣ женщины, и ты запечаталъ это письменное обѣщаніе своей печатью и положилъ его на алтарь, рядомъ съ нагробной доской, на которой было начертано мое имя. И поэтому я пришла обратно...

Какъ только она произнесла послѣднія слова, она упала на полъ безъ чувствъ.

Нагао женился на ней; и бракъ ихъ былъ счастливъ. Но она никогда уже больше не могла вспомнить, что она отвѣтила ему на его вопросъ въ Икао, точно такъ-же, какъ не могла вспомнить ничего о своемъ предыдущемъ существованіи.

Пер. Андреева-Маевская.

ТАТЬЯНА КЛАДО.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

НЕ ЗНАЮ.

Голуби слетѣли съ крыльца,
Важные, подъ окнами сѣли.
Вѣтеръ чуть коснулся лица,
Весело спросилъ: неужели?

Выбилъ непослушную прядь,
Треплетъ, и дразня, и лаская...
Развѣ я сумѣю сказать,
Если и сама-то не знаю?

МАЙ.

Солнце сѣло давно, и туманной прохладой
Полонъ воздухъ весенній. Кругомъ тишина.
Все окутано влажною пылью.
Сказка ночи сливается съ былью...
Такъ, не знаю зачѣмъ, до разсвѣта одна
Простою за оградой.

Вдалекѣ соловей не смолкая поетъ,
Гаснетъ грустное небо, неясно бѣлѣя
Межъ вѣтвями прозрачно-зелеными.
Сладко пахнетъ цвѣтущими кленами,
Въ блѣдной дымкѣ березъ утопаетъ аллея.
И никто не придетъ.

БУДНИ.

Темныя ели и небо голубое,
Отблески солнца на тающемъ снѣгу.
Жизнь застываетъ въ безрадостномъ покоѣ.
Вѣрить не въ силахъ, отречься—не могу.

Въ комнатахъ тихо. Привычная работа,
Прежнія мысли. Часовъ унылый ходъ.
Трепетнымъ свѣтомъ на мигъ мелькнуло что-то,
Снова угасло,—и больше не придетъ.

Скучное время, какъ прежде, стрѣлка мѣритъ,
Тянется жизни невидимая нить...
Счастья не будетъ. А сердце все не вѣритъ,
Сердце все рвется къ тому, чему не быть.

АВГУСТЪ.

Небо стынетъ въ осеннемъ холодѣ,
Умираютъ листья, желтѣя.
Одиноко падаютъ жолуди
На песокъ пустынной аллеи.

Чуть замѣтно клены румянятся,
Покраснѣли кисти рябины...
Скоро долгій вечеръ потянется,
Безконечно грустный и длинный.

Будетъ старый кленъ пожелтѣлый
За окномъ шумѣть монотонно...
Буду ждать, ничего не дѣлая,
Рѣзкаго звонка почтальона.

ВСЛѢДЪ.

Немолчный трескъ сверчковъ. И въ тишинѣ
звнящей
Передъ глазами вновь прошедшее встаетъ—
Сожженные поля, и неба дымный сводъ,
И солнце низкое, и поѣздъ уходящій.

Такъ надо, можетъ быть, и можетъ быть нежаль—
Все невозможное прекраснѣй и дороже.
Опять болитъ душа, опять болитъ—такъ что-же?
Еще одна мечта. Еще одна печаль.

Не забывается. А позднихъ слезъ—не надо.
Печалью свѣтлою бывшее помяну
И въ тайникахъ души зажгу еще одну
Неугасимую лампаду.

НАДЪ НЕВОЙ.

* * *

Запоздалая тѣни зимы,
Проплываютъ ломкія льдины,
Полосами легкими, длинными
Распушились въ небѣ дымы.

Теплый вѣтеръ съ моря, оттуда,
Долетаетъ, тихій и ласковый.
Знаю, жду, и спѣшить не буду—
Пусть помедлитъ странная сказка..

Кораблей недвижныя снасти
Надъ вечерней водой протянуты.
Можетъ быть, вотъ въ этомъ и счастье—
Въ ожиданьи, еще не обманутомъ?

Твоего далекаго облика
Не умѣю себѣ представить...
Возникаетъ смутный, какъ облако,
Чтобъ, какъ облако, снова растаять...

Столько чуждаго въ нашихъ жизньяхъ,
Такъ пустынно-холодно небо...
Можетъ быть, и все только призракъ,
Можетъ быть, ничего и не было?

Все какъ прежде,—но путь холодный,
Я одна, и закрыты двери...
Неужели и мнѣ, свободной,
Нужно слышать и видѣть, чтобъ вѣрить?..

НА ПУТИ.

ТАМЪ.

Е. В. Срезневской.

Размѣренный стукъ—и все дальше столица.
Колелется свѣчки неровное пламя,
И дышишь свободнѣй, встрѣчая глазами
Иныя, не прежнія лица.

И смотришь, уютно усѣвшись на мѣстѣ
На искры въ оранжевыхъ отблескахъ дыма,
На контуры лѣса, бѣгущіе мимо,
На звѣзды, бѣгущія вмѣстѣ.

Что будетъ—не знаю. Не минетъ отрава,
Жизнь свяжетъ и тамъ колеей предрѣшенной.
Лишь здѣсь, на пути, въ полусвѣтѣ вагона,
Свобода и праздность по праву...

Что будетъ—не знаю, что было—ко благу.
Не благо-ли все, что мечта захотѣла?
Не всѣхъ ли счастливей безъ цѣли, безъ дѣла,
Бездомный мечтатель бродяга?

Жизнь и здѣсь по своему полна,
Только не зови, не принуждай:
Понимаешь, я сейчасъ чужая,
Понимаешь, тамъ теперъ весна.

Видишь, въ каждомъ самомъ чахломъ скверѣ
Маленькія травки треугольныя?
Вотъ взгляну—и этого довольно:
Это значить, тамъ весна теперь.

Желтымъ пухомъ ивы зацвѣли,
Звонко и протяжно свищутъ птицы,
Каждый холмъ распаханной земли
Озимью веселой чуть дымится.

Бурые, зеленые ростки
Пробиваютъ землю все упрямѣй...
Понимаешь, тамъ гудятъ жуки
Вечеромъ, надъ тихими полями.

* * *

Я ишу и жду неустанно,
Моя надежда всегда на стражѣ,
Хоть это не вяжется до страннаго
Съ яснымъ сознаньемъ, что все—миражи.

Такъ все во мнѣ—противорѣчіе,
И слышу сухой и суровой.
А не разъ казалось съ новой встрѣчей,
Что должно начаться что то новое.

И дни мои, тревожно-унылые,
Озарялись вновь какимъ-то свѣтомъ...
И всѣ, кого я любила,
Никогда не знали объ этомъ.

Германъ-Поль.

Господинъ маіоръ.

Начальникъ дубиннаго войска.

Разсказъ изъ временъ крестьянскаго возстанія въ Финляндіи въ 1506 году, Густава Вилкуна.

Пер. съ финскаго.

Нѣсколько словъ по поводу разсказа, предлагаемаго русскимъ читателямъ.

Русскому читателю должны быть мало извѣстны тѣ событія шведской и финской исторіи, съ которыми связанъ этотъ разсказъ, недавно написанный для Гельсингфорской газеты. „Juometar“, извѣстнымъ финскимъ писателемъ Густавомъ Вилкуна (Kjoti Vilkuuna); въ немъ описываются событія, явившіяся послѣднимъ актомъ драмы извѣстной финской исторіи подъ названіемъ „Дубинной войны“.

Политическая и общественная жизнь Швеціи сдѣлалась особенно тяжелой послѣ смерти Густава Вазы.

Въ 1568 году, свергнувъ съ престола своего брата Эриха XIV, сталъ королемъ второй сынъ Густава, Юганнъ, недавно вступившій въ бракъ съ католичкой—польскою принцессою Катериной изъ дома Ягелло, сестрой короля Сигизмунда II Августа.

Подъ вліяніемъ своей супруги, онъ началъ открыто покровительствовать католикамъ, и своего сына Сигизмунда воспитать въ идеяхъ римско-католической вѣры.

Начатая при Густавѣ Вазѣ религіозная борьба особенно обострилась, когда престолъ Швеціи занялъ упомянутый Сигизмундъ. Однако намѣренія новаго короля возвратить всю Швецію къ католицизму вызвали сильное противодѣйствіе и даже явился вопросъ о сверженіи Сигизмунда со шведскаго престола, и только Финляндія оставалась все время вѣрна Сигизмунду. Отчасти это происходило отъ всегдашней лояльности финскаго народа законному правительству, но также имѣлъ здѣсь значеніе и энергичный финскій военачальникъ короля Сигизмунда, маршалъ Клаусъ Флемингъ.

Этому упрямому, вспыльчивому и черствому человеку были ввѣрены всѣ бразды правленія въ Финляндіи,

и онъ умѣлъ пользоваться властью, чтобы держать народъ въ повиновеніи. У него было большое войско, которымъ онъ командовалъ во время непамятной войны съ Россіей, и которое теперь, послѣ заключенія мира (въ 1595 году въ селѣ Тауссина), онъ долженъ былъ расформировать, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Напротивъ, онъ все время держалъ его подъ ружьемъ, и когда средства, назначенныя на содержаніе войска, изсякли, онъ рѣшилъ расквартировать своихъ солдатъ у крестьянъ.

Народъ уже раньше былъ недоволенъ деспотизмомъ Флеминга, а когда появилась эта новая, на ихъ взглядъ незаконная мѣра, терпѣніе его лопнуло.

Недовольство было особенно сильно между эстерботническими крестьянами.

Жители Эстерботніи—такъ называемые „сѣверяне“—еще раньше просили у шведскаго правительства освободить ихъ отъ постоя солдатъ, что и было имъ дано, съ условіемъ, что они сами будутъ защищать свою страну отъ непріятелей, особенно отъ корельскихъ разбойничьихъ набѣговъ.

Когда теперь кавалеристы маршала явились и къ нимъ, вспыльчивые и любящіе свободу сѣверяне не могли стерпѣть этого. Въ концѣ 1596 года произошли первые беспорядки, во время которыхъ крестьяне бросили нѣсколькихъ кавалеристовъ маршала въ прорубь и женщины толкали ихъ своими коромыслами подъ ледъ.

Крестьяне выбрали своимъ начальникомъ Якова Илькку изъ Ильма-юки, а его помощникомъ Пентти Поутту, тоже мѣстнаго крестьянина изъ Эстерботніи, и

рѣшили отправить по одному человѣку изъ каждого дома противъ маршала. Они выступили тремя отрядами въ назначенныя имъ стороны, чтобы побудить къ возстанію весь финскій народъ.

Въ концѣ декабря собрались эти отряды и соединенныя съ нимъ толпы народа изъ Саволакса и Тавастландіи въ имѣніе Нокія, причемъ ограбили и сожгли по дорогѣ туда всѣ дворянскія имѣнія.

Послѣ нѣсколькихъ маленькихъ сраженій съ кавалерійскими отрядами, дубинное войско—называвшееся такъ потому, что единственнымъ оружіемъ его большей частью была тяжелая дубина,—имѣла 31 декабря и водопада Нокія сраженіе съ самимъ маршаломъ, изъ котораго оно вышло, какъ видно въ разсказѣ, со славою.

Послѣ сраженія оба войска расположились лагеремъ на берегу водопада, чтобы собраться съ силами для предстоящихъ дѣйствій.

Маршалъ, сознавая всю опасность своего положенія, прибѣгъ къ хитрости и вступилъ въ тайные пере-

Догоралъ послѣдній день 1596 года. Утихъ шумъ сраженія на поляхъ имѣній Вихола и Тюрккяля, и гулкій шумъ водопада Нокія сталъ опять хорошо слышенъ. Былъ сильный морозъ, и на небѣ появлялись одна звѣздочка за другой.

Сраженіе длилось весь короткій зимній день. Маршалъ со своими войсками прибылъ къ церкви Пирккяла наканунѣ, и отдохнувши ночь, бросился черезъ озеро Пюхя-ярви на сторону Нокіи, гдѣ недалеко отъ вышеупомянутыхъ имѣній находился лагерь дубиннаго войска. Весь день грохотали пушки маршала. Фыркающія лошади воиновъ топтали ногами покрытыя снѣгомъ поля, стрѣлы крестьянъ жужжали въ воздухъ и ихъ тяжелыя дубины съ желѣзными колючками ударялись о панцыри кавалеристовъ. Маршалъ только что отступилъ черезъ озеро назадъ въ свой лагерь, и поле сраженія осталось въ рукахъ дубиннаго войска. Но рѣшительной побѣды все же не было, и сраженіе должно было возобновиться на слѣдующій день.

Кровь нѣсколькихъ сотъ убитыхъ окрасила снѣжное покрывало полей и берегового луга, и тѣла, одеревенѣлыя отъ мороза, лежали еще какъ попало на полѣ сраженія. Между ними пылали десятки костровъ. Изъ за озера, гдѣ расположились лагеремъ воины маршала,—видны были другіе огни. Такимъ образомъ, зорко карауля другъ друга, стояли въ эту звѣздную новогоднюю ночь двѣ силы: господская и крестьянская.

У одного изъ костровъ, гдѣ помѣстились съ сѣбѣстными припасами человѣкъ десять мужчинъ изъ Яласъ-ярви, былъ слышенъ громкій непринужденный разговоръ и грубыя пѣсни. Люди притащили къ костру цѣлую бочку пива, взломавъ замокъ у погреба въ имѣніи Нокія.

Когда дубинное войско прибыло сюда и оградило имѣніе, Илькка далъ людямъ нѣсколько

говору съ крестьянами, предлагая выполнить всѣ ихъ требованія подѣ условіемъ выдачи ему Якова Илькки.

Крестьяне попали въ разставленныя имъ сѣти и обѣщали на слѣдующій день выдать Илькку и возвратиться самимъ по домамъ.

Илькка узналъ объ этомъ отъ своихъ друзей и убѣждалъ изъ Нокія, предоставивъ крестьянское войско своей судьбѣ.

Ждать наказанія за свою легковѣрность крестьянамъ пришлось недолго.

На слѣдующій день, 1-го января 1597 года, маршалъ бросился снова на дубинное войско и разбилъ его такъ, что только жалкіе остатки этой могущественной массы вернулись домой.

Илькка и Поутту попали позже въ руки маршала Клауса Флеминга. Илькку повѣсили на льду Ильмайоки, а Поутту умеръ въ Абоской крѣпости. По другому источнику тамъ же скончался и Илькка.

Переводчикъ.

пивныхъ бочекъ, а остальное заперъ, во избѣжаніе пьянства и безпорядка. Но ребята изъ Яласъ-ярви послѣ сегодняшняго удачнаго сраженія считали себя заслужившими лишнюю бочку пива, и потому, пока жаръ боя еще не остылъ въ ихъ жилахъ, они пробрались въ погребъ.

— Вотъ тебѣ—сказалъ одинъ, ближе всѣхъ сидѣвшій отъ бочки, протягивая кружку сосѣду,—это пиво не для слугъ, а настоящее господское крѣпкое пиво.

Сосѣдъ глотнулъ свою долю изъ кружки и передалъ дальше.

— А видѣлъ ты днемъ, какъ я тамъ на полѣ прыгнулъ на большой камень и крикнулъ кавалеристамъ „кукареку“, и когда одинъ изъ нихъ подскочилъ ко мнѣ, я ударилъ его дубиной по головѣ такъ, что между плечами осталось только мокрое мѣсто.

— Неужели мокрое мѣсто?—съ отѣнкомъ ироніи отозвался хриплый отъ пьянства голосъ товарища.—Изрядно, братъ, врешь!

— Что-жъ по твоему, это неправда, что-ли?—закричалъ первый, но его собесѣдникъ громко захохоталъ и повторилъ.

— Мокрое мѣсто!.. Ей Богу, какой ты мастеръ бить! Ты, пожалуй, расплющишь ударомъ голову человѣка такъ, что и отъ шлема останется мокрое мѣсто. Ха! ха! ха!..

— Я тебя, послушай-ка, проучу, какъ дурачиться со мной!—прикрикнулъ на него первый, и, вскочивъ съ мѣста, схватилъ своего товарища за грудь.

— Что у васъ тутъ за шумъ?—послышался въ эту минуту сердитый и повелительный голосъ.

Спорившіе оставили другъ друга въ покоѣ и обратились къ только что вошедшему въ кругъ костра. Это былъ блѣдный, высокій мужчина лѣтъ сорока, безбородый, съ рѣзкими

чертами лица, сильный въ своихъ движеніяхъ. На головѣ у него была шапка изъ медвѣжьей шкуры, воронкообразное дно которой было сшито изъ синяго сукна. Полушубокъ, опоясанный краснымъ шерстянымъ кушакомъ и и длинные сапоги составляли его костюмъ.

— И откуда вы получили эту бочку пива?— продолжалъ пришедшій еще болѣе сердитымъ голосомъ.

Никто изъ мужчинъ не торопился отвѣчать. Тогда, подойдя ближе, пришедшій крикнулъ:

— Что-же, откуда попала сюда эта пивная бочка, съ неба она упала, что-ли?

— Ну!.. съ неба то она сюда не упала, — медленно и уныло отвѣтилъ одинъ.

— Мы привезли ее изъ погреба Нокія,— слышался чей-то дерзкій голосъ въ толпѣ.

— А по какому праву?—спросилъ пришедшій, и сѣрые глаза его заискрились.

— Мы не дѣти, чтобы намъ нужно было просить позволенія у другихъ, когда намъ хочется промочить горло!—отвѣчалъ все тотъ же дерзкій голосъ.

Не говоря ни слова, Илькка,—это былъ онъ,— приблизился къ пивной бочкѣ и такъ толкнулъ ее ногою въ дно, что содержимое бочки вытекло, образовавъ на снѣгу скоро пропадающую пѣнистую лужу.

— Какимъ чортомъ ты, Илькка, считаешь себя, что всегда хочешь командовать нами?— крикнулъ тотъ же мужчина съ дерзкимъ голосомъ, и сжавъ кулаки, приблизился къ Ильккѣ.— Ты ни капли не лучше насъ всѣхъ.

Молча схватилъ Илькка крикуна за грудь и швырнулъ его въ сугробъ. Подбородокъ его трясся отъ злобы, и съ угрожающимъ взглядомъ онъ обратился въ сторону всѣхъ:

— Я не лучше, и даже не хочу быть лучше всѣхъ васъ. Но я вашъ начальникъ; вы сами меня выбрали и обѣщали мнѣ повиновеніе на время этого похода, потому вы и должны повиноваться мнѣ. Я заперъ погребъ, потому что у насъ нѣтъ времени буйствовать у пива. Неужели вы думаете, что мы сегодня выдержали бы атаку маршала, еслибъ онъ со своими пушками и кавалеристами въ панцыряхъ встрѣтилъ здѣсь пьяную, шумящую толпу?

Онъ указалъ на огни, которые видны были на другомъ берегу, и продолжалъ:

— Вотъ тамъ, прямо передъ нами,—неприятель, и сегодняшняя игра повторится завтра, быть можетъ, еще съ большей силой. Медвѣдь только на время уползъ въ свою берлогу, чтобы отдохнуть, и намъ теперь не до пьянства. Лучше отдохнемъ сами, и завтрашній день рѣшить, можетъ ли финскій крестьянинъ имѣть

свои старыя привилегіи, или онъ вѣчно долженъ быть подъ игомъ маршала.

Никто изъ мужчинъ не возразилъ ни слова. Наказанный выползъ изъ сугроба и сѣлъ уныло у костра. Илькка пошелъ дальше, подошелъ еще къ двумъ-тремъ кострамъ, и нѣсколькими горячими словами вездѣ усмирить шумѣвшихъ; затѣмъ, обойдя на лыжахъ вокругъ всего полуострова, чтобы провѣрить бдительность часовыхъ на ихъ постахъ,—онъ возвратился къ своему костру, чтобы отдохнуть немножко.

Наканунъ онъ стоялъ на квартирѣ въ имѣніи Нокія, но сегодня, послѣ сраженія, онъ велѣлъ слугѣ приготовить костеръ на берегу Нюхя-ярви у домовъ Выхола и перевести туда свою лошадь и сани. Слуга нашелъ для костра удобное мѣсто въ тѣни нѣсколькихъ одинокихъ елокъ, на небольшомъ разстояніи отъ лагеря. Между санями и костромъ была имъ приготовлена постель изъ еловыхъ вѣтвей. Сдѣлавъ это, слуга завернулъ къ другимъ кострамъ, чтобы поболтать.

Между елками хрустѣли зубами двѣ ѣвшія лошади. Одна изъ нихъ была блестяще-черная, верховая, захваченная Ильккой у одного кавалерійскаго офицера.

Илькка взялъ изъ саней медвѣжью шкуру, разостлалъ ее на еловыя вѣтки и легъ погрѣться. Онъ думалъ о всѣхъ приключеніяхъ послѣднихъ дней и былъ очень доволенъ результатами... Два дня тому назадъ была первая схватка. Его противники, владѣлецъ изъ Луакко и Иваръ Тавастъ отправились на второй день Рождества изъ Тавастгуса съ двумястами кавалеристовъ, и хвастались дамамъ, бѣжавшимъ туда изъ господскихъ имѣній, что они однимъ пинкомъ прогонятъ дубинныя головы черезъ Кюрэнкангасъ. Столкновение произошло на этомъ самомъ полуостровѣ, и короткое сраженіе кончилось тѣмъ, что владѣлецъ изъ Луакко и Тавастъ со своими кавалеристами бѣжалъ опретью въ Каркку. И затѣмъ сегодняшній бой... дубинное войско успешно противодѣйствовало войску маршала и держало поле сраженія въ своихъ рукахъ.

Завѣтной мечтой Илькки было подстрекнуть къ возмущенію весь финскій народъ, пройти въ Або и разрушить тиранію Noki-Klausä *).

Понемногу этотъ грандіозный планъ росъ и созрѣвалъ въ головѣ Илькки. Ему казалось теперь, что онъ близокъ къ осуществленію. Попавъ годъ тому назадъ въ когти маршала, онъ убѣждалъ изъ Абоской крѣпости, спустив-

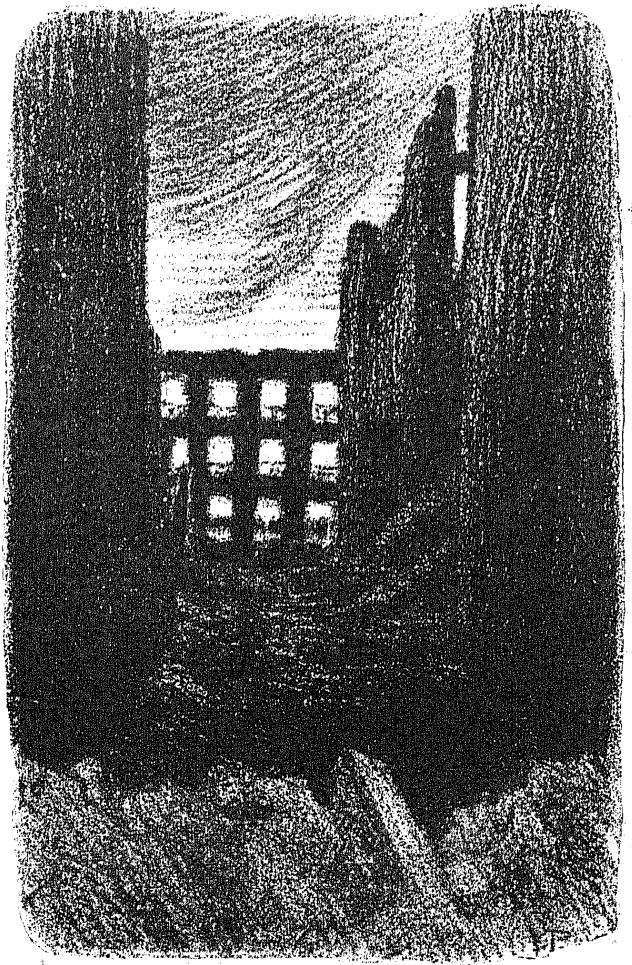
*) Клаусъ Флемингъ, по прозвищу Noki-Klaus въ буквальномъ переводѣ—замазанный сажею Клаусъ.

шись по веревкѣ, которую онъ приготовилъ изъ своей куртки, съ ужасной высоты. Когда веревка лопнула, онъ упалъ къ подножію стѣны и сильно расшибся, но несмотря на это, ему удалось послѣ многихъ приключеній благополучно вернуться въ Эстарботнію. Послѣ этого, онъ сдѣлался главнымъ вождемъ народнаго движенія, и по его совѣту и распоряженію, съ-веряне выступили тремя отрядами въ назначенныя имъ мѣста, чтобы поднять народъ остальной Финляндіи.

Съ той минуты, какъ ему удалось расшевелить эти снѣжные сугробы, — фантазія рисовала ему еще болѣе смѣлые планы: маршалъ побѣждень... кто займетъ его мѣсто?.. вѣдь безъ правителя государство не можетъ существовать. Король живетъ далеко въ Польшѣ и совершенно равнодушенъ къ Финляндіи... Герцогъ?.. Онъ содѣйствовалъ Ильккѣ въ его грандіозномъ предпріятіи, но онъ тоже былъ чужимъ финскому народу, хоть и ближе къ нему, чѣмъ король. Былъ еще одинъ человекъ, который могъ замѣнить маршала и даже сдѣлаться самостоятельнымъ финскимъ королемъ. До Илькки дошелъ слухъ, что сынъ короля Эриха и королевы Катерины, принцъ-изгнанникъ, спрятался здѣсь въ Финляндіи, вблизи матери. Мысли Илькки все время вертѣлись около этого пункта, съ тѣхъ поръ, какъ они перешли черезъ Кюрэнкангасъ, но въ Ліуксіала королева Катерина разрушила его мечты относительно сына.

Однако Илькка не сомнѣвался въ томъ, что деспотизмъ маршала будетъ сломленъ, и достиженіе этого казалось Ильккѣ въ эту минуту болѣе возможнымъ, чѣмъ раньше.

Было, однако, одно обстоятельство, приводившее его въ смущеніе: способенъ ли онъ будетъ удержать эти собранныя имъ силы въ повиновеніи? Илькка зналъ уже по собственному опыту, какъ трудно справляться съ этой многочисленной и не привыкшей къ порядку толпой. Приходилось сдерживать ея страсть къ разграбленію и опустошенію. Онъ не хотѣлъ убивать всѣхъ господъ или выгонять ихъ и уничтожать ихъ имѣнія. Наоборотъ, онъ хотѣлъ привлечь нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону народа, напримѣръ Акселя Курки, владѣльца Анола, хотя это послѣднее еще не удалось ему, такъ какъ постоянно приходилось бороться со своими, и онъ едва могъ спасти отъ разграбленія Ліуксіала, имѣніе Тоттовъ и Горновъ. Еще большая энергія понадобится ему, когда войско маршала будетъ разбито, и крестьянское войско, увеличиваясь по пути, будетъ приближаться къ Або. Въ началѣ похода онъ иногда напивался пьянъ съ другими

В. Прува.

Жербевиле. Сумерки.

и бывалъ шумливъ. Но, замѣтивъ, что это вредитъ достоинству его, какъ начальника, онъ совсѣмъ пересталъ пить. Илькка становился все строже и строже, и сталъ отстраняться отъ другихъ. Онъ замѣчалъ, правда, что его поведеніе не всѣ одобряли, но онъ былъ убѣжденъ, что оно самое правильное

У лагерныхъ костровъ снова послышался шумъ и дикое пѣніе. Илькка нахмурился и подумалъ, не придется-ли ему снова обойти лагерь и посмотреть, чтобы тамъ не пьянствовали. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ встать съ своего удобнаго ложа, онъ услышалъ хрустъ шаговъ по снѣгу. Поднявъ голову, онъ замѣтилъ приближавшагося къ костру пожилого худого мужчину, съ деревяннымъ боченкомъ подмышкой, странно шатавшагося при ходьбѣ.

— Вѣчно пьянъ! — сказалъ Илькка бранчливо. Но въ его голосѣ тоже не было сердитой ноты.

Илькка не зналъ объ этомъ мужчинѣ ничего, кромѣ того, что его звали Вилппу (Филипп).

помѣ), и что онъ былъ родомъ откуда-то изъ стороны Рауталампи. Онъ былъ почти всегда нѣсколько навеселѣ и никогда не разставался съ боченкомъ водки. Пришедшій вмѣстѣ со своими земляками, онъ присоединился къ дубинному войску, и ему позволили слѣдовать вмѣстѣ съ другими, потому что своими смѣшными выходками и разговорами онъ доставлялъ удовольствіе товарищамъ. Многіе считали его подлоумнымъ, но Илькка, замѣтивъ, что онъ употреблялъ свои мѣткія пословицы очень кстати, и что онъ могъ давать остроумные со- вѣты, обходился съ нимъ ласково.

— „Не говори вѣчно, потому что позади меня гораздо больше трезвыхъ, чѣмъ пьяныхъ дней,—отвѣтилъ Вилппу и сѣлъ къ костру.

— Я не знаю, какіе дни ты оставилъ за собою, но во время этого похода едва-ли ты провела хоть одинъ трезвый день.

— Бѣдному тоже разрѣшено иногда праздновать, возразилъ Вилппу.—До сихъ поръ я выпивалъ отъ чисто-праздничнаго настроенія, а теперь я буду выпивать, вѣроятно, для того, чтобы міръ не казался мнѣ такимъ мрачнымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ.

— Почему же онъ теперь сталъ въ твоихъ глазахъ такимъ мрачнымъ? Дни стали длиннѣе, и мы скоро отправимся отсюда въ Або.

— Если насъ прежде не прогонятъ назадъ черезъ Кэрэнкангасъ.

— Откуда это пришло тебѣ въ голову? — спросилъ Илькка, сдѣлавшись серьезнымъ.— Неужели наши сегодняшніи успѣхи не убѣдили тебя въ противоположномъ?

— У меня есть мои собственные знаки, по которымъ я могу предсказывать будущее,—отвѣтилъ Вилппу.—Но оставимъ это...

— Развѣ ты ничего не знаешь о сегодняшнемъ сраженіи?—сказалъ Илькка, и голосъ его сдѣлался опять добродушно-шутливымъ.—Спрятался ты, что-ли, гдѣ-нибудь?

— Увѣряю тебя, я честно принималъ участіе въ бою. Въ началѣ я, конечно, былъ постороннимъ наблюдателемъ, но потомъ вспомнилъ, что и мусоръ въ супѣ—прибавка, и пришелъ на поле сраженія.

— И твоимъ оружіемъ былъ этотъ боченокъ?

— Такъ точно—отвѣтилъ Вилппу съ невиннымъ видомъ.—Потому что другое оружіе я забылъ взять съ собою.

— И сколько кавалеристовъ ты убилъ этимъ оружіемъ?

— Правду сказать, я не убилъ ни одного, но за то я поднималъ моимъ оружіемъ своихъ павшихъ товарищей. Гдѣ я замѣчалъ такого упавшаго, которому еще можно было помочь лѣкарствомъ, я давалъ ему эликсиръ жизни изъ

моего боченка и посылалъ его снова въ сраженіе.

— Такъ, такъ!..—добродушно улыбнулся Илькка,—такимъ образомъ, ты дѣлалъ столько же добра, какъ и тѣ, которые убивали непріятели, только твой способъ борьбы былъ другой.

— Какъ и я самъ! — сказалъ Вилппу.— Но это у меня отъ рожденія.

Посмотрѣвъ пристально одну минуту, на костеръ Вилппу сказалъ:

— А мое-то дѣло я чуть было не забылъ! Я пришелъ сюда, чтобы пропѣть тебѣ новую пѣсенку, которой я только-что научился тамъ, у костра товарищей изъ Яласъ-Ярви.

— Наплевать мнѣ на ихъ дурацкія пѣсни!—отвѣтилъ Илькка.—Мнѣ спать хочется!

— А все-таки, послушай-ка: она не длинна,—сказалъ Вилппу и тотчасъ же запѣлъ фальшивымъ голосомъ.

„Ilkka ilkaä isänlä *)
Pää kero, sininen lakki
Ei konna tapelle tainnut
Eikä sammakko sotia,
Eittä joi joka talossa,
Joka knaarin karlänossa“.

Нахмурившись и пристально смотря на костеръ, спросилъ Илькка:

— Отъ кого, сказалъ ты, ее слышалъ?

— Мы ее только-что пѣли вмѣстѣ у костра товарищей изъ Яласъ-Ярви.

— Это мѣсть воиновъ изъ Яласъ-Ярви за то, что я недавно помѣшалъ имъ пьянствовать, пробивъ ногою дно пивной бочки.

— Эта пѣсня служитъ мнѣ однимъ изъ всѣхъ знаковъ, по которымъ я могу предсказать окончательный исходъ настоящей войны,—сказалъ Вилппу черезъ минуту.

— Гмъ, какіе пустяки! Что могутъ значить такія пѣсни?..—улыбнулся Илькка.

— Хорошо было-бы, еслибъ онъ ничего не значили. А теперь, пойду-ка я опять, обойду вокругъ лагеря. Кто знаетъ, не научусь ли я еще и другимъ пѣсенкамъ?

Вилппу всталъ и направился къ лагерю. Когда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, Илькка встрепенулся и закричалъ ему вслѣдъ:

— Послушай, Вилппу, если ты замѣтишь и услышишь что-нибудь значительное, приходи прямо сюда сообщить. Если я буду спать, разбуди меня безъ церемоніи.

*) Илькка хозяинъ злой
Съ бритой головой и съ синей шапкой.
Драгся, мошенникъ, не умѣлъ.
Лягушка не умѣла воевать,
Потому что онъ выпивалъ въ каждомъ домѣ,
И въ имѣніи каждаго кавалериста.

— Такъ... такъ.. безъ церемоніи! Хорошо!— повторилъ Вилппу и пошелъ дальше.

Илькка помѣшалъ костеръ, легъ на медвѣжьё шкуру и закрылъ глаза.

Въ лагерѣ все стихло, и шумъ водопада раздавался еще болѣе гулко, чѣмъ раньше.

Илькка чувствовалъ, что на его ногахъ лежало что-то тяжелое. Онъ попытался поднять голову, чтобы посмотрѣть, что это было. Наконецъ, облокотившись, онъ закричалъ отъ изумленія, замѣтивъ, что на ногахъ его сидѣлъ... маршалъ. Послѣдній пристально смотрѣлъ на него; темный лобъ его былъ наморщенъ, большой носъ красенъ, а сѣрая борода его была такъ-же покрыта инеемъ, какъ днемъ въ сраженіи. Когда Илькка крикнулъ, маршалъ началъ странно улыбаться и сказалъ:

— Я для тебя неприятный гость, неправда-ли?

Въ то время, какъ Илькка, ничего не говоря, продолжалъ съ удивленіемъ смотрѣть на маршала, этотъ послѣдній продолжалъ:

— Я пришелъ только спросить, зачѣмъ ты собралъ противъ меня эти толпы?

— Зачѣмъ? Это ты долженъ знать лучше меня, угнетатель народа!—разсердился Илькка и попытался освободить свои ноги.

Но маршалъ сидѣлъ широко и неподвижно на своемъ мѣстѣ и продолжалъ уныло и спокойно.

— И для кого ты воюешь со своими войсками? Вѣдь самая большая польза отъ этого будетъ герцогу. Когда меня больше не будетъ, и герцогъ получитъ бразды правленія въ свои руки, думаешь-ли ты, что онъ будетъ васъ гладить заячьей лапкою? Не думаешь этого?.. хе... хе... Ты, можетъ быть, считаешь его иго болѣе пріятнымъ, чѣмъ мое? Не забывай, однако, что я тоже сынъ своей родины и такой же честный финляндецъ, какъ и вы всѣ. Я могу съ вами говорить изъ устъ въ уста, а для разговора съ нимъ тебѣ понадобится переводчикъ. Неужели, вы сѣверяне, считаете чужое иго легче своего? Развѣ я угнетаю васъ? А если даже и угнетаю, то только потому, что я вынужденъ постоянно держать подъ ружьемъ большое войско, чтобы не отдать нашей страны въ руки чужого. Еслибъ вы соединились со мною, вмѣсто того, чтобы бунтовать противъ меня, мы навсегда закрѣпили бы за собой власть и получили бы управленіе нашими дѣлами въ свои руки. Но теперь это больше невозможно. Кровь пролита и еще будетъ литься, пока вы не разлетитесь, какъ мякина по вѣтру.

Маршалъ потиралъ руки одну о другую и злобно улыбался. Онъ становился будто

все шире и тяжелѣе. Илькка сдѣлалъ отчаянную попытку освободиться, толкнулъ его изо всѣхъ силъ ногами, и въ эту минуту проснулся.

Онъ всталъ, сѣлъ на постели и протеръ глаза. Еще подъ впечатлѣніемъ сна, онъ протянулъ свои кулаки къ другому берегу и сказалъ:

— Не думай, черномазый, что ты насъ легко развѣешь по вѣтру!

Въ эту минуту онъ замѣтилъ на льду озера двухъ всадниковъ, которые удалялись къ неприятельскому берегу. Онъ снова протеръ глаза и посмотрѣлъ пристальнѣе, чтобы убѣдиться, что это уже не сонъ. Однако, онъ и теперь ясно разглядѣлъ всадниковъ, которые черезъ нѣсколько минутъ исчезли въ тѣни противоположнаго берега. Обернувшись къ своему лагерю, Илькка увидѣлъ снова подходящаго къ костру Вилппу. На этотъ разъ Вилппу не шатался, а приближался полубѣгомъ.

— У него навѣрное есть что-нибудь важное сообщить мнѣ, — подумалъ Илькка. — Можетъ, быть именно объ этихъ всадникахъ.

— Уфъ... уфъ...—пыхтѣлъ Вилппу, подходя къ костру и, положивъ свой боченокъ на землю, наклонился отогрѣть руки.

— Знаешь-ли ты, кто были эти два всадника, только что уфхавшіе отсюда черезъ озеро на сторону неприятеля? — спросилъ Илькка.

— Это были купцы, — отвѣтилъ Вилппу. — Я пришелъ именно, чтобы рассказать тебѣ объ ихъ торговлѣ.

— Что ты дурачишься?—прикрикнулъ Илькка сердито.

— Чистая правда, — отвѣтилъ Вилппу невиннымъ голосомъ.—Это были владѣлецъ изъ Лаукко и Мелкерсонъ, которыхъ маршалъ послалъ сюда чтобы купить твою шкуру.

— Мою шкуру?...—повторилъ Илькка медленно, и на лбу его появилась глубокая морщина.—Правду-ли ты говоришь, дружище?

— Правду, правду: кто будетъ шутить такими вещами?—увѣрялъ Вилппу.—Они были въ Тюркэля, гдѣ была большая часть нашихъ людей. Маршалъ велѣлъ сказать имъ, что, если они отдадутъ тебя въ его руки, имъ будетъ позволено спокойно вернуться домой и еще, кромѣ того, они будутъ освобождены отъ постоя солдатъ.

— Вотъ какое коварное предложеніе! — воскликнулъ Илькка—почему наши люди не взяли этихъ мошенниковъ въ плѣнъ?

— Въ плѣнъ?...—удивился Вилппу.—А тогда ничего не вышло бы изъ торговли...

— Изъ торговли?—повторилъ Илькка, поплѣднѣвъ.—Конечно, наши люди не обратали вниманія на такое жалкое предложеніе.

— Напротивъ, они выслушали, и въ концѣ концовъ совершили продажу. Они общались отдать тебя завтра, связаннаго веревками, маршалу. Такъ что тебѣ, Илькка, самое лучшее теперь сѣсть на скакуна, котораго ты захватилъ, и исчезнуть стсюда какъ можно скорѣе. Они остались еще тамъ ссориться, ксго выбрать, чтобы арестовать тебя. По крайней мѣрѣ, два товарища изъ Яласъ-ярви были уже готовы для этого дѣла.

Прежде чѣмъ Вилппу успѣлъ кончить, прибѣжалъ, запыхавшись, слуга Илькки.

— Хозяинъ, хозяинъ, бѣгите поскорѣе: сейчасъ придутъ арестовать васъ.

— Вотъ видишь самъ. Спѣши же поскорѣе! — сказалъ Вилппу.

— Подлецы! — прошипѣлъ Илькка сквозь зубы. — Кто могъ-бы этому повѣрить!

Онъ стоялъ одну минуту, пристально смотря передъ собою, съ руками опущенными по бокамъ. Но вдругъ глаза его сверкнули, онъ выпрямился и сказалъ:

— Я пойду прямо въ Тюрккеля и тогда увидимъ, не станеть ли имъ стыдно и не измѣнять ли они своего несчастнаго намѣренія. Я арестую самыхъ опасныхъ буяновъ, питающихъ ко мнѣ старую ненависть.

Онъ сдѣлалъ было шага два, къ лагерю, но Вилппу и слуга схватили его съ двухъ сторонъ.

— Ради Бога, не идите, хозяинъ! — умолялъ слуга тревожно. — Они уже и теперь пьяны, а когда я уходилъ, къ нимъ привезли изъ имѣнія цѣлый возъ пивныхъ бочекъ.

— Они подбадриваются, чтобы осмѣлиться арестовать своего начальника, — въ свою очередь сказалъ Вилппу. — Если ты пойдешь туда, они безъ всякаго стыда свяжутъ тебя веревками.

Сообщеніе слуги заставило Илькку усумниться. Онъ думалъ, что личнымъ вмѣшательствомъ разстроитъ гнусныя намѣренія, но какое вліяніе онъ могъ имѣть на пьяныхъ?

— Такъ неужели все теперь рушилось? — сказалъ онъ удрученно, стоя между обоими своими вѣрными друзьями. Слишкомъ ты хорошо,

Вилппу, предсказалъ конецъ этого похода. Но кто могъ думать, что все кончится такъ скверно!

— Поскорѣе, хозяинъ, поскорѣе! — торопиль слуга. — Я осѣдлаю лошадь.

— Такъ осѣдлай! — отвѣтилъ Илькка твердымъ голосомъ, и глаза его сверкнули снова. — Шкуру Илькки они не продадутъ!

Онъ взялъ шашку изъ саней и, привязавъ ее къ боку, вскочилъ на лошадь и, обратившись къ обоимъ мужчинамъ, сказалъ:

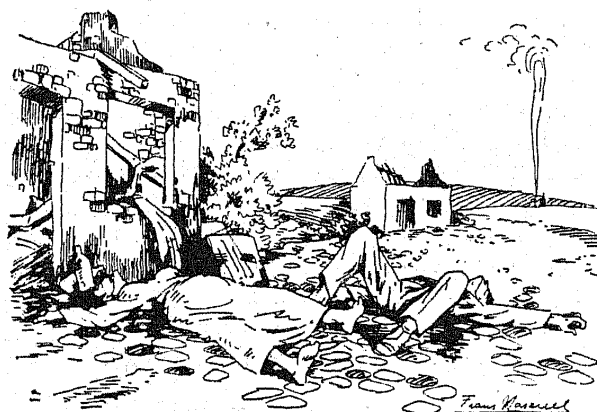
— Заложите другую лошадь въ сани и слѣдуйте за мною, какъ можно скорѣе. Вамъ они, во всякомъ случаѣ, ничего не сдѣлаютъ, хотя бы даже они догнали васъ. А если тамъ между измѣнниками найдутся преданныя мнѣ люди, они навѣрное съумѣютъ отправиться въ путь въ удобное время.

Онъ дернулъ поводья, и отдохнувшая лошадь рѣзво пустилась вскачь, вздымая копытами снѣжную пыль. Потомъ онъ поскакалъ черезъ полуостровъ къ низу водопада; но прежде чѣмъ спуститься на ледъ, остановилъ своего скакуна и обернулся къ лагерю дубиннаго войска.

Красные костры сіяли сквозь туманъ, почти всѣ звуки утихли, какъ будто тамъ приготовлялись къ чему-то важному. Безграничная ненависть сверкнула въ глазахъ Илькки, когда онъ, протянувъ свои кулаки къ лагерю, промолвилъ сквозь зубы:

— Соглашайтесь теперь, подлецы, съ маршаломъ, какъ хотите! Я возвращаюсь въ Кюрэнкангасъ, и пусть на ваши плечи ляжетъ иго тысячу разъ болѣе тяжелое, чѣмъ иго маршала. Вамъ надо еще поучиться сражаться за свою свободу!..

Онъ дернулъ поводья, и лошадь спустилась на ледъ. Топотъ копытъ постепенно удалялся и черезъ нѣсколько минутъ всадникъ исчезъ въ туманѣ, поднявшемся надъ водопадомъ... Но въ морозную ночь шумѣлъ водопадъ Нокія громче прежняго, какъ будто своимъ шумомъ предсказывалъ дубинному войску кровавый новый годъ, разрушеніе и гибель. М. О.

Мазерель.

Тутъ пршли они.

Война въ рисункахъ современныхъ французскихъ художниковъ.

Дмитрія Митрохина.

„Преобладаніе техники надъ содержаніемъ ведетъ къ упадку. Живопись не должна ограничиваться комбинаціями красокъ, лабораторными опытами; она не должна быть тайнописью, открытою лишь посвященнымъ и непонятною за стѣнами мастерской; художникъ—гражданинъ міра, языкъ его понятенъ всюду и всѣмъ, и художнику дано приготовить наступленіе эпохи мира, братства и любви“.

Эти слова Роже-Маркса, популярнаго французскаго писателя по вопросамъ искусства, могутъ быть приложены къ той гигантской работѣ, связанной съ невѣроятнымъ духовнымъ напряженіемъ, которая производится въ настоящее время французскими художниками.

Почти всѣ они мобилизованы и принимаютъ участіе въ огромномъ трудѣ своей арміи—это не отвлекаетъ ихъ все-же отъ ихъ прямого дѣла.

Возникаютъ журналы, наполненные „военными“ рисунками; появляются изданія, посвященные, конечно, войнѣ,—и тамъ опять рисунки, „исполненные на фронтѣ“, „рисованные лейтенантомъ N“, „бельгійскимъ солдатомъ X“, „солдатомъ Y“ и т. п.

Часто эти рисунки принадлежатъ уже извѣстнымъ художникамъ. Недавно появившійся, обильно иллюстрированный журналъ „L'Élan“ такъ объясняетъ свой выходъ въ свѣтъ: „Иностранецъ думаетъ, можетъ быть, что искусство во Франціи существуетъ лишь въ мирное время. Тѣ-же, что бьются, наши друзья, пишутъ намъ, что война еще больше привязала ихъ къ искусству: имъ хотѣлось-бы имѣть страницы, гдѣ бы ихъ творчество могло реализоваться. Иностранецъ изумится этой изысканной беззаботности, такой вѣрности искусству. Этотъ журналъ—французскій, и въ то-же время—журналъ нашихъ союзниковъ и друзей. Онъ будетъ бороться съ врагомъ всюду, гдѣ только его встрѣтитъ, будь это въ самой Франціи“.

Выходящій выпусками альбомъ съ рисунками извѣстныхъ рисовальщиковъ „La Grande Guerre par les artistes“ пишетъ: „Альбомъ издается съ цѣлью дать возможность мастерамъ карандаша и кисти воздвигнуть памятникъ отважности нашихъ героев“...

Въ многочисленныхъ изданіяхъ работаютъ неумимо карандаши и кисти талантливыхъ иллюстраторовъ, различныхъ по степени одаренности и техническимъ качествамъ, но обобщенные однимъ: всѣ ихъ сюжеты подверглись милитаризаціи безъ исключенія.

Если раньше мы знали изобразителей праздниковъ и будней парижскаго обывателя, если раньше рисунки эти рассказывали о кипучей парижской улицѣ, съ ея безчисленными театрами и кафе, обо всей напряженной жизни Города-Свѣточа—то теперь изображается лишь то, что имѣетъ отношеніе къ войнѣ, что вызвано ея грозными явленіями; всѣ образы войны, то величественные и глубоко-человѣчные, то низменные, позорные и звѣрскіе.

Художественную лѣтопись войны ведутъ худож-

ники старшаго поколѣнія—имена ихъ отчасти знакомы читателю „Новаго Журнала для Всѣхъ“ по предыдущему выпуску—наряду съ болѣе молодыми, вносящими свои личныя ноты въ манеру видѣть и оцѣнивать вещи, людей и событія,—Форэнъ, Гюаръ, Стейнленъ, Виллетъ, Леандръ дали любопытные рисунки, сопровождаемые ѣдкими и злобными подписями, клеймящими тевтонскую распущенность, звѣрство и тупость.

Рубилль иллюстрировалъ шестью энергичными и выразительными рисунками наиболѣе впечатлѣющія строфы Марселезы.

Викторъ Пруве зарисовалъ съ натуры разрушенный бомбардировкою городокъ Жербевиле, близъ Люневилля; нѣкоторые изъ его рисунковъ, по простотѣ и ясности техники и заключенной въ нихъ жути, близки „Пейзажу 1870 г.“ Оноре Домье.

Эрманъ-Поль, Валлотонъ, Ибельсъ, Карлегли, Делавъ, Денаки, П. Виберъ—сколько остроумныхъ, забавныхъ, элегическихъ, восторженныхъ или строгихъ страницъ вписано ими въ эту лѣтопись защиты міра отъ возставшаго звѣря!

Судя по вышедшимъ выпускамъ „Великой Войны“—изданіе станетъ значительнѣйшимъ изъ графическихъ документовъ, порожденныхъ на Западѣ настоящей войною.

Въ томъ-же издательствѣ (Georges Crès et Co) выходятъ серіями подъ общимъ заголовкомъ „La Grande Guerre“ отдѣльные листы съ рисунками въ краскахъ; исполнены они въ манерѣ „Эпинальскихъ картинокъ“ (images d'Épinal), соответствующихъ нашимъ лубкамъ.

Эпиналь, главный городъ департамента Вожъ, въ теченіи трехъ столѣтій выпускаетъ на рынокъ въ милліонахъ экземпляровъ картинки, рѣзанныя на деревѣ или литографированныя; ихъ грубый и лаконичный рисунокъ, мощная, яркая окраска производятъ неотразимое впечатлѣніе на простолюдина, ребенка и художника.

Въ стилѣ этихъ изображеній илисты „Великой Войны“. Лучшіе изъ нихъ исполнены гравюрою на деревѣ, раскрашены „по трафарету“ и подписаны Гарсія Бенито.

Особенно привлекательна гравюра съ группою бельгійскихъ солдатъ, ньющихъ „за здоровье короля“ среди весенняго пейзажа съ безлиственными еще деревьями; вдали проходятъ войска. Внизу подпись— послѣдняя строфа изъ Врabanсонны.

Много вниманія удѣлено и русскому фронту: казаки въ Карпатахъ; санитаръ стрѣляетъ въ волковъ, загрызающихъ нѣмецкихъ раненыхъ въ Августовскихъ лѣсахъ; солдаты, огромные, размахивая широкими руками, ведутъ съжившихся плѣнныхъ австрійцевъ, и еще многіе сюжеты, трактованные не всегда съ равною артистичностью, но всегда бодро, ярко подкрашенные и снабженные обстоятельнымъ описаніемъ изображенныхъ эпизодовъ боевой жизни арміи-союзницы.

Дмитрій Митрохинъ.

Военныя бесѣды.

Годъ войны.

Миновалъ первый годъ войны, и наша армія, подъ натискомъ технически превосходящаго насъ врага, нанося ему жестокой уронъ въ непрерывныхъ аррьергардныхъ бояхъ, медленно оттягивается на намѣченную штабомъ оборонительную линію, используя во всей полнотѣ средства обороны въ Привислиніи.

По германскому стратегическому плану захватъ нашего передового театра долженъ былъ произойти на протяженіи первыхъ 2-хъ—3-хъ мѣсяцевъ войны, слѣдовательно, боевое маневрированіе нашихъ армій за Вислой, въ Восточной Пруссіи, въ Галиціи и въ Буковинѣ нарушило всѣ стратегическіе расчеты и соображенія противника, заставивъ его затратить въ пять разъ больше предполагаемыхъ по плану усилий. Иначе говоря, нѣмцы понесли въ пять разъ большій уронъ, какъ людьми, такъ и по ценности своихъ техническихъ заготовокъ, рассчитанныхъ на опредѣленный срокъ.

Достигнутый нами выигрышъ во времени далъ возможность подготовить и мобилизовать нашу военную промышленность для снабженія арміи современными техническими средствами борьбы, не уступающими германскимъ.

Нѣмцы слишкомъ переоцѣнили значеніе захвата передового театра.

Несмотря на значительный территориальный захватъ, Германія не достигла никакихъ существенныхъ успѣховъ. Если въ началѣ войны нѣмцы были увѣрены въ быстромъ и побѣдоносномъ ея исходѣ, мы же только надѣялись болѣе или менѣе успѣшно парировать ихъ удары, то теперь, черезъ годъ войны, Россія непоколебимо увѣрена въ полномъ и окончательномъ разгромѣ нѣмцевъ, которые не могутъ даже надѣяться предотвратить этотъ роковой для нихъ конецъ.

Чтобы понять и оцѣнить создавшееся положеніе, лучше всего обратиться къ тѣмъ самымъ германскимъ авторитетамъ военного искусства, выводами которыхъ германскій высокій генеральный штабъ пользовался при разработкѣ стратегическаго плана настоящей войны.

Особенно интересными въ этомъ отношеніи являются выводы выдающагося германскаго стратега Клаузевица, цѣликомъ воспроизводимые современной германской стратегіей и тактикой.

Въ своемъ обширномъ трудѣ: „Война“ Клаузевицъ, разбирая возможный исходъ борьбы съ Россіей, говоритъ: „... Россія не такое государство, которое можно формально завоевать, т. е. держать занятымъ; по меньшей мѣрѣ это невозможно для силъ нынѣшнихъ европейскихъ государствъ, точно такъ же, какъ это было невозможно исполнить полу-

милліонной арміей Бонапарта. Такое государство можетъ быть побѣждено только внутренней слабостью и внутренними раздорами...“, въ другомъ мѣстѣ того же труда находимъ: „...Мы утверждаемъ, что походъ 1812 года не удался Бонапарту потому, что русское правительство осталось твердо, народъ вѣрнымъ и стойкимъ“.

И мы видимъ, что нѣмцы глубоко прониклись этимъ сознаніемъ. Они не жалѣютъ ни силъ, ни средствъ и не брезгаютъ никакими приемами въ своемъ стремленіи поколебать нашу увѣренность въ побѣдѣ и посвятить внутреннее недовольство. Для воздѣйствія угнетающимъ образомъ на общественное настроеніе они опутали Россію чудовищной сѣтью шпионажа и ведутъ подпольную агитацію при посредствѣ „мирныхъ“ германскихъ колонистовъ. Самый ничтожный успѣхъ раздувается ими въ широко-вѣщательную рекламную побѣду.

Съ этой точки зрѣнія захватъ передового театра, съ Варшавой и крѣпостями, рассчитанъ на ошеломляющее моральное впечатлѣніе, и, къ величайшему ихъ огорченію, они жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Россія приняла извѣстіе объ оставленіи нашей арміей передового театра войны съ мужественнымъ и убійственнымъ для нѣмцевъ спокойствіемъ, въ сознаніи неизбежности крупныхъ и тяжелыхъ жертвъ и съ рѣшимостью продолжать войну до полного успѣха, въ которомъ окупятся сторицей всякія утраты. Такимъ успѣхомъ явится: „уничтоженіе германской арміи, когда мы достигнемъ равенства въ техническихъ средствахъ борьбы“.

Оставляя передовой театръ войны и отступая на главную оборонительную линію, наша армія идетъ къ вѣрной побѣдѣ.

Надо понять, что германская тактика и стратегія требуютъ быстрого безостановочнаго наступленія и неустаннаго натиска до тѣхъ поръ, пока противникъ не будетъ сваленъ, смятъ и окончательно разбитъ. Поэтому, всякая вынужденная остановка общаго наступленія разсматривается, какъ неуспѣхъ, въ смыслѣ потери времени, а наступательный порывъ теряетъ свѣжесть и быстроту натиска.

Нѣмецкіе стратеги говорятъ: „послѣ неизбежной остановки нѣтъ уже новаго разбѣга. (Anlauf)“.

Въ теченіе минувшаго года войны наступательный порывъ нѣмцевъ былъ нѣсколько разъ лишенъ этого начальнаго разбѣга.

Достаточно вспомнить наши наиболѣе крупные контръ-маневры, заставившіе германскую армію два раза отхлынуть до своей пограничной линіи, а австрійцевъ—очистить Галицію и Карпаты!

И теперь, рѣшивъ оставить Привислиніе, наша армія отходитъ по стратегическимъ соображеніямъ

нашего генеральнаго штаба, сохраняя боеспособность и готовя рѣшительный ударъ на избранномъ нами пунктѣ.

По мѣрѣ нашего отхода, германскій натискъ все болѣе и болѣе расплывается, направленный на насъ ударъ потерялъ всю свою силу и значеніе.

Австро-германская армія подходитъ къ тому рубежу, съ котораго она уже не посмѣетъ двинуться впередъ, а по словамъ Клаузевица: „коль скоро полководецъ достигнетъ пункта, съ котораго онъ уже не смѣетъ двинуться впередъ, когда онъ почувствуетъ необходимость обезпечить свой тылъ, распространиться вправо и влѣво — (этотъ маневръ и выполняютъ нѣмцы въ данное время) — это значить, что онъ, почти навѣрно можно сказать, достигъ своего кульминаціоннаго пункта. Побѣдный полетъ тогда оконченъ, и если мы противника не повалили, то по всей вѣроятности, изъ затѣй нашихъ ничего не выйдеть“.

Поэтому, чѣмъ глубже зайдутъ нѣмцы, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ наша побѣда.

Міровая исторія войнъ убѣждаетъ, что прежніе успѣхи слабо вліяютъ на послѣдующіе; иногда вовсе не вліяютъ, а иногда — даже отрицательно. Яркій примѣръ даетъ наша первая отечественная война 1812 г., когда мы вынуждены были уступить Москву, а впоследствии довели побѣдоносный конецъ до низверженія Бонапарта; теперь же разговоръ идетъ только объ оставленіи Вислы!

А развѣ въ началѣ войны, въ августѣ, прошлаго года боевое счастье не улыбалось намъ?! Побѣдоносное наступленіе нашей Галиційской арміи уже всеяло въ насъ увѣренность на прочное овладѣніе всею краемъ, и мы наглядно убѣждаемся, что главное, вся сила войны, ни въ вѣлокѣхъ непріятельской территоріи, а въ живой силѣ непріятельскаго сопротивленія, т. е. въ арміи.

Германская армія сильна только своей техникой.

Готовясь къ войнѣ съ Россіей, германскій высокій штабъ должнымъ образомъ оцѣнилъ силу и достоинство нашей арміи. Нѣмцы пришли къ сознанию полной своей непригодности побѣдить русскаго солдата въ равномъ честномъ бою; отсюда, прямымъ слѣдствіемъ явилось стремленіе къ созданію такихъ чудовищныхъ техническихъ ужасовъ, которые могли бы восполнить слабость ихъ живой силы.

Противъ русскихъ полковъ направлены жерла 8 дюймовыхъ орудій, изобрѣтенныхъ для разрушенія желѣзо-бетона. Германцы не рѣшаются приближаться къ нашимъ окопамъ иначе, какъ подъ прикрытіемъ удушливыхъ дымовыхъ завѣсъ; они способны атаковать только одурманенныхъ полуживыхъ бойцовъ, лишенныхъ способности владѣть оружіемъ; они преисполнены смѣлостью и геройствомъ, когда увѣрены, что ихъ чудовищныя орудія истребленія сдѣлали уже свое страшное дѣло! Вспомнимъ одно изъ послѣд-

нихъ сообщеній нашей Главной Квартиры о томъ, что противъ одного боевого участка, занятаго нашимъ полкомъ, нѣмцы выпустили 24 тысячи орудійныхъ снарядовъ, превративъ все пространство какъ бы во вспаханное поле, и только послѣ такой подготовки нѣмцы рискнули атаковать этотъ полкъ, при чемъ были отбиты контръ атакой нашего геройскаго полка. За 12 мѣсяцевъ войны наши чудобогатыри не только отбивали вражескія атаки; не перечеть всѣхъ отдѣльныхъ подвиговъ нашихъ славныхъ полковъ, которые, кидались сквозь ядовитыя дымовыя завѣсы, опрокидывали численно превосходящаго противника и отбирали германскія пушки и пулеметы.

И если въ такой небывалой еще въ лѣтописяхъ міровыхъ войнъ обстановкѣ наша армія преисполнена рѣшимостью биться до послѣдняго солдата, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, съ достиженіемъ равенства въ техническихъ средствахъ борьбы, мы можемъ быть увѣрены въ полной и окончательной побѣдѣ.

Англо-французскій фронтъ.

Годъ войны на фронтѣ нашихъ союзниковъ прошелъ въ такихъ же невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ борьбы живой силы съ мертвыми машинами германской техники, какъ и у насъ. Германскій стратегическій планъ ставилъ своей цѣлью: разбить французскую армію, взять Парижъ, а остатки французскихъ силъ отбросить за Лоару. Разгромивъ цвѣтущую Бельгію, германцы вторглись во Францію, гдѣ встрѣтили мужественное сопротивленіе англо-французскихъ войскъ и потеряли всю силу наступательнаго порыва. Блестящее управленіе и дѣйствія союзныхъ войскъ принудили нѣмцевъ значительно попятиться назадъ, при чемъ на Марнѣ, у Ипра, въ Шампани, у Арраса и въ Аргонахъ нѣмцы потерпѣли рядъ жестокихъ поражений. Наступилъ длительный періодъ упорной затяжной позиціонной войны. Особенно ожесточенная, непрерывная борьба происходитъ на сѣверномъ участкѣ боевого фронта, гдѣ лѣвый флангъ франко-англо-бельгійской арміи и правое крыло германской упираются въ берегъ сѣвернаго моря, и въ Аргонахъ.

Значеніе Сѣвернаго участка опредѣляется близостью къ Англій и чрезвычайной важностью прибрежныхъ портовъ. Море обезпечиваетъ нашихъ союзниковъ отъ обходовъ и охватокъ. Въ теченіе всей войны нѣмцы безуспѣшно бьются лбомъ въ направленіи Остендъ-Ньюпортъ-Калэ.

По всему фронту германцы возвели цѣлый рядъ неприступныхъ параллельныхъ линій укрѣпленій и нашимъ союзникамъ приходится вести подрывную минную войну, требующую чрезвычайныхъ усилій. Французы продвигаются къ германскимъ окопамъ подземными галереями, закладываютъ подъ нихъ мины и одновременно со взрывами бросаются въ

смертельный бой. При такихъ чудовищныхъ условияхъ борьбы продвиженіе впередъ на нѣсколько метровъ и захватъ нѣмецкой траншеи является дѣйствительно крупнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что и нашимъ доблестнымъ союзникамъ приходится преодолевать ядовитыя дымовыя завѣсы и огонь крупнокалиберной артиллеріи. Этимъ и объясняется кажущаяся медлительность союзнаго наступленія, которую германскіе друзья стараются объяснить бездѣйствіемъ и слабостью. Медленный успѣхъ нашихъ союзниковъ развивается безостановочно. Ежедневно, понемногу они тѣснятъ нѣмцевъ, постепенно выбивая ихъ изъ окоповъ. Германскій штабъ предвидитъ уже неизбежность отступленія, на что указываютъ спѣшныя работы нѣмцевъ по уквѣпленію Антверпена и разрушенныя крѣпости Вельгій.

За годъ войны англо-французскій флотъ совершенно парализовалъ германскій, который вынужденъ бездѣйствовать въ Кильскомъ каналѣ, а разбойныя нападенія германскихъ подводныхъ лодокъ, по выраженію Лорда Вальфура: „имѣли успѣхъ только въ одномъ: они наложили неизгладимое пятно на репутацію германскаго флота“.

Германія лишилась всѣхъ своихъ колоній и въ настоящее время нѣтъ на морѣ ни одного германскаго торговаго судна.

На русско-турецкомъ фронтѣ.

Годъ войны далъ намъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ турками, что, помимо своего огромна-

го прямого значенія на ходъ войны съ Турціей, является громовымъ ударомъ для германскаго штаба, втравившаго турокъ въ наступательную авантюру

для отвлеченія части нашихъ силъ на кавказскій фронтъ.

Повидимому, турки были увѣрены въ успѣхъ и, ободряемые нѣмцами, чрезвычайно быстро продвинулись въ направленіяхъ на Ардаганъ и Сорыкамышъ, гдѣ и понесли грандіозное пораженіе. Несмотря на это, турки продолжаютъ проявлять упорство и, гдѣ только могутъ, пытаются наступать на наши позиціи. Чрезвычайно важное значеніе для развитія нашихъ сухопутныхъ успѣховъ имѣетъ нашъ Черноморскій театръ. Черное море является почти единственнымъ путемъ быстрого транспортированія турецкихъ войскъ и боевыхъ припасовъ.

Сухопутное движеніе по отвратительнымъ дорогамъ отъ Константинополя до Эрзерума занимаетъ нѣсколько мѣсяцевъ. Существующая желѣзнодорожная сѣть особаго значенія не имѣетъ, такъ какъ доходить только до Ангоры и Эрзели, откуда туркамъ приходится пользоваться обыкновенными арбыми

дорогами. Нашъ черноморскій флотъ совершенно парализовалъ дѣйствія турецкаго флота и, нанеся ему тяжелыя потери, достигъ полнаго господства надъ моремъ, чѣмъ лишилъ турокъ возможности пользоваться морскими путями. Успѣшная борьба съ турецкимъ каботажемъ лишаетъ турокъ подвоза въ Константинополь угля и подкрѣпленій съ береговъ Анатолиі.

По словамъ нашего военнаго министра, сказаннымъ съ думской трибуны: „Черноморскій флотъ постоянно увеличиваетъ свою силу и ждетъ того момента, когда настанетъ время перейти къ разрѣшенію близкой русскому сердцу задачи, завѣщанной намъ всѣмъ нашимъ историческимъ прошлымъ.“

О положеніи дѣлъ на всѣхъ остальныхъ театрахъ великой міровой борьбы мы побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Г. Алексѣевъ.

Внутренняя хроника.

Совѣщаніе по борьбѣ съ дороговизной.

„Concordia parvae res crescunt,
discordia maximae dilabuntur“.

„Передъ нами стоитъ опредѣленная цѣль, которой опредѣляются и рамки нашей работы, это—обеспеченіе арміи и ея тыла условіями, обеспечивающими намъ побѣду надъ врагомъ“.

Такъ заключилъ привѣтственную рѣчь свою участникамъ по борьбѣ съ дороговизной (съ 11 по 13 іюля) главноуполномоченный общегородского союза М. В. Челноковъ.

„Вопросъ о побѣдѣ въ этой войнѣ приводитъ къ вопросу о борьбѣ съ дороговизной“, формулировалъ ту же идею А. А. Мануйловъ, „потому что дороговизна, являясь выраженіемъ неустроенности тыла, есть несомнѣнное препятствіе на путяхъ къ побѣдѣ“.

Урегулированіе жизни тыла первое условіе побѣды. Въ Германіи дороговизна продуктовъ приняла грозные размѣры, но тамъ она менѣе опасна, чѣмъ дороговизна, наблюдаемая у насъ. Тамъ она вызвана недостаткомъ продуктовъ. А у насъ—дефектами внутреннихъ распоряжковъ. Въ Германіи поэтому приходится мириться съ тяжестью,—на нѣтъ и суда нѣтъ. У насъ же возникаетъ недовольство администраціей, у насъ нарушается та цѣлостность взаимнаго довѣрія народа къ его руководителямъ, которая одна только и можетъ обеспечить конечную побѣду въ напряженной, длительной войнѣ.

Вотъ почему совѣщаніе о дороговизнѣ было какъ нельзя болѣе необходимо, вотъ почему оказалось оно столь многочисленнымъ: съѣхалось около 400 человекъ.

Дабы полнѣе освѣтить вопросъ, экономической отдѣлъ всероссійскаго союза городовъ заблаговременно предпринялъ обширную анкету: разослано было свыше 600 опросныхъ листовъ двухъ типовъ, для большихъ городовъ (свыше 10.000 жит.) и малыхъ. Отвѣтовъ поступило поразительно мало, всего 200 съ небольшимъ, однако и они охватили 67 губерній и областей и представили собою весьма богатый и характерный матеріалъ. Обработанный въ обстоятельный докладъ, данныя анкеты послужили главнымъ основаніемъ для занятій совѣщанія. Они распадаются на двѣ группы: о причинахъ дороговизны и о принимавшихся въ разныхъ мѣстахъ мѣрахъ борьбы съ нею.

Само собою разумѣется, мѣстные условія вносили массу своеобразнаго въ характеръ мѣропріятій отдѣльныхъ городовъ, но все же матеріалъ анкеты приводитъ къ слѣдующему общему заключенію. Ростъ дороговизны, въ значительной мѣрѣ обусловленный войной, явленіе слишкомъ сложное, чтобы съ нимъ могли бороться отдѣльные города. Только объединенные города, дѣйствуя по одному, соединенными си-

лами выработанному плану, въ состояніи будутъ остановить возрастаніе дороговизны и серьезно притупить ея остроту. Необходимы—организанія и объединеніе. А путь къ тому—совѣщаніе представителей городовъ и созданіе имъ особаго центрального органа. Такимъ образомъ, данныя анкеты не только дали базу для работъ совѣщанія, но санкціонировали и самую идею его созыва.

Чѣмъ обусловлена дороговизна?

А. А. Мануйловъ въ рѣчи своей при открытіи совѣщанія прекрасно обрисовалъ всю сложность этого вопроса:

„Первая категорія причинъ *)—давняго происхожденія—уходитъ далеко за грань, проведенную настоящей войной. Ея не было, а дороговизна была; стояла въ связи съ нѣкоторыми коренными особенностями всего современнаго міроваго хозяйства. Конечно, воздѣйствіе на причины такого порядка—нѣтъ задачъ настоящаго совѣщанія. Далѣе слѣдуетъ категорія причинъ, тѣснѣйше связанныхъ съ самой войной, ея неизбѣжно приведенныхъ въ дѣйствіе. Таковы разстройство транспорта, неизбѣжно вызываемое перевозкой войскъ и другими военными надобностями, таково нарушеніе обычнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, вызванное закупками для военныхъ надобностей, прекращеніемъ вывоза и т. п. Сюда же надо отнести вліяніе необходимости изыскивать финансовыя средства на войну, необходимости, еще осложненной у насъ въ эту войну ставшей на неотложную очередь борьбой съ пьянствомъ. Оказался нужнымъ усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ, оказались необходимыми новыя налоги, и все это не могло не отразиться вздорожаніемъ предметовъ потребленія. Все это такіе факторы, которые непредотвратимы, хотя бы предусмотрительность была поднята до степени идеальной. Все это роковымъ образомъ связано съ войной, и на эти причины дороговизны нѣтъ у совѣщанія возможности оказать какое-либо вліяніе.“

Но параллельно съ ними войной приведены въ движеніе и еще другія причины, которыя уже не заключаютъ въ себѣ такой неизбѣжности, такого роковаго характера. Онѣ стоятъ съ войной въ несомнѣнной связи, но истинный ихъ источникъ—не сама война, а неорганизованность нашего народнаго хозяйства. Такъ разстройство транспорта—выше мѣры неизбѣжнаго при войнѣ. Оказался неупорядоченнымъ нашъ транспортъ, разгрузка велась въ условіяхъ мирнаго времени, не считалась съ военнымъ, оказались неприспособленными станціи и т. д., и все

*) Цитируемъ по „Русскимъ Вѣдомостямъ“. № 160.

это—выше предѣловъ неизбежнаго при войнѣ. Тутъ нельзя не говорить о недостаткѣ предусмотрительности и, значитъ, о необходимости ее повысить. Затѣмъ, если съ войной неизбежно связано разстройство правильнаго отношенія между спросомъ и предложениемъ, то и это разстройство выходило далеко за предѣлы необходимаго. Врѣзались въ нашу хозяйственную жизнь мѣстныя запрещенія вывоза, обусловливавшіяся серьезной необходимостью, врѣзались безсистемныя реквизиціи.

На развитіе дороговизны и безуспѣшность борьбы съ ней оказали несомнѣнное и серьезное вліяніе и неблагоприятныя условія дѣятельности нашихъ самоуправленій, ихъ ценовой характеръ, недостатокъ у нихъ средствъ и неорганизованность кредита. Вообще тутъ приходится констатировать цѣлый рядъ препонъ на пути осуществленія самыхъ насущныхъ нуждъ, и, какъ непремѣнный этого результатъ,—усиленіе дороговизны. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ стѣсненіе развитія кооперативовъ,—стѣсненіе, вытекающее и изъ общихъ политическихъ условій страны, и изъ устарѣлости нашего кооперативнаго законодательства. А между тѣмъ кооперативы—какъ разъ тотъ механизмъ, которымъ прежде всего и шире всего слѣдовало бы воспользоваться.

Какъ слѣдствіе изображеннаго—развитіе спекуляціи, которая воспользовалась нездоровыми политическими условіями и расцвѣла такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какой не былъ бы возможенъ на болѣе здоровой почвѣ. Слѣдуетъ еще отмѣтить сокращеніе производства нѣкоторыхъ необходимыхъ продуктовъ, и притомъ сокращеніе, вызванное не столько абсолютнымъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, сколько недостаточной оплатой рабочаго труда, не соответствующей теперешнему удорожанію жизни.

Наконецъ, сыграло свою печальную роль и изгнаніе темы о дороговизнѣ со столбцовъ русской періодической печати. Для русскихъ газетъ дороговизна, вдругъ, въ одинъ день, перестала существовать; даже самое это слово исчезло изъ газетнаго лексикона, и для выраженія понятія, для намековъ на него, приходилось измышлять всякія иносказанія. Все это отнюдь не помогало тому, чтобы дороговизна была лучше понята въ своихъ причинахъ и размѣрахъ. А только такое пониманіе могло приготовить почву для успѣшной борьбы“.

Данныя анкеты вполне подтверждаютъ всѣ положенія оратора. Такъ, выдвигая разстройство транспорта, обусловленное войною, какъ основную причину дороговизны, нѣкоторые города объясняютъ задержку въ погрузкѣ товаровъ и отсутствіемъ должной распорядительности. Имѣются указанія и на болѣе уродливыя явленія въ этой области. Попадаются упоминанія о „платѣ за подачу вагоновъ“ о томъ, что „торговцы принуждены брать вагоны у третьихъ лицъ, тратя на это большія деньги“.

Останавливаясь на вопросѣ, почему понизилось

предложеніе товаровъ, нѣкоторые анкетные листки указываютъ на неурожай и на трезвость, благодаря которой крестьянство шире стало пользоваться плодами трудовъ своихъ. А на ряду съ тѣмъ сильно увеличился спросъ, благодаря скопленіямъ большихъ количествъ военноплѣнныхъ, бѣженцевъ, раненныхъ, а главное изъ за огромныхъ закупокъ военнаго вѣдомства. Это рѣзко отразилось на стоимости продуктовъ. И тутъ сказалась недостаточная организованность въ постановкѣ дѣла.

„Вѣдь, несомнѣнно,—говорится въ докладѣ анкеты,—что въ странѣ, какъ Россія, являющейся мировымъ поставщикомъ жизненныхъ продуктовъ, при нѣкоторой организованности продовольственнаго дѣла, интересы снабженія арміи никогда не пришли бы въ столкновеніе съ интересами продовольствія страны“. О той же неорганизованности говорятъ отвѣчающіе по анкетѣ и относительно мѣропріятій, принятыхъ въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной, но оказавшихся ея причиной или причиной ея усиленія. Это прежде всего относится къ запрещенію вывоза изъ мѣстъ производства. Около 22% отвѣчающихъ городовъ указываютъ на эту мѣру, какъ на причину дороговизны“.

Далѣе къ числу причинъ относятся реквизиція, повышеніе налоговъ, разстройство кредита и, наконецъ, спекуляція.

„Въ выжиманіи цѣнъ, въ спекуляціи на повышеніе,—читаемъ мы въ одномъ отвѣтѣ,—крестьяне не отстаютъ отъ нефтяниковъ, керосиновозовъ или отъ своихъ болѣе состоятельныхъ сосѣдей-помѣщиковъ разныхъ видовъ“. Среди промышленниковъ въ качествѣ спекулирующихъ фигурируютъ въ отвѣтахъ по преимуществу мукомолы и сахаро-заводчики“.

Есть указанія и на участіе банковъ въ хлѣбныхъ спекуляціяхъ, но въ общемъ роль спекуляціи подчеркнута въ анкетныхъ отвѣтахъ гораздо скромнѣе, чѣмъ того слѣдовало бы ожидать. Останавливаясь на этомъ вопросѣ, докладъ анкеты путемъ анализа данныхъ свѣдѣній, пришелъ къ заключенію, что, повидимому, многія городскія управленія получили указанія изъ торговыхъ сферъ.

Тутъ, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ анкеты, мы наталкиваемся на основные дефекты нашего городского хозяйства. При разсмотрѣннн вопроса о таксахъ, о причинахъ ихъ неудовлетворительности—снова тѣ же указанія на доминирующую роль торговаго элемента въ составѣ городскихъ Думъ.

Во второй части доклада разсматривается мѣры борьбы съ дороговизной, примѣнявшіяся на практикѣ въ различныхъ городахъ.

Самою популярною изъ нихъ оказалась—такса. Въ 87% городовъ, приславшихъ отвѣты, была примѣнена эта мѣра. Вводилась такса и самими городами (огромное большинство), и администраціей. Но надежды, возлагавшіяся на эту мѣру, вскорѣ

смѣнились разочарованіемъ. Причинъ къ тому было много. Во первыхъ, въ установленіи таксировочныхъ нормъ видную роль играли торговцы, какъ главный составной элементъ городскихъ Думъ, а имъ пониженіе цѣнъ не на руку. Во вторыхъ, и самыя способы выработки нормъ отличались большей пестротой и не вмѣли подъ собой достаточныхъ данныхъ: не было свѣдѣній ни о состояніи рынка, ни о подвозѣ, ни о количествѣ запасовъ. Приходилось поэтому дѣйствовать въ темную, на своего рода глазомѣрь. Затѣмъ, таксы не оказались достаточно гибкими и не успѣвали мѣняться сообразно измѣненіямъ подлинныхъ цѣнъ. Тутъ выступаетъ на сцену и по истинѣ черепашня волокита нашихъ административныхъ учреждений. Чтобъ пройти чрезъ разныя фазы утвержденія требовалось порою до полутора мѣсяцевъ. О какой гибкости таксы можетъ быть рѣчь при такихъ условіяхъ? Нѣкоторые города именно въ стѣсненіи и видятъ причину неудовлетворительности таксы. Наконецъ, что особенно хромаетъ въ вопросѣ о таксѣ, такъ это контроль за ея осуществленіемъ. Что полицейскій контроль не достигаетъ цѣли, это очевидно всякому, кто хоть немного знакомъ съ нашей бытовой стороной. Недостаточенъ оказался и контроль со стороны городского самоуправления. И, наконецъ, единственный, дѣйствительный контроль—контроль потребителя,—въ силу отсутствія у населенія вѣры, что указанія его и жалобы приведутъ къ желанной цѣли, свелся къ нулю. Анкета даетъ богатый матеріалъ для обрисовки приѣмовъ, коими обходятъ торговцы стѣснительныя для нихъ таксы: тутъ и обмѣръ, и обвѣсъ, и отказъ продавать по таксѣ, и просто отказъ отъ продажи.

Несмотря на всѣ указанные дефекты, рядъ городовъ высказывается все же за таксы, ибо онѣ удерживали цѣны отъ головокружительныхъ подъемовъ и служили хоть нѣкоторой уздой для беззастѣнчивыхъ игроковъ на повышеніе.

Однако большинство городовъ совершенно разочаровалось въ таксѣ, какъ средствѣ борьбы съ дороговизной, а нѣкоторые находятъ ее прямо вредной. Введенныя для пониженія цѣнъ таксы приводили подъ-часъ къ совершенно обратному результату. Товары отливали въ другія мѣста, гдѣ болѣе выгодными оказывались условія продажи; въ итогѣ, вмѣсто пониженія цѣнъ, ея повышеніе. 13% городовъ совершенно отказались отъ примѣненія таксы.

„Однако нужно поглядѣть глубже и увидать причину неуспѣха таксъ не только въ приведенномъ. Очень значительную, возможно—рѣшающую роль играетъ тутъ то, что въ таксахъ, не только на пространствѣ всей Россіи, но даже и на пространствѣ одной губерніи, нѣтъ никакой согласованности. По всему этому большинство городовъ не отвертывается совсѣмъ отъ таксъ, считаетъ и ихъ пригодными въ борьбѣ съ дороговизной, но для этого должны быть

внесены значительныя измѣненія въ дѣло ихъ изданія. Города намѣчаютъ такія измѣненія. Они говорятъ о расширеніи круга таксируемыхъ предметовъ, объ отмѣнѣ формальностей, связанныхъ съ утвержденіемъ, о привлеченіи къ участию въ выработкѣ таксъ представителей различныхъ слоевъ населенія и мѣстныхъ общественныхъ и культурно-экономическихъ организацій. Далѣе слѣдуютъ распространенія таксировки и на мѣста производства, гдѣ закупаются для города продукты, изданіе губернскихъ и областныхъ таксъ, при которыхъ отпадаетъ конкуренція мѣстныхъ таксъ. И все зданіе вѣнчается таксированіемъ общеимперскимъ. Когда будутъ устранены дефекты, когда таксы сдѣлаются единымъ, согласно дѣйствующимъ на пространствѣ имперіи аппаратомъ, онѣ смогутъ занять подобающее мѣсто въ системѣ мѣропріятій городовъ по борьбѣ съ дороговизной,—таково послѣднее заключеніе доклада въ этой его части“.

Другой мѣрой борьбы съ дороговизной являются закупки. Къ этого рода операціямъ приступило всего лишь 59 городовъ (изъ числа 210 приславшихъ свои отвѣты), а 73 города предполагали начать ихъ. И тутъ опять така работа шла въ темную, разобщенно, и крупныхъ результатовъ принести не могла. Завѣдываніе операціями возлагалось то на городскую управу, то на продовольственные ея комитеты, то на торговыя комиссіи. Въ большинствѣ случаевъ закупами хлѣбные продукты, и только, какъ исключеніе, распространяли операціи свои на всѣ продукты первой необходимости. Въ нѣкоторыхъ городахъ закупленный товаръ передавали торговцамъ съ обязательствомъ держаться установленной цѣны.

Обычно же городъ самъ продавалъ изъ своихъ складовъ и лавокъ. И только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ закупки, такъ и распределеніе товаровъ между потребителями производились при посредствѣ мѣстныхъ кооперативовъ. Въ этомъ докладѣ, совершенно справедливо, усматриваютъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ недостатковъ городскихъ закупокъ.

Большимъ тормазомъ въ дѣлѣ закупки товаровъ является для городовъ недостаточность собственныхъ средствъ и отсутствіе кредита. Сами по себѣ закупочныя операціи въ 14-ти городахъ, осуществившихъ ихъ, оказались безубыточны, а въ 2-хъ дали даже нѣкоторую прибыль. Въ смыслѣ же достиженія основной цѣли, результатъ, повидимому, (матеріалъ пока слишкомъ скуденъ для болѣе опредѣленнаго заключенія) получился благоприятный: рыночныя цѣны либо падали, либо останавливались въ ростѣ. Для правильной, широкой постановки дѣла городамъ необходимо выработать систему финансовыхъ мѣропріятій и источниковъ кредита. Какъ на такіе источники указывается на Государственный банкъ, на расширеніе кредита въ кассѣ земскаго и городского кредита и въ городскихъ общественныхъ банкахъ,

наконецъ, на урегулированіе права городовъ обзыватья вклядами.

Общій выводъ изъ данныхъ анкеты напрашивается самъ собою:

Объединеніе городовъ и привлеченіе къ дѣлу широкихъ массъ потребителей, организованныхъ въ кооперативы.

Опираясь на приведенный матерьялъ, члены совѣщанія, раздѣлившись по секціямъ хозяйственной и административной, подвергли обстоятельному обсужденію выдвигаемые анкетой вопросы. Въ заключительномъ собраніи вынесены были слѣдующія резолюціи: *)

О созданіи центрального продовольственнаго органа.

Совѣщаніе признало, что правительственные мѣропріятія минувшаго года въ хозяйственной области безсистемныя и не опирающіяся на общественныя силы страны, не только не способствовали уменьшенію явленій дороговизны, но напротивъ, обостряли ихъ. Для борьбы съ дороговизной признано необходимымъ учрежденіе особаго органа, опирающагося на представителей общественныхъ учреждений, органовъ самоуправления, на кооперативныя организаціи, профессиональныя союзы и т. п. Во главѣ этого органа должно стоять лицо, пользующееся общественнымъ довѣріемъ и входящее въ составъ совѣта министровъ. Всѣ вопросы снабженія населенія продовольствіемъ, должны быть сосредоточены въ особомъ главномъ управленіи.

О реформѣ мѣстнаго самоуправленія.

Признана необходимой въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной активная дѣятельность городскихъ управленій съ привлеченіемъ къ работѣ не только лицъ, имѣющихъ избирательный цензъ, но и другихъ желательныхъ лицъ. Признано желательнымъ участіе въ этой работѣ мѣстныхъ комитетовъ общегородскаго союза, профессиональныхъ, кооперативныхъ и другихъ организацій. До измѣненія Городоваго Положенія городскимъ управленіямъ должно быть предоставлено право привлеченія въ продовольственныя организаціи лицъ, не пользующихся избирательными правами. Совѣщаніе признало также необходимымъ расширеніе права городскихъ самоуправленій по изданію обязательныхъ постановленій, расширеніе предметовъ таксировки, для осуществленія которой признано желательнымъ объединеніе городовъ въ губернскіе и областныя союзы.

Городскимъ управленіямъ должно быть предоставлено право участія въ порайонныхъ комитетахъ съ рѣшающимъ голосомъ. Подробно опредѣливъ затѣмъ функціи городского союза въ борьбѣ съ дороговизной,

совѣщаніе нашло, что органамъ общегородскаго союза должно быть предоставлено право участія въ центральныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ организаціяхъ и необходимыя средства.

Совѣщаніе признало неотложнымъ дѣло введенія земскихъ учреждений въ областяхъ, гдѣ этихъ учреждений нѣтъ, находя, что откладывать введеніе этихъ учреждений до конца войны невозможно, такъ какъ оно будетъ съ своей стороны содѣйствовать необходимой мобилизаціи общественныхъ силъ страны для помощи арміи. Рѣшено это постановленіе довести до свѣдѣнія правительства и просить депутатовъ Государственной Думы принять мѣры къ немедленному проведенію въ Думѣ соответствующаго законопроекта.

О таксахъ.

По вопросу о таксахъ приняты резолюціи въ томъ смыслѣ, что въ прошломъ, таксы, составляемыя большей частью на основаніи показаній торговцевъ, санкціонировали повышенныя цѣны. При существующихъ у насъ условіяхъ онѣ по большей части неспособны остановить ростъ цѣнъ, но паденіе ихъ задерживаютъ. Въ виду возможности при современныхъ условіяхъ разнообразныхъ способовъ обхода, нѣтъ гарантій выполненія таксъ. Областная и всероссійская таксировки при современной постановкѣ таксирующихъ органовъ, мыслимы лишь при регулированіи производства и торговли и непрерывномъ учетѣ запасовъ товаровъ, невозможны. Такса въ будущемъ должна являться только частью цѣлостной системы мѣръ, направленныхъ къ регулированію производства, обмѣна и транспорта, при правильной регистраціи всѣхъ элементовъ товарообмѣна, возможной только при реорганизаціи учреждений, вѣдающихъ продовольственнымъ дѣломъ, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Исполнительными органами, таксирующими на мѣстахъ, должны быть особыя комиссіи, составленныя изъ представителей мѣстнаго самоуправления, кооперативовъ, потребительныхъ, профессиональныхъ и иныхъ общественныхъ организацій, безъ послѣдующаго утвержденія, но съ правомъ отмѣны центральнымъ продовольственнымъ органомъ.

О запрещеніи вывоза.

По вопросу о запрещеніяхъ вывоза принята резолюція, признающая, что запрещеніе вывоза хлѣбовъ изъ хлѣбородныхъ губерній и областей, является мѣрой крайне вредной, взвинчивающей въ потребительныхъ центрахъ цѣны до высоты голодныхъ. Столь же вредны и закрѣпленія вывоза съ мѣстъ потребленія. Если тотъ или другой продуктъ вывозится изъ даннаго города, то это показываетъ, что въ другомъ мѣстѣ потребность въ немъ еще болѣе остра, чѣмъ въ этомъ городѣ. Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія удовлетворенію подлежатъ прежде всего самыя острыя потребности, и лишь съ узко-мѣстной точки зрѣнія можно стремиться къ обезпе-

*) Заимствуемъ текстъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» № 161.

ченію потребностей роднаго города въ ущербъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ такіе критическіе моменты, какъ переживаемый нами, общественная организація всего производства является единственнымъ правильнымъ выходомъ.

О реализаціи урожая.

Признавая неотложнымъ вопросъ о реализаціи урожая, совѣщаніе поручило главному комитету союза немедленно разработать вопросы о продовольствіи арміи и населенія, объ урегулированіи вѣшной торговли хлѣбомъ, объ организаціи центрального продовольственного учрежденія, съ привлеченіемъ общественныхъ организацій и др.

О борьбѣ со спекуляціей.

Совѣщаніе вынесло постановленіе о необходимости принятія энергичныхъ мѣръ борьбы съ злоупотребленіями и спекуляціей въ дѣятельности банковъ, до реквизиціи включительно. Принять далѣе рядъ тезисовъ по докладамъ: В. Н. Зельгейма „Роль кооперативовъ въ борьбѣ съ дороговизной“ и „Объединеніе дѣятельности городскихъ управленій и кооперативовъ“, по докладу П. П. Гензеля „Финансированіе закупочной операціи городовъ“. Тезисы по докладамъ о топливѣ и многимъ другимъ переданы въ главный комитетъ союза для дальнѣйшей разработки.

Другія резолюціи.

Кромѣ того приняты резолюціи по вопросу объ учетѣ производства, обмѣна и транспорта продуктовъ массоваго потребленія, по вопросу о транспортѣ, о снабженіи арміи. Послѣдняя резолюція признаетъ, что для полнаго согласованія и объединенія дѣятельности общественныхъ и промышленныхъ учрежденій въ дѣлѣ снабженія арміи и для непосредственнаго руководства всей технической и хозяйственной стороной въ этихъ организаціяхъ, необходимо незамедлительное объединеніе центральныхъ организацій земскаго и городского союзовъ и военно-промышленнаго комитета въ одинъ общій руководящій центральный комитетъ, находящійся въ Москвѣ. Для исполненія

тѣхъ же функцій на мѣстахъ необходимо созданіе областныхъ комитетовъ съ участіемъ въ нихъ представителей земствъ, городовъ, промышленности, научно-техническихъ силъ, кооперативовъ и профессиональныхъ организацій, причѣмъ дѣятельность этихъ комитетовъ должна вестись подъ руководствомъ центрального комитета.

Затѣмъ была оглашена Н. М. Кишкинымъ резолюція по общимъ вопросамъ.

Принятая совѣщаніемъ резолюція по общимъ вопросамъ не была пропущена въ печать. Приводимъ отрывокъ ея, оставленный цензурою на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“:

Резолюція по общимъ вопросамъ.

Для успѣха борьбы необходимо единеніе всѣхъ силъ страны и быстрое приспособленіе всей жизни страны къ состоянію войны.

Въ минуты опасности актъ примиренія и забвенія старой политической борьбы должно поднять духъ населенія.

При томъ единодушномъ стремленіи всѣхъ слоевъ населенія напредъ силы свои для одолженія врага, которое проявляется на каждомъ шагѣ, бояться опасности неумѣстно. Сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо освѣтить всѣ стороны нашей внутренней жизни, дабы устранить изъ нея дефекты и силою общаго воодушевленія воздѣйствовать на тѣхъ, кто не въ состояніи оказалъ интересы личные, групповые или классовые подчинить велѣнію переживаемаго момента.

Урѣзки цензуры заставляютъ думать, что изъята нѣчто ужасное, тогда какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло только съ критикой, хотя бы и строгой, но преслѣдующей высоко патриотическую цѣль: возвеличеніе родины и обезпеченіе ей возможности съ честью и славою выйти изъ тяжелаго испытанія.

Въ совѣщаніи принимали участіе наиболѣе энергичные городскіе и общественные дѣятели, представители городской Россіи, представители того тыла, который всѣми силами стремится способствовать арміи въ ея доблестной борьбѣ.

Черняевъ.

На зарубежныя темы.

I.

Шовинистическая позиція, занятая германской соціально-демократіей и ея трогательный „Rugfriede“ со всѣми имперіалистическими партіями, съ самаго начала войны—заставили общественную мысль нейтральныхъ и коалиціонныхъ странъ разсматривать партію Либкнехта и Бебеля, какъ политическую группу, принявшую на себя обязательство поддерживать всѣ нѣмецкія поползновенія на міровое владычество и оправдывать

творимое во имя приближенія поры этого господства.

Къ стыду недавней руководительницы международнаго социализма, линія ея поведенія именно и вела къ всемирной поддержкѣ военныхъ и дипломатическихъ выступленій Германіи съ момента объявленія послѣдней войны Россіи и Франціи. Германской соціально-демократіей была признана лживая версія „оборонительной“ войны,

хотя за двѣ недѣли до этого „Vorwärts“ признавалъ австрійскій ультиматумъ Сербіи „провокаціей“, были вотированы кредиты на войну и нѣмецкіе социалисты съ легкимъ сердцемъ примирились съ „тяжелой необходимостью“ нарушенія нейтралитета Бельгіи и Люксембурга.

Главная карта патріотической игры с.-демократовъ—участіе въ „оборонительной“, „навязанной“ войнѣ—была скоро бита, ибо упоенная своими первыми успѣхами, сначала во Франціи, а затѣмъ въ Восточной Пруссіи,—германская печать и общественное мнѣніе сразу же заговорили объ анексіяхъ, „исправленіяхъ границъ“ и „благоприятномъ географическомъ положеніи страны“.

Анексіонный ажіотажъ и лихорадка неприкрытыхъ аппетитовъ постепенно охлаждали патріотическій пылъ социалистовъ и наиболѣе свѣжія головы, какъ, напримѣръ, Либкнехтъ еще въ концѣ прошлаго года подняли голоса противъ увлеченія завоевательными планами. Недавняя рѣчь баварскаго короля Людвигъ о „нѣмецкомъ устьѣ Рейна“ была поводомъ къ яркимъ пацифистскимъ выступленіямъ соц.-демократовъ.

Хронологически, они развивались такъ: 6 іюля въ газетѣ „Leipziger Volkszeitung“ было напечатано воззваніе за подписью предсѣдателя центрального комитета соц.-дем. партіи Гаазе, Эдуарда Бернштейна и Карла Каутскаго, призывавшее къ отказу отъ тактики поддержки правительства, ибо „обнаружились завоевательныя планы вліятельныхъ круговъ“. 9-го іюня въ „Vorwärts“ десять членовъ комитета партіи и бюро фракціи рейхстага протестовали противъ такого акта, а 13-го іюня центральный комитетъ партіи выступилъ въ томъ же „Vorwärts“ съ воззваніемъ „Соціалъ-демократія и миръ“, гдѣ германскому правительству предлагалось немедленно начать переговоры о мирѣ, отбросивъ всякую мысль о завоеваніяхъ и анексіяхъ.

Вѣглый обзоръ событий не позволяетъ раздвинуть рамки обсуждаемаго вопроса, но тѣмъ не менѣе нельзя пройти мимо этого символа новыхъ устремленій германской общественной мысли. Конечно, оставимъ вздорные толки о „продажности“ германской соц.-дем., ибо упреки въ торговлѣ собою щедро разбрасываются лишь тѣми, кто въ ней самъ изрядно искушенъ, а позицію германскихъ социалистовъ, занятую ими въ началѣ войны—можно объяснить лишь тѣмъ, что партія не предолѣла событий, а стихійно была вовлечена въ ихъ круговоротъ, ибо слабы оказались психологическіе устои, на которыхъ возводилось зданіе классової борьбы и національнаго безразличія „пролетаріевъ всѣхъ странъ“. Национальное не умерло, а крѣпко впаялось въ сердцевину современнаго сознанія, сдѣлавшись атрибутомъ его развитія. Германцы еще не изжили въ себѣ грубаго эгоизма расы, почувствовавшей себя на мгновенье сильнѣе другихъ, не преодолѣли въ себѣ горделиваго и узкаго шовинизма, свойственнаго народамъ, быстро шагнущимъ впередъ. Соц.-демократы въ первый мгновенья захлебнулись въ бурливомъ океанѣ разгулявшихся страстей, опрокинувшихъ рационалистическую постройку классової солидарности и поплыли въ общемъ потоцѣ, стараясь не отставать отъ большинства.

Удары исторіи всегда оглушительны, но здорovia головы ихъ выдерживаютъ, дабы серьезнѣе осмотрѣться въ происшедшемъ. Такое „огля-

дыванье“ въ Германіи началось съ социалистовъ, и страшная тяжесть борьбы со всей Европой во имя торжества грубой и неприкрытой силы—заставляетъ самихъ германцевъ во время остановиться передъ началомъ конца, грознаго и неизбежнаго, ибо никакому народу и не одному генію не проходила даромъ попытка надругательства надъ едиными и извѣчными цѣнностями цивилизаціи—правомъ и свободой.

II.

Попытки германцевъ „протянуть свой фронтъ на сѣверъ“ не прекращаются. Охваченная съ запада, юга и востока Австро-Германія дѣлаетъ конвульсивныя усилія. По линіи наименьшаго сопротивленія—на сѣверъ, пытаясь изъ скандинавскихъ государствъ создать себѣ крайній лѣвый флангъ“. Глухіе толки о „шведской опасности“, нараставшіе тревожной волной еще въ началѣ іюня, разразились цѣлымъ каскадомъ конфликтовъ и трений между Стокгольмомъ съ одной стороны и Лондономъ и Петроградомъ съ другой. Шведы рѣзко запротестовали по поводу задержекъ въ Англіи шведской корреспонденціи, воспретили транзитъ черезъ страну многихъ товаровъ, идущихъ въ Россію и, наконецъ, потребовали объясненій по поводу морскаго сраженія въ Шведскихъ водахъ, въ которомъ русскими судами былъ выведенъ изъ строя германскій крейсеръ „Альбатросъ“.

Если допустить, что мѣры шведовъ были дѣйствительно продиктованы желаніемъ не запятнать чистоту своего нейтралитета, то откуда такая нервность, охватившая печать многихъ странъ?.. Неужели защита права быть нейтральнымъ есть уже актъ, таящій въ себѣ какую то заднюю мысль?.. По этому поводу предоставимъ слово самимъ шведамъ. Такъ Стокгольмская Газета „Dagens Nyheter“ пишетъ.—„Партія относится неодинаково безпристрастно ко всѣмъ событіямъ. При нарушеніи правъ Швеціи со стороны Россіи или Англіи, Швеція, какъ одинъ человекъ, стоитъ за требованіе удовлетворенія или измѣненія положенія, если же нарушеніе послѣдуетъ со стороны Германіи, сразу же появляется разногласіе. Наигромче кричащая и самая активная группа смягчаетъ тонъ по отношенію къ Германіи“.

Это заявленіе проливаетъ яркій свѣтъ на сопутствующую нейтралитетскія выступленія Швеціи—борьбу вліяній среди шведскаго общества. Въ послѣднемъ замѣтной струей обозначилось германофильское теченіе, представляемое дворянствомъ и военной партіей. Отсюда уже идутъ отвѣтвенія въ печать, созданную „Свенъ Гединами“ и представляющую рупоръ берлинскихъ оракуловъ. Теперь „шведскіе дни“ дѣло прошлаго, хотя и недавняго, но они еще разъ рѣзко подчеркнули безпочвенность страховъ за нейтралитетъ Швеціи, ибо вся страна въ массѣ и отвѣтственные факторы государства стоятъ въ сторонѣ отъ всякихъ „авантюровъ на буксиръ Германіи“, дѣйствительно охраняя нейтралитетъ страны и лишь небольшая клика фанатиковъ „Великой Швеціи“ и кучка германофиловъ „по расчету“—всякое выступленіе шведскаго правительства, сопровождають шумомъ призыва къ единенію съ „непобѣдимымъ“ южнымъ сосѣдомъ.

III.

Балканское море попрежнему штилюетъ и лишь изрѣдко поверхность его затягивается

рябью, отражающей кипѣніе подводныхъ теченій. Годъ войны мало внесъ измѣненій во внѣшнее поведение балканскихъ нейтралитетовъ, но подъ однообразной поверхностью сложились опредѣленные построения, намѣтились линіи поведения и завязываются узлы будущихъ связей.

Прежде всего положеніе на Балканахъ въ Германіи признано „угрожающимъ“ и туда посланъ кн. Гогенлоэ со спеціальной миссіей создать затрудненія выступленію Румыніи и Болгаріи на сторонѣ четвертнаго согласія.

Такая экстрор-ординарная мѣра со стороны берлинской дипломатіи продиктована прежде всего тѣмъ, что въ настоящее время вопросъ о компенсаціяхъ Румыніи со стороны Австріи—устраненъ, ибо выяснилось, что румынамъ, мечтающимъ о присоединеніи Трансильваніи и Ванаата предложена русская Бессарабія, уступки въ Буковинѣ и національная автономія румынъ въ Трансильваніи.

Соотношенія максимума и минимума уступокъ и требованія сильно напоминаютъ австро-итальянскіе переговоры. Далѣе идетъ Болгарія, требованія которой о присоединеніи Македоніи прин-

ципально признаны четвертнымъ согласіемъ пріемлемыми и переговоры свелись къ выясненію гарантій въ полученіи Болгаріей того, что ей обѣщаютъ.

Гораздо сложнѣе положеніе Греціи, 21-го іюля соберется парламентъ и передастъ власть въ руки Венозелоса. Балканскому Бисмарку, дабы спасти положеніе, остается сейчасъ-же примкнуть къ союзникамъ, ибо всякое дальнѣйшее промедленіе „смерти подобно“. Съ другой стороны полнѣйшая неурегулированность вопроса объ уступкахъ Болгаріи держитъ моментъ греческаго выступленія висящимъ въ воздухѣ.

Но не слѣдуетъ думать, что завязавшіеся узлы приведутъ въ движеніе всю сѣть. Въ атмосферѣ взаимнаго недоверія и близорукой себялюбивой политики, густымъ туманомъ всегда висѣвшей надъ Балканами, не загорятся сразу факелы рѣшимости, и долго будутъ обманчиво мигать—болотные огоньки. Къ неизбѣжному идутъ на Балканахъ не широкой дорогой, а сторонними тропинками, оглядываясь на спутниковъ и готовясь къ неожиданному удару въ спину.

П. Черкасскій.

Живая струя.

Мірѣ человѣческой вышелъ, наконецъ, изъ состоянія того душевнаго покоя, въ которомъ пребывалъ уже не одно десятилѣтіе (въ томъ числѣ и десять лѣтъ Россіи). Уже казалось, что онѣмѣніе незыблемо установилось у нашихъ учителей и столь же непреложно установится у насъ, начавшись такъ побѣдоносно, такъ угрожающе и зловѣще. Какъ вдругъ новый ходъ исторіи, быть можетъ, и предвидѣнный, но не предчувствованный, спуталъ житейскую игру, и столь быстро и внезапно. И одна странная, неуясненная и, быть можетъ, неуяснимая черта, намѣчается въ этой войнѣ, какой еще не видывалъ міръ. Такой черты не бывало въ прежнихъ войнахъ, вплоть до самой Балканской 1913 года, и что значитъ она въ общемъ, грандіозномъ ходѣ міровой эволюціи, нѣтъ силъ уяснить себѣ, по крайней мѣрѣ, теперь. Правительства всѣхъ державъ, и нейтральныхъ, и воюющихъ, всѣ объясняютъ свои позиціи и отстаиваютъ ихъ то достоинствомъ націи и государства, то жизненными, матеріальными интересами ихъ странъ, то давленіемъ и союзными договорами съ иными землями. А между тѣмъ кардинальнымъ вопросомъ этой неслыханной войны, ея болѣзненнѣйшимъ нервомъ является сосредоточіе братскихъ національностей вокругъ ихъ основного, материнскаго ядра. Такъ большая Італія тяготеетъ къ своему маленькому Триенту и Валлонѣ, такъ Франція дорогъ весь Эльзасъ и вся Лотарингія, такъ Данія безмолвно жаждетъ Шлезвигъ-Гольштейна, и сама Россія провозгласила съ своихъ высотъ единеніе со всѣмъ славянскимъ народомъ, гдѣ бы онъ ни находился, и приняла ударъ за обижаемаго меньшого брата. Единеніе съ родственными національностями, введеніе государствъ въ этногра-

фическія ихъ границы—вотъ что владѣетъ, собственно, умами или, вѣрнѣе, чувствами народовъ нашего времени, исключая развѣ одной воинствующей державы—Германіи, самой „культурной“, а потому, кажется, и самой дикарской страны. Но что, въ сущности, значитъ это страстное стремленіе къ своему, объединеніе націй и ихъ какъ бы обособленіе? Значитъ ли это, что уже прошло исполнское дѣленіе общаго человѣческаго ядра на расы и настало или наступаетъ такое же точное дѣленіе человѣчества на національности? И если такъ, означаетъ ли оно, повлечетъ ли за собою и обратный процессъ, если не теперь, то когда либо, процессъ выдѣленія чуждыхъ національностей изъ общаго комплекса, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ связанъ комплексъ этотъ не родственно, не органически, а внѣшне, машинно, какъ, напр., въ Австріи?

Но какъ бы то ни было, мы одно видимъ ощущимо, что начинается нѣчто огромное, еще подпочвенное, но волшебное, такое, какого не было не только въ наше время, но и въ иныя времена, выдавшія всякіе виды. Какъ уже говорили мы въ предыдущей статьѣ („Новый Журналъ для всѣхъ“, мартъ, 1915 г.), не намъ предугадать, что за величавый смыслъ скрывается за стратегическими передвиженіями всѣхъ этихъ дивизій, корпусовъ и эшелоновъ; пока мы еще только въ состояніи учитывать измѣненіе экономической основы, пересмотръ таможенъ и торговыхъ договоровъ. А между тѣмъ въ захватывающемъ бѣгѣ событій, проходящихъ передъ нашими глазами съ исполнкой, космической быстротой, уже намѣчается тайно одинъ могущественный факторъ, передъ которымъ останавливается съ невольнымъ счастливымъ молчаніемъ

и глубокимъ волненіемъ. И этотъ могучій факторъ—собираніе національностей, распыленныхъ по лицу земли.

Никогда еще искусство, и наше, и европейское, не попадало въ такое плачевное и фальшивое положеніе, какъ въ наши дни. И, уже верхъ безнадежности, это понятіе о положеніи искусства стало триумфомъ, неприятной и досадной назойливостью, съ которой надоѣдаетъ вамъ гимназистъ третьяго класса. Казалось бы, уже некуда идти дальше, что уже все нивелировано, все служить развлеченію, фабулѣ, грубо размалеванному экрану—все и по всему міру. Догорѣло творчество психологическое—некому воспринимать его. Остыли и замерзли страстные споры вокругъ школъ и направленій—не зачѣмъ спорить, ибо искусство красота, а красотой пресытились, да и плоховато развлекаетъ она—въ ней есть и грусть, и боль (футуризмъ же вѣдь не школа). Истощается само народное творчество, переходя на скучное однообразіе частушекъ, суживая эпосъ, образъ и захватъ чувствъ, довольствуясь одними „тальянками“, ковровыми платками и гостинцами. Но кто же не чувствуетъ и не знаетъ всего этого? Уже начинало казаться временами, что мы вступаемъ въ ту холодную фазу развитія, какую за много вѣковъ до насъ пережили, состарѣвшись, всѣ древнія цивилизаціи (не мы первые, не мы послѣдніе!), когда виртуозность формы и образа дошла до величайшаго предѣла, когда можно стало безъ ущерба для фонетики, а даже къ

вящему торжеству ея, писать стихи и крестомъ, и кувшинчикомъ, и вдоль, и поперекъ, и все было холодно, пусто, мертво, и все напоминало уже бывшее тысячи разъ! (Аврелій и упадокъ Имперіи).

Искусство живо только націей и національностью, и духовныя стѣны, отдѣляющія народы, есть Богъ и душа его. Тамъ, гдѣ національности переходятъ въ интернациональсти, въ странѣ, гдѣ нельзя отличить англичанина отъ француза и итальянца отъ самоѣда, нѣтъ и не можетъ быть истиннаго, дѣйствительнаго искусства. Его некому творить, и его некому воспринимать. Ибо бываетъ такъ только тамъ, гдѣ одинъ городъ и одна промышленность, то есть гдѣ только калейдоскопъ разрозненныхъ фактовъ, однихъ фактовъ, безъ твердой опоры, безъ быта, безъ семьи *).

И изумительно и странно присутствовать намъ теперь, живымъ современникамъ, при новомъ возвращеніи живыхъ истоковъ всего живого, всѣхъ началъ и исканій. Невольно боишься вѣрить самому себѣ, а, наученный скепсисомъ, полагаешь, что и тутъ лишь одинъ изъ историческихъ обмановъ, которыхъ прошла даже на нашихъ живняхъ такая ужасающая масса, и что не свершится ожидаемое.

Но начало все же есть. И что нибудь значить же оно.

Н. Киселевъ.

Въ нашей литературѣ появился въ недавнее время романъ Ю. Слезкина „Ольга Оргъ“, въ которомъ со значительной рельефностью проведена эта выразительная мысль о несвязности городскихъ фактовъ и о гибели семьи и быта. Это кстати замѣтить.

Леандръ.

Все часы да часы, что за идиотство, Фрицъ! въ 1870 г. твой отецъ натащилъ ихъ полонъ домъ.

Гигантскіе электро-магниты и ихъ современная роль.

С. Бруна.

Теорія и практика магнетизма вступили за послѣдніе годы въ новую фазу. Наряду съ чрезвычайно важными научными открытіями въ этой области, были созданы небывалыхъ до сихъ поръ размѣровъ электромагниты, которые въ свою очередь открыли физикѣ новые широкіе горизонты. Теперь же эти приборы стали примѣняться въ военной хирургіи и этимъ самымъ вопросъ получилъ злободневный характеръ.

Всѣ знаютъ, что магнитомъ называется металлъ, обладающій способностью притягивать на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи куски желѣза, никкеля и проч. и поддерживать ихъ такъ, какъ будто они къ нему приклеились. Извѣстно также, что магниты дѣлятся на естественные, то есть на такіе, которые находятся въ такомъ видѣ въ природѣ, и искусственные. Первые обыкновенно обладаютъ слабой притягательной силой, вторые же, состоящіе изъ металлическаго блока, обмотаннаго проволокой, черезъ которую пропускается электрическій токъ, способны подымать и тяжелые грузы. Что собою представляетъ магнитъ, чѣмъ объяснить его притягательную силу—до сихъ поръ точно не установлено, хотя по этому поводу существуетъ много интересныхъ гипотезъ—Ампера, Вебера, Кюри и др. Изученіе магнита представляло много трудностей потому, что, не говоря уже о другихъ условіяхъ, молекулы магнита подвергнуты тепловымъ вращеніямъ, и вслѣдствіе этого каждой температурѣ соответствуетъ другое его свойство. Такимъ образомъ, наиболѣе логично было бы изучать магнитъ при абсолютномъ нулѣ, когда онъ проявляетъ только свои внутреннія свойства, а не приобретаемая отъ вліянія температуры. Объ этомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые подумалъ цюрихскій физикъ Вейсъ, который вмѣстѣ съ извѣстнымъ голландскимъ ученымъ Камерлингъ-Оннесъ произвелъ въ лабораторіи послѣдняго серію опытовъ. Обладая самыми могущественными холодильными машинами, которыя только существуютъ въ мірѣ, эти ученые могли держать испытуемые металлы въ температурѣ жидкаго водорода, т. е. при -253° , и сравнивая полученные результаты, они и открыли недавно новую „магнетонную“ теорію.

Невозможно, къ сожалѣнію, въ научно-популярной статьѣ изложить всѣ опыты, приведшіе къ открытію того, что они назвали магнетономъ, но чтобы имѣть представленіе о немъ, мы позволимъ себѣ привести примѣръ—задачу, съ разрѣшеніемъ которой будетъ понятно дальнѣйшее. Положимъ, что читателю даны три закрытыхъ со всѣхъ сторонъ коробки, внутри которыхъ содержатся одинаковой величины драгоцѣнные камни, и требуется узнать, сколько камней находится въ каждой изъ этихъ коробокъ. Такъ какъ открыть коробокъ нельзя, то единственное, что

остается сдѣлать, это ихъ взвѣсить. Положимъ, что одна коробка (не считая вѣса самой коробки) вѣсила 14 граммовъ, другая—21 гр., а третья—35. Всѣ эти цифры дѣлятся на 7, и поэтому можно съ увѣренностью сказать, что въ первой коробкѣ имѣется 2 камня, во второй 3 и въ третьей 5. Это понятно. Точно такъ же Вейсъ, изучая магнитныя величины различныхъ металловъ, нашелъ, что таковыя для желѣза, никкеля, кобальта и т. д. выражаются соответственно цифрами: 12.353, 3.369 и 10.107. Къ изумленію своему Вейсъ констатировалъ, что всѣ они дѣлятся на одно и то же число 1.123; причемъ частныя будутъ 11, 3 и 9. Вотъ это то „нѣчто“, которое характеризуется цифрою 1.123 и которое въ атомѣ желѣза содержится 11 разъ, въ атомѣ никкеля 3 раза и въ атомѣ кобальта 9 разъ, и было названо имъ магнетономъ *). Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что магнетонъ, или магнитный атомъ, есть свойство цѣлаго ряда химическихъ элементовъ, а Вейсъ высказалъ даже гипотезу, что магнетонъ есть свойство матеріи вообще. Послѣ электрона, символизирующаго новыя идеи о структурѣ электричества, нахожденіе магнетона, обозначающее аналогичную эволюцію въ нашей концепціи о магнитныхъ явленіяхъ, произвело ясно, въ физикѣ, цѣлую революцію. Недѣлимая часть матеріи—атомъ оказался, такимъ образомъ, цѣлымъ міромъ, управляемымъ сложными законами. Рутерфордъ сравниваетъ атомъ въ современномъ освѣщеніи науки съ солнечной системой: внутри атома находится ядро—отрицательный электронъ, вокругъ котораго расположены электроны другого порядка и магнетоны—совсѣмъ, какъ солнце, окруженное планетами!

Курьезно отмѣтить, что здѣсь, какъ это, впрочемъ, часто бываетъ, научныя открытія, какими бы абстрактными они ни казались, могутъ выкристаллизоваться въ практическія формы. Исходя изъ того соображенія, что по даннымъ изслѣдованія атомъ сплава желѣзо-кобальта содержитъ 12 магнетоновъ, Вейсъ пришелъ къ заключенію, что электромагнитъ изъ такого сплава долженъ обладать болѣею притягательной силой, чѣмъ таковой изъ желѣза. Въ Парижѣ былъ построенъ такой магнитъ, и это подтвердило его теорію. Но тутъ еще нужно было избѣжать обстоятельства другого порядка. Чтобы получить интенсивное магнитное поле, необходимо чтобы токъ, посылаемый въ проволоку, обматывающую металлъ, не нагревался слишкомъ этой проволоки. Тотъ же Вейсъ и тутъ придумалъ интересный способъ, а именно: направить токъ не по проволокѣ, а по узкой трубкѣ, внутри которой быстро

*) Исслѣд. физ. Лебедева. *Прим. Ред.*

проходить струя холодной воды. Гигантскій электромагнитъ, который хранится теперь въ музеѣ, имѣетъ въ вышину свыше полутора метровъ, вѣситъ 1.600 килограмм.; по трубкамъ посылается токъ въ 200 ампер.

За послѣдніе года два интересъ къ этому вопросу сильно возросъ, и многіе ученые и университеты стали строить громадныя электромагниты, которые въ настоящее время, какъ мы сказали выше, получили чрезвычайно интересное примѣненіе. Недавно во французской академіи наукъ былъ прочитанъ докладъ хирурга Роле, изъ котораго видно, что авторъ (состоящій теперь главнымъ врачомъ въ одномъ изъ французскихъ госпиталей) сталъ пользоваться построеннымъ имъ гигантскимъ электромагнитомъ для извлеченія изъ тѣла раненыхъ пуль и осколковъ. Французскія пули изъ мѣди, а также пули шрапнели, какъ французскія, такъ и нѣмецкія, изъ свинца не намагничиваются. Напротивъ, осколки снарядовъ изъ чугуна, а также нѣмецкія пули, покрытыя желѣзоникелевой оболочкой, сильно намагничиваются. Аппаратъ Роле, имѣющій вѣсъ въ 1.150 килограмм., утилизирующій токъ въ 25 амперъ при 110 вольтахъ, быстро извлекаетъ изъ тѣла нѣмецкую пулю, вѣсящую 10 граммовъ, на разстояніи 11 сантиметровъ. Осколки снарядовъ, вѣсящіе меньше, могутъ быть извлечены и на разстояніи 15 сантиметровъ отъ поверхности тѣла. Этимъ способомъ уже многіе французскіе солдаты были освобождены въ настоящую войну отъ поразившихъ ихъ пуль и осколковъ снарядовъ.

Но помимо этого, гигантскіе электромагниты имѣютъ и другое назначеніе. Не говоря уже о возможности изучать ихъ вліяніе на тѣ или иные физическія явленія, благодаря чему могли бы быть открыты многія тайны природы (чрезвычайно интересными и новыми являются опыты, произведенныя съ цѣлью показать вліяніе магнитнаго поля на животный міръ). Еще лордъ Кельвинъ обратилъ вниманіе на то, что по его мнѣнію, у животныхъ должно быть, развито магнитное чувство, и онъ былъ очень

удивленъ, когда его опыты не привели къ положительнымъ результатамъ; такое же разочарованіе испыталъ и Лебуа. Только Лебуа, подвергнувъ въ теченіи долгаго времени инфузорій дѣйствию сильнаго магнита, замѣтилъ, что послѣ нѣкотораго времени рѣснички ихъ начинали моргать, а черезъ нѣсколько часовъ они умирали. Такіе опыты слѣдовало бы повторить въ болѣе широкомъ масштабѣ и, безъ сомнѣнія, они должны были бы привести къ интереснымъ открытіямъ.

Замѣтимъ, что электромагниты, о которыхъ мы говорили, далеко не представляютъ еще собою тѣхъ гигантовъ, о которыхъ мечтаютъ теперь многіе физики и которые уже приготовили для этого соответственные проекты. Недостатокъ средствъ не даетъ, къ сожалѣнію, возможности реализовать эти идеи, такъ какъ одинъ такой электромагнитъ долженъ будетъ стоить около ста тысячъ рублей. Находятся миллиарды для истребленія людей, но для науки, которая могла бы внести въ жизнь столько новаго, открыть такія прекрасныя перспективы, не хватаетъ обыкновенно денегъ. Правда, нѣкоторые думаютъ, что для великихъ открытій и не требуется большихъ суммъ и что для этого достаточны лишь таланты. Но такіе люди жестоко ошибаются!

Около года тому назадъ одинъ военный посѣтилъ лабораторію знаменитаго французскаго физика Жана Беккереля, который, показывая ему электромагнитъ, жаловался на отсутствіе денегъ по устройству такового, болѣе гигантскихъ размѣровъ, равно какъ на все возрастающіе расходы по веденію лабораторіи.

— Однако — замѣтилъ посѣтитель, когда-то дѣлались прекрасныя открытія съ ничтожными средствами; ученые того времени обладали значить большей геніальностью, чѣмъ ученые нашихъ дней.

— Да, — возразилъ, Беккерель, — вы забываете, что когда-то Жанъ Бартъ одержалъ блестящую побѣду и съ деревянными судами!..

С. Брукъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

М. Кузминъ. Зеленый соловей. 5-ая книга рассказовъ. Изд. М. И. Семенова. ц. 1 р. 25 к.

Зеленый соловей это была такая дорогая игрушка, золотая китайская коробочка съ зеленою птицей. Ее подарили мальчику солдату въ лазаретѣ «квартирантовъ дома Умновыхъ» и раненный не уставалъ поворачивать ключикъ, и тогда открывалась коробочка и что-то внутри пѣло соловьемъ.

— Поиграетъ свои двѣ минуты, птичка уйдетъ, крышка захлопнется, вотъ и все.

Вся книга новыхъ рассказовъ Кузмина такая дорогая, зеленая, счастливая игрушка. Нѣкоторые рассказы такъ коротки, что, кажется, птичка правда поетъ двѣ минуты. И только кончится заводъ, хочется слушать еще, и новую пѣсенку поетъ зеленый соловей. Онъ поетъ все объ одномъ, онъ поетъ о любви, и маленькіе игрушечные рассказы только — маленькія картинки этой любви.

... Мальчикъ любилъ дѣвушку, и она выходя замужъ подарила своему маленькому любовнику золотую китайскую игрушку.

... Розовый студентъ Коля, съ тоненькимъ носикомъ, носилъ съ котка коньки Шарлоты Ивановны, и когда онъ спросилъ, почему не надо говорить про свою любовь къ ней:

— Потому что я люблю другого — отвѣтила Шарлота.

... Женя и Женичка безъ конца цѣловались за кустомъ и зеленый шаръ на клумбѣ отражалъ ихъ протянутыя губы,

... Трогательное тройственное согласіе любви заключили Миссъ Брайтонъ, Катерина Петровна и m-lle Клодина Пелье надъ фотографической карточкой ушедшаго на войну Володи.

Отдавая игрушку Алешѣ, героиня перваго рассказа проситъ: — сохраните эту коробочку.

— Право птичка совсѣмъ не такъ плохо поетъ!

Рекомендуя читателю книжку Кузмина, я говорю совсѣмъ искренне: посмотрите эту книжку, прочитайте „Зеленаго Соловья“.

Право птичка совсѣмъ не такъ плохо поетъ!

А. Тришатовъ.

Нагородская. Злые духи. Изд. М. И. Семенова ц. 1 р. 50 к.

„Свѣтъ падалъ на его слегка вьющиеся бѣлокуро-рыжеватые волосы, нѣжную слегка загорѣлую щеку и темныя длинныя рѣсницы опущенныхъ глазъ“.

Этотъ неизмѣнный „бѣлокуро-рыжеватый“ „мальчикъ“ сталъ точно авторской маркой плодovitой писательницы и она увѣренно оттискиваетъ его на одномъ, на другомъ, на третьемъ своемъ романѣ.

Точь въ точь античный божокъ—стоитъ онъ у бронзовой двери тайнъ романовъ Нагородской. А эти тайны очень интересны. Возьмите послѣдній романъ—Злые духи. Уже самое заглавіе вводитъ васъ въ область таинственнаго. Героини романа Дарья, Варвара, Таисія—всѣ онѣ одержимы злымъ духомъ или сами воплощаютъ собою злого духа. Четвертая героиня, Тамара, „странная фигура“, новая женщина, которая ходитъ въ полумужскомъ костюмѣ, размахиваетъ палкой и кричитъ какъ мужикъ, та откровенно сознается:

— Мною овладѣлъ чортъ, самый страшный тотъ дьяволъ... Знаете ли вы, Реминъ, дьявола среднихъ вѣковъ?

Самымъ яркимъ выразителемъ „оригинальной“ философіи настоящаго романа является конечно уже онъ, „мальчикъ“ съ марки, бѣлокуро-рыжеватый герой съ змѣящейся улыбкой. Боже, какъ страдаютъ отъ него героини. Онъ глазами раздѣваетъ себя передъ ними и потомъ безъ конца позволяетъ себя цѣловать. Одна прямо такъ и говоритъ ему въ глаза:—Вы какъ злой духъ мучаете людей.

„Злые духи—они часто овладѣваютъ нами. Они бываютъ разные, у одного одинъ, у другого другой и владѣютъ они нашими страстями, любовью, честолюбіемъ, деньгами, но наступаетъ минута просвѣтленія и вырываешься изъ ненавистныхъ чаръ“.

Г-жа Нагородская начала свой романъ съ самыми добрыми намѣреніями. Сколько находчивости, выдумки, остроумія проявила она въ борьбѣ со своимъ „злымъ духомъ“. Но чѣмъ дальше перевертываешь страницы, тѣмъ все больше убѣждаешься, что побѣда осталась не за авторомъ, что уже на половинѣ романа начинается безраздѣльное владѣніе злого духа пошлости и скуки.

А. Добрый.

„Петроградскіе вечера“ книга 4-ая. Изд. М. И. Семенова ц. 1 р. 50 к.

Въ Петроградскіе вечера зажигаются металлическія люстры въ окнахъ домовъ на набережной Энского канала, въ пріемной доктора по венерическимъ болѣзнямъ терпѣливо ждутъ очереди милые гимназисты, художники, блестящіе гвардейцы, а въ будуарахъ артистокъ „Театра Исканій“ толпятся издатели солидныхъ газетъ и общественные дѣятели, и тянутся сцены ревности, страсти, продажи и грязи...

Вечеръ за вечеромъ, актеры, писатели, публичные ораторы—всѣ эти только „мальчики изъ цирка“ только балансируютъ надъ петроградской грязью, чтобы упасть и разбить свое сердце гдѣ-нибудь передъ зеркальнымъ шкапомъ все той же красной комнаты „дома“ на Энскомъ каналѣ.

Все прежнее, все какъ прежде, и не будь на обложкѣ слона Петроградскіе можно было бы подумать, что все это написано лѣтъ пять тому назадъ въ самый темный и гадкій Петербургскій вечеръ.

Все прежнее, но вѣдь должно же, вѣдь есть оно, что-то новое, другое... вѣдь вотъ здѣсь же въ „Петроградскихъ вечерахъ“ на страницѣ 12-той есть же такая строчка у поэта: а ты—на войнѣ.

„Все прежнее, паркъ, вокзалъ,
А ты—на войнѣ.
Ты только прости сказалъ,
Улыбнулся мнѣ.
Улыбнулся въ послѣдній разъ
Подъ стукъ колесъ
И не было даже слезъ
У веселыхъ глазъ.“

Какъ просто и трогательно звучатъ даже эти непростые стихи Георгія Иванова среди скуки и мерзости „Петроградскихъ вечеровъ“.

А. Добрый.

Б. Верхоустинскій. Молодое вино. Романъ въ трехъ частяхъ. Петроградъ. 1915 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

До сихъ поръ мы знали только небольшіе рассказы этого автора. Указанный же здѣсь романъ является первою частью трилогіи, основною идеей которой, по видимому, является отраженіе русской революціи на психикѣ нашей интеллигенціи средне-высшаго класса.

Трудно судить по первой части, насколько авторъ справится со своей идеей. Съ художественной же стороны романъ не вполне благополученъ. Прежде всего это—не широкая картина живой жизни, а лишь странннй рассказъ, вродѣ прежнихъ рассказовъ автора. Читателю не на чемъ остановиться при чтеніи, чтобы уловить оригинальное наблюденіе, типичную черточку. По занимательности романъ напоминаетъ желѣзнодорожную литературу. Будемъ ждѣть дальнѣйшихъ частей романа для окончательнаго сужденія.

А. Кратовъ.

Аркадій Буховъ. Тихія непріятности. Юмористическіе рассказы. Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 25 коп.

Изъ 18 рассказовъ, которые составляютъ этотъ сборникъ, едва ли найдется три—четыре, заключающихъ подлинно смѣшные эпизоды. Но разъ таковыя имѣются, книжка стоитъ того, чтобы ее прочитали. Авторъ иногда слишкомъ злоупотребляетъ искусственнымъ шаржемъ, чтобы показать жизнь въ смѣшномъ видѣ, между тѣмъ подлинный смѣхъ, вызываемый искусствомъ, долженъ состоять въ томъ, чтобы въ самой многообразной жизни отмѣтить колоссальныя несоотвѣтствія и несообразности, вызывающія невольной смѣхъ. Авторъ часто съ этимъ забываетъ. Все же рассказы его прочтутся съ легкостью и интересомъ.

А. Кратовъ.

Война и жизнь. Литературно-публицистическій сборникъ. Саратовъ. 1915. Цѣна 50 коп.

Большая часть этого провинціального сборника, изданнаго въ пользу жертвъ войны, занята статьями, выясняющими историческій смыслъ текущей войны. Двѣ статьи П. Новомосковского „Прежде и теперь“ и „Антимилитаризмъ и война“, статья А. Киселева „Уроки войны“ и проф. В. И. Разумовскаго „Нѣкоторыя историческія данныя объ уходѣ за ранеными воинами“ очень толково излагаютъ рядъ идей историческаго, политическаго и медицинскаго характера, въ связи съ войной. Въ статьяхъ Бориса Позе „Варабаннй періодъ русской литературы“ и С. Полтавскаго „Тѣнь несозданныхъ созданий“ дана довольно вѣрная отрицательная критика современной беллетристики и поэзіи, касающейся войны. Статья Ив. Липаева говоритъ о „музыкѣ и войнѣ“, а А. Никулинъ изслѣдуетъ, что дала война пластическимъ искусствамъ на протяженіи исторіи.

Гораздо слабѣе литературный отдѣлъ сборника. Съ интересомъ читаются только „Четыре письма“ А. Киселева и „Воскресіе“ А. Галкина. Изъ прочихъ разсказовъ особенно ходульны „Блѣдный ужасъ“ Льва Гумилевского и „Цвѣты расцвѣтаютъ“ И. Ю. Борисова-Извъковскаго.

Изъ 6 стихотвореній сборника только „На часахъ“ С. Полтавскаго читается безъ критической горечи, а прочіе стихи подражательны, ходульны, нехудожественны и достойны лишь скорого забвенія.

Все же въ общемъ читатель, истратившій на этотъ благотворительный сборникъ полтинникъ, если получить малое художественное удовольствіе отъ его литературнаго отдѣла, зато получить несомнѣнно полезныя свѣдѣнія изъ отдѣла публицистическаго. Для сборника, изданнаго въ провинціи, гдѣ пишущихъ людей мало, и то хорошо.

А. Кратовъ.

О. Синцова. Фаустъ. Опера Ш. Гуно. **Ю. Энгель.** Кармень. Опера Ж. Бизе. **Б. Яновскій.** Аида. Опера Дж. Верди. Изданіе „Универсальной библиотеки. Москва. 1915. Цѣна каждой книжки 10 коп.

Необходимо привѣтствовать популярное изданіе этихъ книжекъ, въ которыхъ дана біографія автора каждой оперы, ея либретто и исторія, а также опыные примѣры. Эти книжки дадутъ возможность каждому посѣтителю оперы осмысленно къ ней подготовиться или ознакомиться съ ней въ антрактахъ не по малограмотнымъ либретто, лишеннымъ содержанія, а по указаніямъ авторитетныхъ авторовъ, специалистовъ по музыкѣ. Будемъ надѣяться, что „Универсальная библиотека“ подастъ такія же книжки и по поводу другихъ популярныхъ оперъ.

А. Кратовъ.

В. Рюктцель. Учебникъ метеорологіи для учащихся въ средней школѣ. Петроградъ. Изд. „Образованіе“. 1915.

Книжка, которая врядъ-ли можетъ служить учебникомъ, т. к. опредѣленно страдаетъ неясностью изложенія. Если такіе вопросы, какъ теорія циклоновъ и антициклоновъ, полярныхъ сіяній и т. п., дѣйствительно съ трудомъ могутъ быть удовлетворительно объяснены въ краткомъ учебникѣ бы средней школы, то, напримѣръ, понятіе функциональной зависимости, относящееся само по себѣ къ области математики, но играющее столь важную роль въ количественномъ изученіи явленій природы, вполне могло бы быть объяснено прямѣе и точнѣе. Между тѣмъ даже опредѣленіе элементарнаго понятія координатъ (стр. 9) дается крайне неясно и неточно, причѣмъ вкравшіяся и въ чертежахъ, и въ текстѣ опечатки окончательно запутываютъ дѣло. Описанія приборовъ также нельзя назвать особенно ясными. По количественному содержанію, книжка является довольно полной, давая подробныя свѣдѣнія о различныхъ метеорологическихъ элементахъ и ихъ примѣненіяхъ, о новѣйшихъ теоріяхъ строенія атмосферы, о метеорологической оптикѣ и атмосферномъ электричествѣ. Въ концѣ книги приложены таблицы — величина барометрической ступени для различныхъ давленій и температуръ, краткая гинсометрическая и гигрометрическая таблица и таблица упругости и вѣса водяного пара, насыщеннаго при данной температурѣ. Цѣну книги (60 к.) слѣдуетъ признать невысокой.

Т. Кладо.

И. А. Забужный. Въ защиту вѣры. Второе изданіе. Стр. 256, цѣна 75 коп.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1908 г., а второе въ 1914 г., до войны, но оно стало особенно важнымъ теперь, когда узелъ военныхъ событій развертывается въ Галиціи и Польшѣ среди народовъ,

исповѣдующихъ католичество или унию, т. е. единеніе православія восточнаго обряда съ католическими догматами.

Тѣмъ, кто читалъ замѣчательную книгу нашего русскаго философа Вл. Соловьева „Россія и Вселенская церковь“, книга г. Забужнаго дастъ немного новаго. Но надо сказать, что она гораздо популярнѣе и систематичнѣе книги Вл. Соловьева.

Въ переживаемые нами дни особенно важно напомнить, что христіанская церковь по существу едина, несмотря на ея видимое раздѣленіе съ 16 іюля 1054 г., что славянскіе апостолы Кирилль и Меѳодій и просвѣтителъ Россіи равноапостольный князь Владиміръ Святій, св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе принадлежали къ единой христіанской церкви, что Флорентійская униа 1439 г. и Брестская униа 1596 г. были благородными попытками возврата къ единству вѣры всѣхъ христіанъ Запада и Востока.

Книга дѣлится на 4 части. Первая въ 12 главахъ говоритъ о внутреннемъ устройствѣ христіанской церкви вообще, вторая—объ исторіи раздѣленія церкви и униі (при чемъ авторъ основывается на такомъ авторитетномъ историкѣ церкви, какъ проф. Голубинскій), въ третьей части говорится объ оспариваемыхъ пунктахъ католическаго ученія, наконецъ, въ четвертой части—объ обрядовыхъ разностяхъ между католичествомъ и православіемъ. Все это читается легко и съ большимъ интересомъ.

И. К.

Къ еврейскому вопросу въ Польшѣ. Сборникъ статей. Москва. 1915. Стр. 258. Цѣна 1 р. 50 к.

Цѣльми 12 авторовъ, не считая редактора сборника Н. Н. Полянскаго, соединились для написанія этой книги. Теперь, когда въ Польшѣ рѣшается, можетъ-быть, исходъ войны, особенно интересно разсмотрѣніе отношеній поляковъ и евреевъ, исторически связанныхъ въ теченіи вѣковъ и теперь сильно враждующихъ въ виду ожидаемаго возрожденія Польши. Какъ извѣстно, даже призвана была евреями русская передовая интеллигенція для вмѣшательства въ польско-еврейскій споръ.

Не всѣ статьи сборника имѣютъ одинаковую цѣнность. Наиболѣе богаты фактическимъ матеріаломъ статьи В. Стоклицкой-Терешковичъ, С. Мстиславской, Я. Букишана и П. Н. Малянтовича. Въ нихъ обрисовано положеніе евреевъ въ Польшѣ наканунѣ ея паденія, участіе евреевъ въ польскихъ возстаніяхъ, экономическое положеніе евреевъ и поляковъ и взгляды на ихъ взаимоотношенія съ точки зрѣнія права. Уравненіе евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ властно диктуется и правомъ, и экономикой, какъ въ Польшѣ, такъ и во всей Россіи.

А. Кратовъ.

Л. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XIII в. Изд. Отд. русск. яз. и словесности Императ. Академіи наукъ. Ц 2 р.

Масонство доселѣ овѣяно таинственностью, и тѣмъ сильнѣе влечетъ къ себѣ и историка, и просто любознательнаго, а что и любопытствующаго. У насъ, по условіямъ печати, масонство изслѣдуется съ тѣмъ большимъ трудомъ.

Г. Барсковъ указываетъ въ предисловіи: „нѣтъ работы, которая содержала бы научное описаніе печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ (относительно масонства); а эти послѣдніе или вовсе не изданы, или обратились въ библиографическія рѣдкости. Этими обстоятельствами объясняется появленіе въ свѣтъ настоящаго сборника“.

Книга эта не лишена интереса для многихъ читателей, такъ какъ въ перепискѣ масоновъ подчасъ колоритно отгнаны и человекъ вообще, и его увлеченія въ тѣ или другіе общественные моменты.

А. Налимовъ.

Пособія для лѣтнихъ работъ учащихся.

Длины необычайно въ этомъ году каникулы для учащихся. Правда, и учащіе привлечены теперь къ войнѣ въ качествѣ работниковъ, замѣняющихъ отсутствующихъ крестьянъ въ селахъ и деревняхъ. Но мобилизованы такимъ образомъ только учащіе старшихъ классовъ, младшіе ихъ товарищи поневолѣ сидятъ дома. Совѣтуемъ имъ заняться прекрасными книжками, которыя они прочтутъ и изучатъ съ большой пользой.

Конечно, мы будемъ говорить не о всѣхъ существующихъ книжкахъ этого рода, а лишь о тѣхъ, которыя присланы въ нашу редакцію за послѣдній мѣсяць.

Въ книжкѣ-тетради **Б. Игнатъева и С. Соколова**, «Наблюдай природу», выпускъ 1-й (2-ое изд., цѣна 30 коп.) данъ цѣлый рядъ задачъ о неживой природѣ и начальной географіи. Эти задачи помогутъ дѣтямъ, живущимъ на дачѣ или въ деревнѣ, развитъ свою наблюдательность относительно окружающаго ихъ міра и осознать его явленія. Здѣсь и составленіе плановъ, и

наблюденія надъ погодой, небомъ, и приготовленіе огня и орудій и др.

Тѣ же же два автора вмѣстѣ съ Н. Бородинымъ вышестили «Тетрадь для домашнихъ и классныхъ работъ по начальному курсу географіи» (цѣна 30 коп.), а С. Соколовъ и Н. Бородинъ такую же тетрадь по географіи Европы (цѣна 20 коп.). Здѣсь много упражненій для раскрашиванія и практическаго заучиванія всѣхъ подробностей первоначальнаго курса топографіи.

Въ другомъ родѣ книжка **Г. Гюнтера** «Маленькіе химикъ», прекрасно изданная и хорошо переведенная. Шутя почти, авторъ излагаетъ ученія о смѣси и соединеніяхъ, о химическихъ элементахъ и соединеніяхъ, о воздухѣ, кислотахъ, окислѣхъ, соляхъ. Въ книжкѣ много иллюстрацій. Вышняя нарядность книжки (красивый переплетъ) позволяетъ ее рекомендовать для подарковъ. Цѣна не обозначена, но, вѣроятно, она не больше рубля.

Наконецъ, немало позабавитъ и многому научитъ дѣтей книжка **Л. и Ж. Караваевыхъ** «Какъ сдѣлать самому простыя летательныя аппараты» (цѣна 20 коп.) Планеры, аэропланы, воздушные шары съ помощью множества иллюстрацій и рисунковъ могутъ быть построены самими маленькими читателями. Къ тому же это занятіе и злободневно, особенно въ Петроградѣ, гдѣ то-и-дѣло видится пробныя полеты аэроплановъ.

И. К.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыва.

«Серебряныя трубы». Сборникъ стиховъ. Одесса. 1915 г. Ц. 75 к.

А. Мейснеръ. Въ паутинѣ религій. 6-ая кн. стиховъ. Изд. О-ва «Арс» Петроградъ. Ц. 80 к.

Николай Гардеръ. «Оргіи». Изданіе «Современной библиотеки». Москва. 1915 г. Ц. 60 к.

Николай Доменикъ. «Надежда». Сборникъ стиховъ. Асхабадъ. Ц. 30 к.

Я. Окуневъ. Военская страда. Боевыя впечатлѣнія. Книгоизд. «Образованіе». Петроградъ. 1915 г.

М. Кузминъ. Зеленый Соловей. 5-ая книга рассказовъ. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Нагродская. Злые Духи. Романъ. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.

«Петроградскіе вечера». Книга 4-ая. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.

Джорджъ Саундерсъ. Послѣдній изъ Гунновъ. Ц. 75 к. Изд. кн. маг. «Трудъ».

Ариадій Буховъ. Тихія неприятности. Юмористическіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к. Скл. изд. книгоизд. и кн. маг. бывш. М. В. Попова.

П. Сентивъ. Симуляція чудеснаго. Пер. съ французск. д-ра медиц. Е. В. Святловскаго. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Н. И. Романова, складъ изд. кн. маг. бывш. М. В. Попова, Невскій, 66.

Курортный Путеводитель. Справочная книга и практический Путеводитель 1915-16 г. Ц. 1 р. 25 к. Бывш. кн-во М. В. Попова.

Общед. юридич. библиот., изд. подъ редакц. В. Я. Круковского, № 5. Опекѣ и попечительство. Изд. кн. маг. бывш. М. В. Попова. Ц. 50 к.

Универсальная библиотена. Книгоизд. «Польза», В. Антикъ и К^о. Москва.

Г. Цбинденъ. Совѣты нервнымъ больнымъ и ихъ семьямъ. Перев. съ франц. подъ редакціей д-ра О. И. Бронштейна, съ предисловіемъ проф. Н. Н. Баженова. Ц. 10 коп.

Шарль Диль. Византійскіе портреты, Томъ 1-й, вып. 2-й. Переводъ съ франц. С. Антикъ. Цѣна 20 к.

Ю. Энгель. Карменъ. Опера Ж. Бизе. Музыкальный путеводитель съ нотными примѣрами. Ц. 10 к.

Дж. К. Честертонъ. Человѣкъ, который былъ Четвергомъ. Перев. съ англійскаго Е. С. Кудашевой. Ц. 30 к.

Б. Яновскій. Аида. Опера Дж. Верди. Путеводитель съ нотными примѣрами. Ц. 10 к.

О. Сяцова. Фаустъ. Опера Ш. Гуно. Музыкальный путеводитель съ нотными примѣрами. Ц. 10 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы. Редакція, статья о «Демонѣ» и примѣч. С. Н. Дурылина. Ц. 20 к.

Профессоръ Штраусъ. Болѣзни обмѣна. Ожирѣніе, подагра, сахарная болѣзнь. Перев. подъ редакц. д-ра О. И. Бронштейна, съ предисл. проф. Москов. Унив. В. Д. Шервинскаго. Ц. 20 к.

Прив.-доц. П. Зиттлеръ. Основы здоровой жизни. Перев. съ нѣмецк. д-ра О. И. Бронштейна, съ предисл. д-ра мед. В. Е. Игнатъева. Ц. 10 к.

Пескаторе-Лангштейнъ. Уходъ за груднымъ ребенкомъ. Перев. съ нѣмецкаго д-ра О. И. Бронштейна, съ предисл. д-ра А. Киселя. Ц. 20 к.

Ю. Энгель. Музыкальный словарь. Ц. въ перепл. 30 к.

Всѣ вышеупомянутыя новыя книги можно выписывать черезъ книжный складъ при журналѣ «Новый Журналъ для Всѣхъ».

Редакторъ-Издатель **А. К. Яворовская** (Боане).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

„ВЪ ТЫЛУ“.

Въ издательствѣ бывш. М. В. Попова вышелъ и поступилъ въ продажу литературно-художественный альманахъ рижскихъ студентовъ „Въ тылу“.

Въ сборникѣ помѣщены статьи и рассказы Леонида Андреева (Дѣлай, что дѣлаешь), Анны Ахматовой (Стихи), проф. Ф. Батюшкова (Трагедія и героизмъ въ современной Бельгійской поэзіи), акад. проф. В. Бехтерева (Отрезвление народа и его физическое и нравственное оздоровленіе), Валерія Брюсова (Современность), акад. проф. Вальдена (О творческой силѣ русскихъ химиковъ), акад. В. Вернадскаго (Неиспользованныя силы земныхъ нѣдръ въ Россіи), З. Гиппиусъ (Странный законъ), Н. Гумилева (Стихи), С. Гусева-Оренбургскаго (Муки адовы), В. Давыдовича (Письмо рядового), проф. В. Зѣлинскаго (Славянское возрожденіе), Д. Койгена (Трагедія германизма), Бориса Лазаревскаго (На паровозѣ), Д. Мережковскаго (Еврейскій вопросъ, какъ русский; -Война и религія), Як. Окунева (Духъ жизни), А. Ремизова (Солдаты), проф. Е. де-Роберти (Преступленія на войнѣ и ихъ наказуемость съ социалогической точки зрѣнія), В. Львова-Рогачевскаго (Константинъ Менъе), Юрія Слезкина (Литовскій медъ), Ф. Сологуба (Стихи), Игоря Сѣверянина (Стихи), Теффи (Бѣлая одежда), прив.-доц. М. Центнершвера (Техника и наука), Т. Щепкиной-Куперникъ (Пѣсня брюссельскихъ кружевницъ).

Цѣна сборника 2 руб. Чистый доходъ отъ продажи сборника поступаетъ въ пользу жертвъ войны (50%) и недостаточныхъ студентовъ.

Принимается подписка на журналъ

ЮЖНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ ставитъ себѣ цѣлью давать всестороннее освѣщеніе текущей музыкальной жизни.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ является органомъ безпартийнымъ. Въ задачу его входитъ разсмотрѣніе вопросовъ музыкальнаго искусства, независимо отъ того или иного направленія.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ будетъ помѣщать на своихъ страницахъ статьи, какъ спеціальнаго характера, такъ и популярныя.

„Южный Музыкальный Вѣстникъ“ будетъ давать гг. подписчикамъ также нотныя приложенія.

Подписная плата 3 р. въ годъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

Адресъ редакціи и конторы журнала: Одесса ул. Новосельскаго, 92, тел. 72-70.

Редакторъ-издатель своб. худ. Н. Ф. Марценко.

Открыта подписка на новый популярно-научный и художественный журналъ

Русскій Фотографическій Вѣстникъ.

Задача журнала—разработка вопросовъ фотографическаго знанія и искусства и примѣненія фотографіи въ разныхъ областяхъ. Художественный отдѣлъ журнала дастъ воспроизведенія лучшими способами художественно-цѣнныхъ работъ фотографовъ-любителей по однотонной и цвѣтной фотографіи.

Журналъ выходитъ (въ тек. г.) шесть разъ въ годъ.

Подписная плата въ годъ съ пересылкой: въ Россіи—3 руб., за границу—4 руб. Пробный №—50 коп.

Первый № журнала выйдетъ въ апрѣлѣ мѣс. тек. года.

Редакція и контора журнала: Одесса, Б.-Арнаутская, 68.

Редакторъ и издатель журнала Георг. Серг. Михайловъ-Мучкинъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

**РУССКАЯ
ИЛЛЮСТРАЦІЯ**

изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К-о Москва.

Журналъ ставитъ своей задачей отраженіе всего, что въ данный моментъ останавливаетъ вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества.

Журналъ будетъ отмѣчать новыя явленія въ области науки, литературы, искусства и общественности краткими статьями, замѣтками, обзорами и беллетристическими очерками.

Въ каждомъ номерѣ 14—16 отдѣльныхъ страницъ будутъ заняты тщательно подобранными и художественно исполненными иллюстраціями.

Главное вниманіе журналъ обратитъ на русскую жизнь: народное хозяйство, бытъ и культуру различныхъ народностей, населяющихъ Россію, красоты и богатства ея природы, русскую старину, главныя явленія русской культуры, духовной и матеріальной и пр.

Событія великой войны займутъ въ журналѣ должное мѣсто и будутъ иллюстрированы фотографіями собственныхъ корреспондентовъ со всѣхъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Въ ближайшихъ №№ „Русской Иллюстраціи“ будутъ напечатаны стихи, рассказы и статьи Л. Андрусона, А. Будишева, В. Бруснына, Б. Верхоустинскаго, Ал. Вознесенскаго, К. Грина, И. Джонсона, А. Журина, А. Куприна, И. Касаткина, В. Кохановскаго, Н. А. Карпова, Карменъ, Н. Киселева, Б. Лазаревскаго, Вл. Ленскаго, Вл. Лидина, М. Митяшева, И. Наживина, А. Окулова, Н. Олигера, А. Панкратова, А. Ремизова, А. Рославлева, А. Свирскаго, А. Тарасевича, пр.-доц. В. Тотоміанца, Д. Цензора, Г. Чулкова, В. Шершеневича, Г. Яблочкова и др.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 80 к., на 1 мѣсяцъ 65 коп. Подписной годъ считается съ 1 февраля.

Подписка прин.: въ Москвѣ: Пименовская, 16 и Николаевская, 8; въ Петроградѣ: Фонтанка, 117; Кіевѣ: Караванская, 5. Редакція и контора: Москва, Пименовская, 16, тел. 3-71-63

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3. Телефонъ 107-88.

Книжный складъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтоваго тарифа за счетъ заказчика. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью всю причитающуюся сумму, или задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости.

При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

ОСНО
въ 18
Восемнадцать наградъ
на выставкахъ.

Петроградская Мастерская УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ и ИГРЪ

Осн. въ 1873 г. 9. ТРОИЦКАЯ УЛ., 9. Осн. въ 1873 г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Поставочной Коммисіи народн. чтеній и Московск. Коммисіи публичн. народн. чтеній.

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

Рельефныя картинки животныхъ.

Текстъ подъ ред. докт. зоологіи О. А. Гримма и проф. Э. К. Брандта. Прекрасно исполненныя картины наклеиваются на соответствующія мѣста въ описаніи, а сжатая, умѣло составленная характеристика каждаго животнаго въ отдѣльности и подробное описаніе особенностей каждаго типа дѣлаютъ изданіе не только хорошимъ руководствомъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ животнымъ міромъ, но и цѣннымъ дополненіемъ къ любому школьному зоологическому атласу.

- Вып. I. МЛЕНОПИТАЮЩІЯ—20 табл. съ 228 отд. карт. Ц. 2 р.
- Вып. II. ПТИЦЫ—24 табл. съ 288 отд. карт. Ц. 2 р. 40 к.
- Вып. III. БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ—30 табл. съ 360 отд. карт. Ц. 3 р.

НЯНИНА АРИѠМЕТИКА

книжка съ раскрашенными картинками для изученія первыхъ ДЕСЯТИ чисель. Для дѣтей отъ 4 лѣтъ.

Текстъ составилъ А. Н. Канаевъ.

Изученіе чисель ведется рѣшеніемъ задачъ по картинкамъ, при чемъ попутно сообщаются свѣдѣнія изъ окружающей природы.

2-е изданіе, Ц. 60 к.

АРИѠМЕТИКА.

2-е изданіе посмертное, Ц. 80 к.

Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѠметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чисель.

Составилъ А. Н. Канаевъ.

Съ 40 рис. въ текстъ, съ вопрос. и задач. для усвоенія пройденнаго. I-е изд. Учен. Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. допущено, какъ учебное пособіе, для среднихъ и низшихъ учебн. завед. и включена въ каталоги книгъ для библиотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

I-е изд. Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, какъ учебное пособіе.

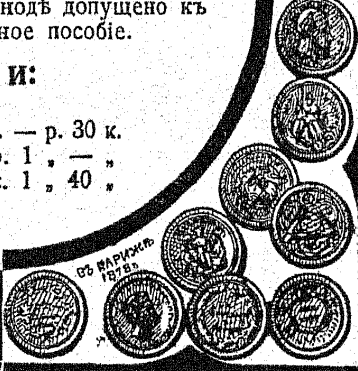
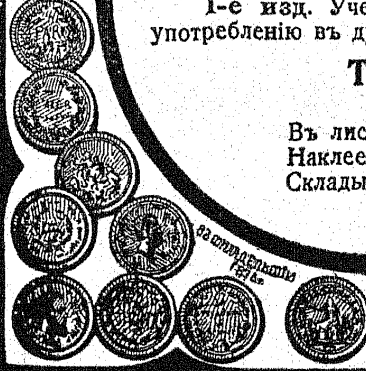
Таблица нумераціи:

Составилъ А. Н. КАНАЕВЪ.

Въ листахъ — р. 30 к.
Наклеенная на папку съ подвижн. цифр. 1 „ — „
Складывающаяся для удобства при перес. 1 „ 40 „

Медаль Импер. Русск. Техн. Общ-ва ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ УСТРОЕНІЕ УЧЕБНОГО УСТРОЕНІЯ ВОЛШЕБИ. ФОНОГРАФЪ И ИХЪ ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ. МЕДАЛИ НА ВЫСТАВКАХЪ: въ Филладефій „ЗА ИЗОБРЕТЕНІЕ-НОСТЬ, ОРГАНИЧНОСТЬ И ДЕШЕВИЗНУ“ въ Парижѣ, Москвѣ, Петроградѣ и мн. друг.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ на выставкѣ при 2-мъ съѣздѣ дѣтенокъ по техническому и профес-сіональному образованію въ Москвѣ 1896 года на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году.

1 р. 90 к.
ВЪ ГОДЪ
безъ доставки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1915-й годъ
на
Н О В Ы Й

2 р. 20 к.
ВЪ ГОДЪ
съ пересылкой.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Подписной годъ съ января).

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, имѣть **серьезное** ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогами, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Слѣдующая намѣченная программа, „Новый Журналъ для Всѣхъ“ будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность содержания, прогрессивность мысли — таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей.

Слѣдующая разъ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, **чуждый какого либо пристрастія и партійности.**

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями и виньетками. Для **каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.**

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ своей задачей идти на **встрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ предоставляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.**

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ удѣлять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничной художественно-артистической жизни.

Журналъ будетъ выходить **ежемѣсячно**, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 столб.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—33 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается **разсрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 іюля.**

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель **А. Боане-Яворовская.**

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензіи на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—иногородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно просятъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.

Стихотворенія, не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 коп.

